

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК НИКОДИМ, АРХИЕПИСКОП КОСТРОМСКОЙ И ГАЛИЧСКИЙ

29 ноября 1868 года в селе Погрешино Середского уезда Костромской епархии в семье священника Василия Федоровича и Ольги Васильевны Кротковых родился сын Николай — будущий священномученик.

В 1883 году Николай Кротков окончил духовное училище, а в 1889-м — Костромскую семинарию. Семья Кротковых была настолько бедна и жила так трудно, что в годы учения в духовной школе родители отправляли Николая в Кострому без единой копейки. Но Господь не оставлял Своего избранника без помощи.

По окончании семинарии Николай Васильевич поступил учителем в церковноприходскую школу села Олеш Галичского уезда. Примерно в это же время он венчался девице Аполлинии Андреевне Успенской, а 25 февраля 1890 года принял священный сан и был определен преосвященным Августинем (Гуляницким), епископом Костромским, на священническое место к Петро-Павловской церкви села Тезино Кинешемского уезда. Этот приход составляли рабочие трех больших фабрик — около десяти тысяч человек. Богослужение в храме совершалось ежедневно, а многочисленные требы занимали все свободное время. В поисках большего религиозно-нравственного воздействия на рабочих о. Николай завел в церкви духовные чтения с поучениями, которым обыкновенно предшествовало, особенно в посты, служение акафиста. Но любимым детищем молодого священника была сельская народная школа, в которой он состоял законоучителем. Все время, остававшееся от пастырских трудов, он отдавал преподаванию в школе. Неутомимая пастырско-просветительская деятельность снискала тезинскому священнику всеобщую любовь прихожан-рабочих и расположение епархиальной власти, вскоре наградившей начинающего иерея набедренником.

Только семейная жизнь у о. Николая Кроткова не сложилась: умер ребенок, а за ним — любимая жена

Аполлинария Андреевна. Внезапно осиротев, о. Николай смиренно переносил постигшее его горе, находя утешение в молитве и пастырском попечении о еще более несчастных. Из глубины его переживаний, просветленных сердечной молитвой, родилось решение принять монашество и оставить приход. Но епископ Уманский Сергей (Ланин), знавший Кроткова по Костромской семинарии, в своих письмах убедил не спешить с реализацией такого важного намерения и продолжить образование. И уже в сентябре 1896 года Кротков стал студентом Киевской Духовной Академии. С глубокой скорбью прихожане села Тезина прощались с любимым пастырем; проводить его на железнодорожную станцию собрались все и со слезами на глазах высказывали священнику самые добрые пожелания.

На четвертом курсе Академии Кротков принял монашество с наречением имени в честь праведного Никодима. Постриг совершил епископ Уманский Сергей 13 августа 1899 года в Ближних пещерах Киевской Лавры.

Духовную Академию иеромонах Никодим закончил в 1900 году со степенью кандидата богословия и 24 августа того же года указом Святейшего Синода был определен смотрителем Владикавказского духовного училища. Его трудами было расширено училищное здание, устроена домашняя церковь, выхлопотаны у города в собственность училища две десятины земли, на которой при помощи учеников был разбит фруктовый сад. Кроме своей прямой службы, о. Никодим с 14 октября 1900 года по 6 сентября 1902 года состоял членом местного епархиального училищного совета. За свою полезную деятельность иеромонах Никодим 11 мая 1902 года был возведен преосвященным Владимиром (Сеньковским), епископом Владикавказским, в сан игумена. А когда в городе Кутаиси появилась вакансия инспектора духовной семинарии, игумен Никодим был назначен на эту должность (5 сентября 1902 года). С глубоким сожалением отпускали о. Никодима его ученики и сослуживцы по Владикавказскому училищу. В газетах по этому поводу писали, что в обществе он приобрел репутацию «заботливого администратора, экономного распорядителя, искреннего педагога и весьма гуманного, прямого и сердечного человека».

Местное грузинское общество почтило отъезжавшего из Владикавказа игумена па собрании в Грузинском училище и выразило чувство особого удовольствия видеть такого любвеобильного и доброжелательного пастыря на поприще духовно-просветительской деятельности в пределах Грузии. Но пребывание о. Никодима в Кутаиси было непродолжительным, всего несколько месяцев (здесь он с 4 октября 1902 года состоял членом Имеретинского епархиального училищного совета), и уже 8 января 1903 года отец инспектор был назначен ректором Александровской миссионерской семинарии в городе Ардон Терской области.

В Тифлисе Экзарх Грузии преосвященный Алексей (Опоцкий) возвел Кроткова в сан архимандрита. За два года о. Никодим много потрудился над благоустройством семинарии: построил новое здание, завел приличную обстановку для общежития, отделал домашнюю церковь на средства, собранные исключительно им самим.

С 8 февраля 1903 года ректорские обязанности архимандрит Никодим совмещал с должностью председателя Ардонского отделения епархиального училищного совета, а 28 сентября 1904 года он был назначен благочинным епархиальных монастырей.

Но более всего административные способности о. Никодима проявились во время его ректорства в Псковской духовной семинарии, куда он был переведен из Ардона указом Святейшего Синода от 25 мая 1905 года. Здесь его управление совпало с общим кризисом русской жизни, с периодом самых бурных семинарских беспорядков. Ему пришлось перенести немало неприятностей от взбунтовавшихся семинаристов. Когда под влиянием революционных идей почти все студенты отказались учиться и все меры педагогического воздействия на их отуманенные умы исчерпались, семинарию пришлось дважды закрывать — в октябре 1905-го и в мае 1906 года. При обратном приеме в семинарию архимандрит Никодим проявлял большую тактичность и не прибегал к широким репрессиям, учитывая, что многие из студентов стали жертвой злонамеренной агитации.

Смиренный ректор Псковской семинарии ограничился исключением руководителей беспорядков и тайных

организаторов. Пренебрегая общепринятым формализмом, архимандрит Никодим в своих отношениях с семинаристами исходил только из их блага и делал все возможное для улучшения учебного и воспитательного процесса. Для этого он организовал из учеников старших классов кружок «народных проповедников» и ходил с ними накануне воскресных дней в «Дом Трудолюбия», где совершал богослужение для его обездоленных насельников, а очередной член кружка произносил проповедь или поучение. Неудивительно, что «батюшку-ректора» хорошо знали и любили не столько представители высших слоев местного общества, сколько простой народ. 26 августа 1906 года Кротков был назначен председателем Псковского епархиального училищного совета.

В частной жизни о. Никодим довольствовался самой простой обстановкой. В личных отношениях отличался искренностью и прямоотой; всегда доступный, он никогда не показывал своего начальственного положения. Талант администратора, личные достоинства его были отмечены церковным священноначалием, и архимандрит Никодим был определен для архиерейской хиротонии. 10 - 11 ноября 1907 года состоялись церковные торжества — наречение и хиротония архимандрита Никодима (Кроткова), бывшего ректора Псковской духовной семинарии, во епископа Аккерманского, викария Кишиневской епархии.

Подобные церковные торжества обычно совершались в стольных городах, главным образом в Санкт-Петербурге как центре церковного управления. Лишь изредка честь эта предоставлялась некоторым значительным древним русским городам. Ввиду этого воля императора Николая II о совершении наречения и хиротонии архимандрита Никодима в Кишиневе явилась особым знаком монаршего внимания к Кишиневской епархии.

Весть о том, что наречение и хиротония нового викария будут совершены в Кишиневе, с большим энтузиазмом была встречена местными жителями, желавшими быть свидетелями этого особенного священнодействия.

Преосвященный Владимир (Сеньковский), епископ Кишиневский и Хотинский, в силу предоставленного ему указом Святейшего Синода права пригласил к участию в наречении и хиротонии архимандрита Никодима во епископа Преосвященных

Аркадия (Филонова), бывшего епископа Аккерманского, Сергия (Петрова), епископа Новомиргородского, первого викария Херсонской епархии, и Иннокентия (Ястребова), епископа Каневского, викария Киевской епархии.

Наречение было совершено 10 ноября в зале архиерейского дома. На большом столе, покрытом красным сукном, были поставлены Святое Евангелие, Святой Крест и Зерцало. К полудню стали собираться желавшие видеть это торжество.

Ровно в час дня предстоятель, епископ Кишиневский Владимир, епископы Аркадий, Сергей и Иннокентий из внутренних архиерейских покоев вошли в залу. Здесь они облачились в мантии, а Преосвященный Владимир облачился поверх мантии в епитрахиль, поручи и омофор.

Архипастыри заняли приготовленные для них места за столом. Наступили торжественные минуты. В зале вод ворилась тишина. Два архимандрита, получив благословение от епископа Владимира, вышли из зала, чтобы представить для наречения архимандрита Никодима. Взоры присутствующих устремились к входным дверям зала. Из алтаря крестовой церкви, внутренним входом архиерейского дома, вошел будущий архипастырь в сопровождении двух архимандритов, о. Анфима и о. Германа, как свидетелей пред Богом и Церковью его епископского исповедания. Преклонившись пред Преосвященными и получив от них благословение, архимандрит Никодим стал около стола в ожидании объявления Божией, святительской и царской воли о наречении его во епископа. Секретарь местной духовной консистории В.Г.Введенский объявил эту волю, выраженную в указе Святейшего Синода, а будущий епископ трогательными словами выразил подчинение этой воле: «Благодарю, приемлю и нимало вопреки глаголю».

Началась главная часть чина наречения — соборное архипастырское молебное пение о будущем епископе. Архипастыри обычными начальными молитвами призвали благодатную помощь Святого Духа в предстоящем святом деле. Затем архиереи пропели песнопения дня Пятидесятницы: «Благословен еси, Христе Боже наш» и «Егда снишед языки слия», перенося молитвенное внимание присутствующих к величайшим и священным минутам, когда Святой Дух сошел на апостолов и когда они восприняли всю полноту иерархического

служения. После песнопения первенствующий архипастырь, владыка Владимир произнес ектению, в которой возносились прошения за Государя, духовные и мирские власти и будущего архипастыря. Необычно было слышать слово диаконской ектении из уст архиерея. Отпуст дня Пятидесятницы завершил это знаменательное молитвенное избрание нового апостольского преемника. Протодиакон Георгий Малонецкий провозгласил многолетие.

Когда смолкли звуки многолетия, нареченный во епископа обратился к присутствовавшим с прочувствованной речью:

«Богомудрые архипастыри и отцы!

Повеление о бытии мне епископом Богоспасаемого града Аккермана, выслушанное мною сейчас, достигло слуха моего значительно раньше, в то время еще, когда я был на далеком севере и трудился в духовной школе над образованием и воспитанием духовного юношества. Живо помню тот момент: я занят был подготовлением к уроку Священного Писания, который должен был дать своим воспитанникам, и вот в это время мною было получено известие о новом назначении. Смутился дух мой, я потерял то душевное равновесие, которое необходимо при умственных занятиях. С того времени прошел уже месяц, но и доселе дух мой не успокоился. Страшит меня высота епископского служения и соединенных с ним обязанностей и строгая ответственность за неисполнение их, с одной стороны, а с другой — скудость и слабость сил моих.

Епископ есть пастырь, устроитель и руководитель к вечному спасению вверенной ему паствы, или душ христианских, вместе с пастырями. Он преемник апостолов, продолжатель того дела, которое совершил на земле Господь Иисус Христос. Что может быть выше этого служения? Слово Божие называет епископа Ангелом вверенной ему паствы (Апок. 2 гл.), светом мира, солию земли (Мф. V, 13,14).

Исполнять свое великое служение епископ должен прежде всего учением, проповеданием Слова Божия, истин веры и нравственности, сообщенных Господом Спасителем. Слово Божие особенно много говорит об этой обязанности епископа. Епископу, говорит святой апостол Павел, подобает быти учительну (1 Тим. III, 2), совершать дело благовестника (2 Тим. IV, 5), держаться верного словесе по учению Христову), да

силен будет и утешать в здравом учении и противящееся обличать (Тит. I, 9); проповедуй слово, — говорит святой апостол Павел ученику своему Тимофею епископу, — настой благовремение и безвременно, облечи, запрети, умоли со всяким долготерпением и учением (2 Тим. IV, 2). Епископ, по апостолу, должен быть готов и пострадать за благовестие Христово (2 Тим. I, 8).

Обязанность учительства в высшей степени тяжела в настоящее время. Весьма многие, пользуясь свободным печатным словом, стараются поколебать основы веры и нравственности, осмеивают самые сокровенные проявления религиозной жизни, отчего неверие и неправовереие распространяются чрезвычайно быстро, проникая в те слои общества, которые доселе были преданны вере. Поколебать в добре всегда легче, чем научить ему. Проповеданием Слова Божия, учительством не ограничиваются обязанности епископа. Святой апостол Павел учит, что епископ должен во всем показывать в себе образец добрых дел (Тит. II, 7), он должен быть образцом для верующих в слове, житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте (1 Тим. IV, 12), он должен быть непорочен по своей жизни (1 Тим. III, 2). Таким образом, на епископе лежит обязанность не только учить верующих словом, но еще более примером собственной добродетельной жизни, беспорочной, святой не во вне только, но и в своих внутренних движениях. Эти обязанности чрезвычайно высоки для обыкновенного смертного человека. Но, кроме этого, епископ есть строитель тайн Божиих (1 Кор. IV, 1), он должен священнодействовать, возносить молитвы, прошения и благодарения за свою паству, за избавление ее от грехов, бедствий и скорбей; он должен и управлять в делах церковных пасомыми и пастырями, что при многочисленности паствы, при распущенности нравов представляет весьма много трудностей. А между тем какая ответственность грозит за неисполнение своих обязанностей епископу! Господь говорит одному ветхозаветному пастырю: если ты не будешь вразумлять беззаконника и он умрет в беззаконии своем, я взыщу кровь его от рук твоих (Иез. III, 18).

Вот эти мысли смущают дух мой и заставляют трепетать сердце мое, когда я думаю о предстоящем мне служении. Силы мои мне кажутся недостаточными и слабыми для прохождения

столь высоких и ответственных обязанностей.

Наряду с этим приходят на ум и мысли другого рода, успокоительные. Я прошел уже значительный жизненный путь и за все пережитое время видел на себе явную руку Божию, восполняющую естественную слабость моих сил и помогающую проходить поручаемые мне служения. По своему происхождению я принадлежу к духовной семье, бедной в материальном отношении настолько, что часто в годы юности, в годы учения в духовной школе, родители отправляли меня в губернский город, где я учился, совершенно без копейки. Мысль, что в училище или семинарии содержаться не на что, беспокоила меня более всего. Однако Господь не оставлял меня без помощи. Находились благодетели из родственников, которые оказывали мне помощь, платили за меня взносы в общежитие. Однако только при той дешевизне содержания, какая существует в общежитиях духовно-учебных заведений, я мог учиться с помощью родственников, и потому я всегда благодарен воспитавшей меня духовной школе, так порицаемой ныне, за одно то, что она дала мне возможность и весьма многим другим беднякам при минимальных средствах учиться.

По окончании средней школы я решил посвятить себя пастырскому служению, к чему, собственно, и готовила меня духовная школа. Священником я стал, когда мне только что исполнился 21 год. Юный возраст, недостаточная подготовка, громадный фабричный приход, требовавший от священника особенного внимания и усиленной деятельности, немало смущали меня. Однако Господь не оставил меня без Своей помощи: я прослужил на приходе около семи лет, и когда, испытав горесть вдовства на 27-м году от роду, задумал идти в Академию, прихожане убедительно просили меня остаться у них. А когда я был принят в Академию, то прощание мое было слишком тяжело для меня и для них. По окончании Академии мне судил Бог идти по духовно-учебной службе. Проходил ее я в течение семи с лишком лет в должности смотрителя духовного училища, инспектора и ректора семинарии.

В течение прошедшей жизни я убеждаюсь, что Господь и при слабости сил моих помогал мне проходить поручаемые мне служения. Дерзаю уповать, что и впредь Господь не лишит меня Своей помощи.

Успокаивает меня в моем смущении и то, что в епископском сане я призываюсь служить под твоим святительским руководством, Первостоятель Церкви Бессарабской. В третий раз мне судит Господь пользоваться этим руководством. Тебе более, чем кому-либо другому, по предшествовавшей службе на Кавказе ведомы мои немощи, ты, однако, покрыл их своею любовью и призываешь меня в ближайшие помощники свои по управлению врученную тебе от Бога паствою. Благодарю тебя за отеческую любовь ко мне. Мыслью в сердце соединить свою волю с твоею. Мне ведомы твоя природная мудрость, твоя опытность в делах церковных, приобретенная в разных концах нашего Отечества при служении твоём Церкви Божией. Веди же за собою меня, пастыря, научи меня, на какие пажити водить духовных чад, как право править слово истины Христовой.

Согласие свое на принятие епископского служения я уже дал Вам, богомудрые Архипастыри и отцы. Теперь обращаюсь к Вам с серднейшею просьбою: вознесите свои святительские молитвы о мне, грешнем, да ниспошлет на меня Господь, с Вашим возложением рук, Свою всеильную благодать, которая бы врачевала немощи и восполнила недостаток сил моих к достойному прохождению пастырского служения в сане епископа. Аминь».

После речи архимандрита Никодима Преосвященный Владимир окропил новонареченного святой водой и осе нил его животворящим крестом, к которому он благоговейно приложился. Этим закончилось наречение.

Настало воскресенье 11 ноября. Еще задолго до начала звона к церковному торжеству и Божественной литургии богомольцы стали стекаться в кафедральный собор, который мог вместить не более тысячи человек, а потому многие, несмотря на ненастную погоду, оставались на паперти и на площади собора. В 9 часов утра начали звонить. Вскоре в собор прибыли епископы Аркадий, Сергей и Иннокентий. Через четверть часа приехал Преосвященный Владимир. У входа его встречали двенадцать священнослужителей. Среди них был и новонареченный во епископа архимандрит Никодим. Владыка проследовал при пении входного «Достойно» к наместным иконам для чтения положенных входных молитв. Обычным порядком совершалось на середине храма облачение

Преосвященного Владимира и чтение часов. По окончании часов отверзлись царские врата, на середину храма в полном архиерейском облачении вышли Преосвященные Аркадий, Сергей и Иннокентий и заняли места на амвоне рядом с Преосвященным Владимиром. Священнослужители — архимандриты Анфим и Герман, протоиереи кафедрального собора о. Николай Василевский, ректор семинарии о. Павел Казанский, о. Георгий Дынга, о. Николай Лашков и другие заняли места по сторонам от амвона к царским вратам. В алтаре остался только новонареченный. Наступила вторая часть епископского посвящения — «чип исповедания и обещания архипастырского».

Епископ Владимир благословил настоятеля кафедрального собора и протодиакона представить новонареченного для епископского служения взорам архипастырей, пастырей и пасомых. Новонареченный вышел царскими вратами, сошел с солеи и стал лицом к владыкам, на заранее приготовленный ковер с изображенным на нем во всю его величину орлом, заняв место у его ног. Протодиакон возгласил: «Приводится боголюбезнейший, избранный и утвержденный архимандрит Никодим хиротонисаться во епископа града Аккермана». Первенствующий святитель спросил хиротонисуемого: «Чесо ради пришел еси и от нашей мерности чесо просиши?» «Хиротонии архиерейския благодати, Преосвященнойшие», — ответил о. Никодим. Первенствующий святитель снова спросил: «И како веруеши?» В ответ на это архимандрит Никодим начал читать архиерейское исповедание веры, разделенное на три отдела. Дважды еще чтение было прерываемо возгласением протодиакона о хиротонии архимандрита Никодима во епископа и вопросами первенствующего святителя: «Яви еще пространнее, како исповедуеши о свойствах Трех Ипостасей и непостижимого Божества?» После ответа последовал третий вопрос первенствующего святителя: «Яви нам еще подробнее, како исповедуеши яже о вочеловечении ипостасного Сына и Слова Божия и како содержиши каноны святых апостол и святых отец и предания и установления церковныя?» Нареченный во епископа трижды давал обетования хранить в чистоте и православии все догматы христианские, соблюдать правила

апостольские и соборные, блюсти церковный мир, повиноваться Святейшему Синоду и быть во всем соглас- * ным с собратьями-епископами, в страхе Божиим и боголюбивым нравом управлять вверенным ему словесным стадом. Он обещал «ничего не делать вопреки священным правилам, по принуждению сильных, хотя бы смертью ему претили, — не принимать странных обычаев в церковных преданиях и чинах, но хранить предания и чины все неизменно с кафолическою Восточною Церковью Православною и согласно и единоумно со Святейшим Правительствующим Всероссийским Синодом и со Святейшими четырьмя Патриархами, восточного благочестия хранителями и правителями». Наконец, как сын своей родной русской земли он обещал быть верным подданным государя, усердным тружеником на пользу своей Родины.

Чем подробнее новонареченный раскрывал свои верования, тем более и более приближался к святителям, принимавшим его обеты перед Богом и людьми. Первенствующий святитель после каждого отдела исповедания веры призывал на хиротонисуемого благодать Бога Отца, Господа Иисуса Христа и Святого Духа. Восходя по ковру от ног до главы орла, хиротонисуемый достиг архиерейской кафедры и, кроме словесного обещания, вручил первенствующему архипастырю письменное, скрепленное его рукою, выражение того же исповедания. И только тогда первенствующий владыка объявил, что благодать Божия через его мерность удостоивает архимандрита Никодима рукоположения в епископский сан.

Все владыки благословили архимандрита Никодима. Поклонившись архипастырям, будущий епископ удалился в алтарь и стал на приготовленном для него архиерейском орлеце. На середине храма остались четыре архиерея и 12 священнослужителей.

Началась Божественная литургия, которая до малого входа совершалась обычным порядком. После Трисвятого, когда архипастыри и все священнослужители были уже в алтаре, настоятель собора о. Николай с протодиаконем подвели из алтаря от северных дверей архимандрита к царским вратам, а отсюда Преосвященные Сергей и Иннокентий приняли его и ввели в царские врата к Престолу. В священном трепете новонареченный склонился пред Престолом. Предстоятель

тремякратно осенил его главу своим благословением. Раскрытое святое Евангелие письменами возложено на главу хиротонисуемого, поддерживаемое десницами хиротонисовавших святителей.

Владыка Владимир вслух возгласил молитву о ниспослании Божественной благодати Святого Духа на хиротонисуемого епископа. Окончились слова священной молитвы, и восстал пред престолом новый епископ уже во всей полноте благодатных дарований. При многократном пении «аксиос» святители возложили на нового собрата во Христе саккос, омофор, крест, панагию и митру. Братским целованием приветствовали архипастыри того, кто только что получил архиерейскую хиротонию. Епископ Никодим занял место рядом с предстоятелем и владыкой Сергием. (После хиротонии Преосвященные Аркадий и Иннокентий разоблачились и в дальнейшем совершении литургии не участвовали.) Владыка возгласил: «Мир всем» к чтению Апостола, и литургия продолжалась обычным порядком. Как священнодействующий в соборе иерархов, епископ Никодим осенял молящихся дикирием и трикирием после чтения святого Евангелия, на великом входе принимал святую чашу и молитвенно вспоминал Святейший Синод, Преосвященных, участвовавших в хиротонии, весь освященный собор, властей и всех православных христиан.

В положенное церковным уставом время епископ Никодим через совершение иерейской и диаконской хиротонии самим делом явил перед всею церковью Богодарованную ему полноту архиерейской благодати. (В сан иерея был рукоположен диакон Димитрий Попович, в сан диакона — Михаил Плаксин.) Сослужившие в литургии архимандриты, протоиереи и иереи из рук Преосвященного Никодима причастились Святых Таин. После причащения священнослужителей епископ Никодим произнес возглас: «Спаси, Боже, люди Твоя» и осенил народ дикирием и трикирием.

В конце Божественной литургии архиереи разоблачились в алтаре и благословили епископу Никодиму возложить на себя архиерейскую рясу, мантию, клобук и четки. Совершив хиротонию, иерархи вышли на амвон, по сторонам заняли места священнослужители, участвовавшие в совершении литургии. Лицом к иерархам стал Преосвященный Никодим. Владыка

Владимир вручил ему архиерейский жезл и сказал назидательную речь, во многом оказавшуюся пророческой:

«Преосвященный Епископ Никодим, возлюбленный о Христе брат!

Избранный церковным священноначалием и утвержденный верховною властью Благочестивейшего Государя Императора, чрез таинственное возложение рук святителей Божиих, ты ныне удостоен архиерейской благодати. Приветствую тебя с сим великим даром благодати Божией и высоким служением, поручаемым тебе в Церкви Христовой. Радуюсь назначением тебя в сослужителя и соработника мне, ибо ты ведом мне по служению твоему в прежней моей епархии на Кавказе в качестве руководителя по образованию и воспитанию питомцев в низшей и средней духовных школах. Памятны мне слезы воспитанников училища при проводах тебя в Закавказье. Эти детские слезы говорили красноречивее всяких адресов. Вскоре ты снова возвратился на Северный Кавказ и стал во главе открытой при мне инородческой семинарии. Ныне по некоторым обстоятельствам, предшествовавшим избранию тебя, ясно вижу, что третья наша встреча на другой окраине нашего Отечества состоялась не без указания Промысла Божия для совместного возделывания духовного виноградника в области, обилующей вещественными виноградниками.

Господь судил мне впервые предстоять среди архиереев Божиих, возлагавших на главу твою руки свои для низведения архиерейской благодати, и второй раз вручать епископский жезл. «Во все времена был высок и труден подвиг епископского служения уже потому, что епископство есть служение высшим духовным целям человеческой жизни. Но в настоящее беспокойное время — время шатания и колебания в мысли и жизни, отрицания всего, что выше простой вещественной потребности, — епископское служение можно назвать по справедливости подвигом мученическим. Настоящая современность с каким-то особенным усердием, достойным лучшего дела, готова вести — и ведет — епископа на Голгофу, дабы распять там и сделать его мишенью для всяческих злословий, укоров, издевательств». Это было мною сказано при вручении жезла одному епископу, ныне с ревностью и благоплодно подвизающемуся на далекой окраине нашего

Отечества. Если сказанное всего пять лет назад было небезосновательно, то что сказать о тяжести епископского служения в настоящее время, когда, при мятеже народной души, враги Родины, будучи врагами Церкви Христовой и ее служителей, то чрез кощунственную печать, то путем богохульных речений, оскверняя самое дорогое и священное в человеке — его душу и совесть, всеми силами стараются разрушить основание духовной жизни народной — веру Христову и разорвать многовековую связь народа с матерью его святой Церковью, имея в виду, что «с падением алтарей и служителей их падут и престолы».

Но в настоящие великие и торжественные минуты в твоей жизни да не возглаголют уста моя злых дел человеческих и да не смущается, при крепкой вере в Бога, сердце твое, возлюбленный о Христе брат. В ободрение твое могу сказать, на основании личного опыта, что здесь не встретишь ты тех тяжелых скорбей, которые испытали в последнее время многие архипастыри от чужих и своих, в особенности от своих, безумными глаголами соблазняющих «малых сих», попирая данные пред святой Церковью обеты... Здесь ты встретишь от пастырей и паствы любовь, почитание и послушание, в особенности если твои наставления, указания, советы будут растворяться любовью Христовою; увидишь многолюдное собрание верующих, наполняющих нашу «митрополию»¹ еще до начала акафиста, читаемого в воскресные дни, и с верою и любовью притекающих к многочтимой здешней святыне — иконе Гербовцевской Божией Матери; увидишь глубокое внимание к архипастырскому слову, как бы оно часто ни предлагалось в храме и вне оно.

Но не скрою, что среди простого деревенского люда, в огромном большинстве, при глубокой его вере, к при- 1 скорбию, в области вероучения и нравоучения царит глубокая тьма, вследствие которой во многих религиозных обычаях видится чисто языческий культ. Конечно, религиозное просвещение паствы лежит на обязанности близко стоящих к народу пастырей — сотрудников и помощников епископа. Но, к

---

¹Так называлась Крестовая церковь при архиерейском доме со времени первого епархиального архиерея митрополита Гавриила.

сожалению, церковное учительство у многих пастырей не входило в непрременную обязанность пастырского служения. Поэтому и в их деятельности требуется воздействие со стороны архипастыря. Занятые больше внешним исполнением своих обязанностей, многие из них, кажется, и не подозревали до последнего времени, что они должны быть нравственною силою среди народа, направителями его жизни. Вследствие разных причин были принижены не материально только, но и нравственно. Нужно оживить их деятельность, возбудить в них энергию и сознание их пастырского достоинства. В помощь нам и для ободрения пастырей в их деятельности мы имеем мощное слово неустанно пекущегося о благе нашем Монарха нашего, призвавшего, между прочими, и духовенство в качестве членов Государственной Думы к осуществлению великого дела — устройению земли русской.

Прими же сей пастыреначальнический жезл от руки нашей как бы от десницы Самого Христа Спасителя, невидимо здесь присущего и исповедание и обещание твое слышавшего, и паси им словесное стадо, помня глагол Господень: «Пастырь добрый душу свою полагает за овцы» (Ин. X, 11).

В заключение моего приветственного слова имею потребу в просьбе к тебе. В течение многих лет странствовал я по горам Алтайским и степям Киргизским с посохом Евангельского веропроповедника, «взыскав погибшее и обретая заблудшее»; затем в течение также многих лет, по указанию промысла Божия, странствие мое продолжилось на Кавказе и продолжается в Бессарабии, но уже с жезлом архипастырским. Под бременем недуга моего — неразлучного спутника почти во все время моего служения — в последние годы я уже держу сей жезл не столь твердо, как в прежние годы, когда и лета были моложе, и силы крепче. Поэтому, держа одною рукою свой жезл, позволь время от времени другою рукою опираться на твой, ныне воспринимаемый тобою жезл, дабы при совокупности в меру данных нам Богом сил более благоплодно возделывать врученный нам виноградник Божий.

От новой почившей на тебе благодати архиерейской преподай благословение Господне людям Божиим, zde предстоящим».

На этой высокой ноте закончилось торжество. В тот же день

в половине пятого владыка Владимир в сослужении с епископом Никодимом читал акафист перед местночтимой Гербовецкой иконой Божией Матери. На следующий день епископ Аккерманский Никодим совершил Божественную литургию в крестовой церкви и рукоположил диакона Михаила Плаксина во иерея.

Начались архиерейские будни. Обстановка в Бессарабии была сложной. За пышными фасадами имперского благоденствия бурлили разрушительные революционные страсти, националистические соблазны набирали силу. Опереться на местную элиту не представлялось возможным. В разговоре со священником К.Парфсньевым Преосвященный Владимир так характеризовал сложившуюся ситуацию: «Кишиневская интеллигенция, настоящая и так называемая, действительно поразила и поражает меня своей отдаленностью от Церкви и ее служителей. В местах прежнего моего служения я видел иное отношение интеллигенции. Нельзя сказать, чтобы кишиневская интеллигенция была либеральной, напротив, она очень консервативна, но, тем не менее, она действительно индифферентна к вопросам веры и чуждается Церкви. Кроме этих недостатков, среди интеллигенции заметно также и отсутствие дисциплинированности во время богослужений в храме».

Националистические и сепаратистские настроения стали главенствующими для бессарабской интеллигенции. Владыка Никодим оставался в оппозиции к различным политическим и националистическим течениям, имевшим своей целью отторжение Бессарабии от России, был непримирим к автокефальным тенденциям, находившим к тому времени достаточное количество сторонников, поддерживаемых румынскими спецслужбами. Сепаратисты пытались «упросить» епископа Никодима «сузить» свою миссионерскую деятельность. Заинтересованные круги сулили всевозможные «выгоды» — «материальную помощь», «успешную карьеру», чтобы владыка умерил свою ревность о церковном устройении и «не замечал некоторых вещей». Но их надежды не оправдались. Не обошлось и без провокаций. Много лет спустя владыка говорил по этому поводу так: «Как я, православный архиерей, могу пойти на компромисс со своею совестью и делать то, что не

совпадает с церковным интересом?» И он с неиссякаемой ревностью продолжал трудиться на благо Матери Церкви.

Владыка объезжал епархию, знакомился с церковной и светской жизнью. В зале городской думы проходили духовные беседы с участием владыки, посвящавшиеся вопросам богословия, а также истории и культуры. Перед такими встречами, как правило, архиерейский хор исполнял духовные распевы, в том числе и местных авторов.

Приведем чтения епископа Никодима о бессмертии души.

«Вера в бессмертие — жизненный нерв христианства, чем оно прежде всего отличается от не имущих упование, то есть язычников. «Не хочу же вас, братие, не ведети о умерших, да не скорбите, якоже и прочии, не имущии упования», — говорит апостол Павел в своем 1-м послании к Солуньянам (IV, 13). Бессмертие души — не только предмет веры, но и предмет глубокого убеждения, не чуждого людям точных знаний, светилам науки. Современная психология, научно разработанная, приходит к выводу, что не может быть сомнений в самостоятельности духовных явлений и несводимости их к одним физическим материальным отношениям. В марте 1895 года профессор Арман Сабатье в центре науки, в Парижском университете, прочел ряд лекций в защиту христианского учения о личном бессмертии. Но христианство не только теоретически может обосновывать идею бессмертия души человеческой, оно фактически на ней создается, оно покоится на твердом факте воскресения Иисуса Христа, начатка умерших, первенца из умерших (1 Кор. XV, 20). Если Христос воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним (1 Сол. IV, 14). Но и самый факт этот все же лишь доказательство бессмертия души для разума; чувство же наше, протестуя против смерти, разве не содрогается от нее?

Что может дать человеку силу противоборствовать факту смерти? Таким фактом, перед которым ступенеживается сама смерть, является жизнь, которую имеет верующий в Сына Божия. Для живущего истинной жизнью, которую даровал нам Бог в Сыне Своем, нет смерти — таково учение христианское, ярко отличающееся от обыденного. Для большинства людей смысл жизни здесь, на земле, в науках, искусствах, в предметах страсти и увлечениях или, наконец, в служении ближним. Но

ища жизни в тленном мире, а не в Боге, человек делает ошибку, которая приводит рано или поздно к сознанию пустоты целей его жизни. Как нелепо было бы искать света не в солнце, а в отражениях его, нелепо было бы искать жизни настоящей, неувядающей в ином источнике, кроме Бога, Который всему дает жизнь. Человек же не имеет жизни в себе, лишь о Нем, то есть о Боге, мы и живем, и движемся, и есмы (Деян. XVII, 28). Эту жизнь миру явил Христос. «Жизнь явилась, — говорит апостол, — и мы видели и свидетельствуем, и возвещаем вам сию вечную жизнь, которая была у Отца и явилась нам (1 Ин. I, 2). Чтобы не бояться смерти, надо приобщиться этой вечной жизни, надо жить, для чего необходимо быть христианами».

И так, тоскуя по Вечности, своей жизнью владыка являл собой замечательный пример благочестия. Христианину нередко приходится отвечать за свои слова, не только сомнительные, но и за высокие, и за Боговдохновенные. Господь рано или поздно приводит человека в ситуацию, выявляющую, что на самом деле стояло в основе тех или иных утверждений.

8 мая 1908 года владыка посетил Единецкое духовное училище в сопровождении епархиального наблюдателя церковных школ протоиерея Андрея Пелявского, а также благочинного Хотинского уезда священника Георгия Куницкого. Отслужив молебен святителю Николаю, архиерей осмотрел училище, а вечером посетил VIII Бессарабскую сельскохозяйственную выставку, где, главным образом, его интересовали учебные и кустарные отделы. На следующий день владыка посетил уроки всех преподавателей училища и столовую учеников во время обеда. На свои средства он велел купить конфет для учеников. Вникая в каждую мелочь, архиерей оставался неизменно доброжелательным как к воспитанникам, так и к воспитателям. Утром 11 мая епископ Никодим отслужил молебен святым равноапостольным Мефодию и Кириллу и произнес пространное назидание о житии и подвиге святых учителей словенских. Из церкви он зашел в столовую, где ученики пили утренний чай, и, попрощавшись, оставил деньги на приобретение для учеников религиозно-нравственных листов в память о своем посещении училища. После он отправился в село Тырново, где остались о нем самые светлые воспоминания. Доброта, отзывчивость, приветливость и

доступность расположили к нему всех, с кем он познакомился.

Владыка Никодим часто служил и почти всегда во время богослужения проповедовал. Основные темы его проповедей — неотмирность христианства, Церковь, вне которой нельзя обрести спасение.

Традиционные духовные беседы проходили в Кишиневской городской думе. 9 марта 1908 года беседа была целиком посвящена значению Церкви Христовой в жизни человечества. Владыка вдохновенно говорил об одухотворяющем воздействии на науку и искусство Православной Церкви, о том, что она облагораживает нравы и обычаи народов, смиряет чувственную человеческую природу, которой христианство отводит служебную роль в жизни — быть средством, а не целью. Разбирая аргументы не признающих Церковь, которые строились на отрицании Богочеловечества и Искупительной жертвы, владыка говорил о необходимости Церкви для спасения человечества, благодати, присутствующей в ней, и ее значении для морального роста каждого человека и общества в целом. «Как дитя по своем рождении не может сказать матери: «Ты мне не нужна», — так и вступивший на путь Спасителя духовнорожденный не может обойтись без благодати Церкви Христовой. Само общество нуждается в постоянном воздействии Церкви: никакая цивилизация не может заменить Церкви Божией на земле, восстающие против церкви утрачивают истинное понятие о том, в чем зло. Зло — грех; с умножением людей усиливается и грех. Цивилизация стремится к материальному благосостоянию человека, христианство же — к духовно-нравственному его совершенству. Смешение этих двух целей и ведет к искажению идей христианства: идея равенства всех перед Богом как богоподобных созданий выродилась в идею всеобщего внешнего уравнивания; идея свободы нравственной в человеке — в идею свободы от всяких обязанностей, свободы личности — на все, что требует эта личность. Человек сравнен с животным, и борьба человека против зла, или нравственная борьба, сменилась борьбой за существование.

Принципы жизни диких людей возобладали. Дикарь камнем, пущенным из первобытного орудия, убивает врага и съедает его — такова дикость древнего человека (невольно вспоминается

скульптура Шадра «Булыжник — орудие пролетариата», ставшая символом последующей эпохи. — *Авт.*); цивилизованный человек движением пальца, мановением руки приводит в действие орудие, которое уничтожает разом целую толпу народа. Древний спартанец убивал ребенка, если находил его хилым; современный культурный человек убивает его в зародыше. Варварство не исчезло в цивилизованном обществе, напротив, оно возросло в силе. Христианская Церковь и имеет своим назначением развить в человечестве желание пользоваться своими силами не как целью жизни, а лишь как средством к духовно-нравственному возрождению».

Епископ Серафим

почему орудием Своей смерти Он избрал крест и в) как презрительное отношение к кресту перешло в благоговейное его почитание?

Страдания Спасителя вызваны были грехопадением наших прародителей. Грех прародителей, при всей его видимой

В дни Великого Поста епископ Никодим, как правило, говорил проповеди на покаянные темы. Вот краткое содержание другой беседы, прочитанной 16 марта и посвященной Кресту Господню: «Четвертая неделя Великого Поста посвящена особому чествованию Креста Господня. Это чествование объясняется страданиями Спасителя, пролившего кровь Свою на кресте. Такая связь чествования креста со страданиями Спасителя заставляет остановиться на выяснении трех вопросов: а) почему пострадал Христос, б)

ничтожности, отличается крайней сложностью.

Наши прародители обнаружили удивительную чувственность и алчность. В их распоряжении были все блага, щедро рассыпанные Творцом. Однако они, не удовлетворившись этим, захотели единого запретного плода. Обнаружили они и неверие, пренебрегши предупреждением Господа о роковых последствиях от вкушения запрещенного плода. В их же желании быть равным Богу проглядывает гордость.

Грех прародителей требовал искупления, которого, однако, грешный человек дать был не в состоянии. Бесконечное правосудие Божие требовало такого же удовлетворения, которое Ему могло дать только существо Безгрешное. Отсюда страдальческий подвиг Христа, приведший Его к роковой развязке крестной смерти.

Крестная смерть Спасителя, таким образом, была необходима для искупления греха прародителей. В их грехопадении проявилось величайшее непослушание Господу, которое должно было быть искуплено величайшим послушанием Спасителя. Крестная смерть Спасителя и была проявлением этого смирения и послушания.

Святая безгрешная кровь Спасителя, обогрившая крест, тем самым освятила его божественной силой, таившейся во Христе, подобно тому как одно прикосновение к Его одежде сопровождалось исходждением благодати.

Такое освящение креста кровию Величайшего Божественного Стра- *Епископ (Чичачов) 1911 год* дальца, естественно, превратило его в предмет благоговейного почитания. Это почитание проявилось очень рано. Уже апостол Петр, из уважения к крестной смерти Спасителя, просил повесить его вниз головой. Апостол же Андрей, идя на крестную смерть, воскликнул: «О, крест, давно любимый мною!» О широком распространении почитания креста в первые века христианства говорит и Игнатий Богоносец. В IV веке Константин Великий, которому было видение на небе креста со словами «Сим побеждай», приказал сделать изображение креста на знаменах своего войска.

С течением времени почитание креста приобрело общехристианский характер, что и выразилось в определении VII Вселенского Собора о почитании креста».

Творчески благодатная атмосфера религиозных чтений благоприятно воздействовала на жителей Кишинева и неизменно вызывала большой интерес. Как правило, чтения прерывались концертным пением под управлением священника Березовского.

В ноябре 1908 года на Кишиневскую кафедру был назначен владыка Серафим (Чичагов), выдающийся церковный деятель, автор Серафимо-Дивеевской летописи и многих других сочинений. В солнечной Бессарабии, в мнимо безоблачное время относительного благоденствия империи, не без промысла Божия встретились два будущих священномученика.

Преосвященный Никодим, епископ Аккерманский, сказал приветственную речь владыке Серафиму при вступлении его в кафедральный собор:

«Ваше Преосвященство, Преосвященнейший Владыко, Милостивейший Архипастырь и Отец!

В настоящий торжественный момент, когда ты впервыеходишь в этот соборный храм и готовишься вступить в тесный духовный союз с своею Богом дарованною тебе паствою, мы, пастыри и пасомые, собрались сюда, чтобы приветствовать тебя с благополучным прибытием, чтобы разделить с тобою первую общую молитву за тебя и за нас, чтобы слышать от тебя слово приветствия и получить твое благословение.

На днях мы с печалью, со многими слезами проводили отсюда предместника твоего, показавшими, что паства Кишиневская любила своего Архипастыря, ценила его труды и заботы о ней. Это добрый знак, показывающий, что служение церковное, пастырское, дело религии не безразлично для кишиневской паствы, что религию и Церковь она любит, любит достойных и пастырей. При ближайшем знакомстве своем с паствою кишиневской ты, Владыка святой, и сам скоро это увидишь. Ты увидишь, что храмы, в которых будешь совершать богослужения, будут полны молящимися, что митрополия, или церковь при твоём архиерейском доме, очень обширная, в дни чтения акафистов едва вмещает желающих помолиться предместночтимой чудотворной святыней — Гербовецкой иконой Божией Матери; ты увидишь глубокое внимание к архипастырскому слову, как бы оно часто ни предлагалось в храме и вне его; ты изведает на опыте усиленное стремление

со стороны пасомых получить чрез таинства, тобою совершаемые, чрез благословение, тобою преподаваемое, благодатное освящение свыше. Отсюда ты поймешь, что религиозные потребности твоей паствы, которая ждет от тебя их удовлетворения, глубоки, сильны и крепки. Конечно, это не о всех пасомых можно сказать. В своей новой пастве ты встретишь и колеблющихся, и сомневающихся, и отторгшихся в раскол, сектанство и неверие. Но большинство твоей паствы — верные сыны святой Церкви, от нес только и от ее пастырей ожидающие удовлетворения своих духовных нужд.

Пастыри, твои ближайшие помощники здесь, послушны, покорны своему архипастырю и готовы идти за ним в деле служения Церкви и устройства христианского общества по советам Христа Спасителя.

Вот что мы сочли нужным сказать тебе, Архипастырь наш, о новой твоей пастве.

Эта паства, в особенности пастыри, знают и тебя, своего Архипастыря. Благодаря печатному слову твоя деятельность архипастырская, особенно на последнем месте твоего служения в Орловской епархии, становилась известною и нам. Мы видели, как много ты трудился на пользу этой паствы и шел особенным путем в этом деле. Ты призывал пастырей Церкви объединиться на собраниях окружных и уездных для деятельности, веря, что в единении сила. Ты особое внимание обратил на оживление церковной жизни в приходах, этих малых общинах христианских, представляющих в Церкви особые организмы. По твоему указанию в приходах устроятся советы, где под руководством священника благочестивые из мирян заботятся об оживлении церковной жизни. Эти советы приходские устраивают школы, библиотеки не только по селам, но и деревням, устраивают общества трезвости на борьбу с народным злом — пьянством. В это дело оживления приходской жизни ты вложил много труда и энергии, недаром орловская паства окружила тебя такою любовью и проводила с таким сожалением. Мы думаем, что деятельность твоя и здесь, на новой кафедре, главным образом будет направлена к оживлению приходской жизни, что твое прощальное слово к пастырям Орловской епархии должно быть настольным писанием для пастырей Кишиневской епархии, что на дело

оживления религиозно-нравственной жизни здесь ты употребишь все свои силы и энергию. И поверь, владыко, что новая паства оценит твои труды и окружит тебя такою же любовью, как и орловская паства. С этой уверенностью войди в этот святой храм Божий, где промыслом Божиим указано тебе возносить молитву и низводить благословение Божие на вверенную твоему руководству паству, и да будет благословенно Господом вхождение твое. Аминь».

Преосвященный Серафим ответил кратким словом благодарности за добрые слова и теплый прием. Трижды облобызался с епископом Никодимом и при пении «Достоинно есть» направился в алтарь.

Затем владыка Серафим обратился к собравшимся с пространным словом, в котором, призывая мир на Богом вверенную ему паству, заявил, что счастлив служить и проповедовать слово Божие в крае, где один из предков его водружал крест над полумесяцем. После этого был отслужен краткий молебен.

Епископ Никодим, как и прежде, с ревностью трудился на ниве миссионерства и просвещения, считая это самым важным в Кишиневской епархии. Колебания и сомнения религиозного и нравственного свойства, вздобранные революционной пропагандой, несмотря на формальное благоденствие Российской империи, давали о себе знать. Для более внимательного взгляда жизнь окраины не представлялась стабильной и неколебимой.

На съезде уездных наблюдателей церковных школ Кишиневской епархии один из преподавателей характеризовал ситуацию таким образом: «В лице Вашего Преосвященства мы имеем ревностного защитника и поборника православия и всего того, что дорого русскому народу. Мы уверены, что и наша православная церковноприходская школа как работающая под сенью православной Церкви дорога вашему сердцу и в потребных случаях в Вашем лице найдет сильную поддержку и защиту. Это особенно важно и ценно теперь, когда враги православия, стараясь подорвать устои православной русской жизни, не оставляют в покое и нашей православной церковноприходской школы и всевозможными усилиями стараются умалить ее значение. Поддержи же, Владыко, наше

святое дело».

На это владыка ответил: «Я придаю большое значение церковноприходской школе в деле религиозно-нравственного воспитания подрастающего поколения и употребляю все усилия к поддержанию этой школы». Несомненно, каждое новое поколение должно евангелизироваться и воцерковляться отдельно, с учетом специфики времени, само собою это никогда не происходило и во все времена требовало специальных и больших усилий.

По завершении съезда, в знак любви и единомыслия, была сделана фотография, запечатлевшая епископов Серафима и Никодима со священнослужителями епархии.

24 февраля 1909 года состоялось теплое и трогательное прощание с владыкой Владимиром, переведенным на Донскую архиепископскую кафедру. Энтузиасты собрали 160 рублей пожертвований, на которые и заказали в иконописной мастерской Киево-Печерской Лавры образ Равноапостольного князя Владимира, точную копию работы В.Васнецова, известную по Киевскому Владимирскому собору. Внизу иконы была приделана серебряная пластинка с выгравированной надписью: «Благодарные бессарабцы соорудили сей образ и пожертвовали в митрополию в память своего Архипастыря — отца, врача больных душ, Архиепископа Владимира, бывшего Кишиневского и Хотинского с 1904—1908 гг.».

Преосвященный Никодим совершил чип освящения образа. Перед вручением он сказал несколько теплых слов о своем бывшем начальнике и друге: «Этот образ и есть плод этой любви, этой благодарной памяти преданных душ бессарабской паствы к бывшему своему Архипастырю Владимиру... Такая любовь в высшей степени трогательна. Чем она вызвана? Это видно из надписи, приложенной к образу. Там говорится, что он сооружен в память об Архипастыре, отце, враче больных душ. Как ближайший сотрудник Высокопреосвященного Владимира я не ошибусь, если скажу, что вы называете его отцом потому, что он возрождал вас духовно от жизни мирской, суетной, греховной к жизни христианской, святой, к жизни под руководством Церкви, по заповедям Божиим, по завету Господа Спасителя нашего. Совершал он это великое дело возрождения душ христианских и посредством богослужения общественного,

истового, благоговейного, благолепного и потому назидательного, а еще больше посредством своего архипастырского живого слова, коим он сопровождал почти каждое свое служение. Как ценились вами служение и проповедь Высокопреосвященного Владимира, видно из того, что церковь эта не могла вместить всех желающих здесь молиться и слушать архипастырское слово, потому она им же была расширена почти вдвое. Церковный амвон этот оказался недостаточным для проповедника, потому Высокопреосвященный Владимир устроил особую кафедру, с которой слова проповедника слышнее для богомольцев. Здесь, с этой кафедры, вы, братия, получали из уст Архипастыря духовное врачевание своих больных душ от скорбей, несчастий, тяжелых духовных дум, здесь росла, крепла любовь между пастырем и паствою. Он врачевал вас своею щедрою благотворительностью, помогая из своих средств всем нуждающимся без различия. Все благотворительные учреждения города Кишинева имели в лице Высокопреосвященного Владимира своего щедрого покровителя, но эта общественная благотворительность не препятствовала ему благотворить и частно. Редкий день, бывало, не встретишь в его приемной десятка бедняков, из коих никто не уходил без помощи».

Свою речь епископ Никодим закончил словами: «Вам же, братия, за вашу любовь к Архипастырю — смиренному служителю Господа Спасителя, строителю тайн Божиих — да воздаст Господь Своими благами временными и вечными. Аминь».

После освящения образа был отслужен молебен о здравии владыки Владимира, затем икона была установлена над кафедрой, с которой он всегда обращался к народу с назиданиями. Многолетние совместные труды, исполненные теплого и доброго взаимопонимания, родили духовную дружбу, которая не разрушилась и на расстоянии.

Несмотря на все трудности архипастырского служения, занятость и различные попечения, владыка находил время для исторических изысканий. Политический и исторический ландшафт Бессарабии был достаточно сложным и противоречивым и, по мнению епископа Никодима, нуждался в тщательном изучении. Будучи председателем Церковного

историко-археологического общества, он обратился к корпорациям духовных учебных заведений, духовенству и духовной консистории Кишиневской епархии с воззванием проделать комплексную работу по изучению епархии за последние 100 лет со времени присоединения Бессарабии к России. Свой взгляд на проблему владыка изложил следующим образом: «Приближается знаменательный момент в жизни Бессарабии — столетие присоединения ее к России. В такие моменты усиленно работает мысль, является потребность оглянуться на пройденный путь, подвести итоги прожитому. Эта потребность самопознания, безусловно, присуща жителям Бессарабии, особенно же ее интеллигентным работникам. На них как на наиболее сознательных представителей Бессарабии лежит обязанность оживить и воскресить в сознании потомства исторический путь, пройденный бессарабской церковью. Местная жизнь, местные архивы полны неисчерпаемого исторического материала, и нужно только любящее сердце, дабы под его живительными лучами ожили и заговорили сухие, бесстрастные листы архивной бумаги. Бессарабское Церковное историко-археологическое общество живет надеждою, что его призыв к изучению местной церковной жизни встретит живой отклик. Жатвы много, и нужны только энергичные работники по изучению церковной жизни местного края. Посему к вам, интеллигентным труженикам и работникам, обращается Бессарабское Церковное историко-археологическое общество с просьбой поработать на обширной, почти незатронутой ниве изучения церковной жизни Бессарабии. Желаящие последовать зову Общества пусть заявят ему о своем желании, дабы в общем собрании членов Общества и лиц, желающих потрудиться по изучению местной церковной жизни, наметить материал и темы для работ; лиц же, избравших для себя известные темы, сообщить их Обществу, дабы при общем содействии и единении работа их была плодотворнее».

Владыка постоянно проповедовал, считая осознанную церковность народа первейшим делом своей архиерейской совести, и его труды в значительной степени воскрешали и оживляли приходскую жизнь. До нас дошло несколько проповедей, сказанных в кафедральном соборе Кишинева в последний год его служения в Бессарабии. 1 мая 1911 года

архиерей сказал:

«Воскресение Христово есть событие, в котором яснейшим образом проявилась Божественная сила Господа, творившая пред Его очевидцами и последователями множество чудес, исцелившая и расслабленного, которого святая Церковь сегодня вспоминает.

Это исцеление произошло в праздник иудейской Пасхи в присутствии народа, собравшегося в Иерусалим со всех стран мира, у иерусалимского источника водного, у водоема, или купальни, названной по-еврейски «Вифезда». Здесь к северу от храма было пять притворов, предохранявших множество лежавших в них разных больных от зноя, холода и непогоды; водоем имел особенную силу: Ангел Господень всякий год раз сходил в воду, возмущал ее, делая ее мутною или, по мнению некоторых, красною, и кто первый из больных — хромой ли, слепой, сухой — входил в купель, исцелялся, какой бы ни был одержим болезнью. Это источник не такой, как минеральный, на который врачи посылают, где не первый [вошедший] выздоравливает, а источник единственный во всем мире.

И вот, Господь, пришедший на праздничное торжество, пришел к купели и устремил Свой взор на 38 лет расслабленного, который все годы искал помощника и не находил. Можно себе представить, до чего истощила его болезнь: он был живым мертвецом, но он не потерял веры и надежды своей на Бога. И вопрошает его Господь, не зная его желания как Сердцеведец, а чтобы поднять его дух веры: хочет ли быть он здоровым. И отвечает расслабленный: хочу, но не нахожу здесь помощи и сам не успеваю войти первым в купель. Он не ропщет, а только говорит, что нет близкого человека, который бы опустил его в купель. Не странно ли это, что в Иерусалиме было много людей, много тысяч населения, а нужный человек не находился. Никто не говорил к нему до сих пор так участливо и сострадательно, как Благий Господь, Который тотчас сжалился и исцелил страдальца одним словом, чего никак не ждал последний, от чего изумились многочисленные свидетели чуда, как 38 лет больной вдруг совершенно выздоровел, взял свою постель и ушел домой. Какая радость, лакая благодарность была в его душе! Не будем останавливаться на том, как евреи злобствовали и негодовали

на Господа, что это сделано в субботу. Упомянем только, что спустя немного времени Господь встретил исцеленного в храме и предостерег его впредь не грешить, чтобы не было чего с ним хуже.

За это чудо мы и должны прославлять и благодарить Бога и воспользоваться нравоучениями, заключающимися в нем. Как Господь, пришед в Иерусалим молиться, соединяет с молитвой и исцеление больного, так и мы в праздничные дни молитвой нашей окажем всякое добро и помощь нашим больным, бедным и нуждающимся. Слышав о 38-летнем страдании без зависти к здоровым или ропота, и мы безропотно, с терпением перенесем свои страдания. Исцеленный пришел в храм благодарить, будем и мы благодарны Господу за всякое благодеяние Его.

Вифезда, по толкованию святых отцов — святая Церковь, в которой получаем все очищение от грехов. Будем любить святую Церковь, приходить в храм, причащаться и получать залог здесь здоровья душевного и телесного, а там — вечной жизни».

Другая дошедшая до нас проповедь была произнесена

22 мая в том же кишиневском кафедральном соборе:

«Сегодня вспоминаются отцы первого Вселенского Собора, бывшего в городе Никее в 325 году по Рождестве Христовом; он был создан по распоряжению императора Константина, равноапостольного и великого.

До святого царя Константина в Греко-Римской империи проповедь христианства была запрещена, христианство было гонимо; а святой Константин, сам крестившись, разрешил и всем подданным своим креститься, чтобы христианство распространялось среди язычников и иудеев.

Но после недолгого мира из недр Церкви явился враг, хотевший поколебать ее, извратить учение о Богочеловеке. Это священник Александрийской церкви Арий, учивший, что Господь Христос не Единородный Сын Божий, прежде всех веков рожденный от Отца, а Божие творение; что было время, когда не было Его. Все христиане возмутились. И вот царь Константин, по совету приближенных епископов, решил собрать собор, чтобы осудить богопротивное учение Ария.

Среди собравшихся 318 отцов Церкви были замечательнейшие по своей святой жизни Николай

Мирликийский, Спиридон Тримифунтский, Афанасий Александрийский, Иаков Низибийский.

Святые отцы прежде всего совершили молитву и потом в храме Божиим приступили к обсуждению учения Ария; осудили его и изложили в Символе веры православное учение веры — в словах «рожденна, не сотворенна». Арий же, не подчинившийся Собору, был от Церкви отлучен. Вот этих отцов прославляем ныне за верность слову Божию и Преданию. Пусть пример их послужит уроком и для нас с вами, братья и сестры.

Настоящее время — время отрицания и неверия. Говорят, что мир, вселенная и человек явились без Бога, благодаря слепым силам природы, и вся жизнь этими силами совершается; что теперь свободно надо жить, не подчиняясь никому и ничему; что не будет ни Божия суда, ни жизни будущего века; при этом свое учение стараются навязать и другим.

Вспоминая ревность святых отцов, мы должны держаться того же откровенного учения Божия, находящегося в Священном Писании и Предании, которое нам передали святые апостолы и пророки не от себя, а от Святого Духа, где о Боге и о жизни изложено все так же ясно, определено, решительно, утешительно. Поэтому безбожным проповедникам скажем, что не по силам природы все течет, а по воле Бога — Творца неба и земли и всего, что есть в них. Да и разум не может допустить, чтобы создан был природой человек, венец творения, его духовная природа, разумная, свободная.

Отрицающим суд Божий скажем, что, как слово Божие гласит, будет суд и воздаяние праведным и грешным.

Отрицающим власти скажем, что власти от Бога, и противящиеся власти Божию повелению противятся.

Говорящим, что человек должен быть свободным в своих естественных потребностях, возразим, что свободен человек был только в раю, а вне его от разнузданности страстей и чувств люди уподобляются скотам несмысленным; напомним им слова апостола Павла, что ни блудники, ни пьяницы, ни воры, ни им подобные Царства Божия не наследят.

Всем им противопоставим Божие учение и самую жизнь, Священное Предание, которое отрицается как лишнее, как, например, о соблюдении праздников, постов, посещений церкви и др., между тем как оно обязательно для христианина как

восполняющее то учение Господа и апостолов Его, которое в слове Божиим не заключается. Сам Господь соблюдал праздники; апостолы усиливали в праздничные дни молитву свою и проповедь; необходимость и характер поста также ими указаны и установлены с достаточною основательностью. Святая Церковь устанавливала то, чего нет в Писании, по учению Господа Христа.

Послушаем, как мать, свою святую Церковь, ибо, как сказал один святой отец, кому она не мать, тому Бог не отец. Если же не признаем церковного учения, то отвергнем и Божественное. Если будем, подобно святым отцам, ревностными в вере, то ничто не сможет нас поколебать».

26 сентября 1911 года проповедь, записанная неизвестным слушателем, была посвящена апостолу и евангелисту Иоанну Богослову:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Апостола и евангелиста Иоанна Богослова, блаженную кончину которого сегодня празднуем, святая Церковь именует «Христу Богу возлюбленным»; а сам апостол называет себя учеником, «егоже любяше Иисус»; среди других был он преимущественно близким ко Господу апостолом.

В числе трех избраннейших зрителей необычайных небесных явлений во время Преображения Господня на горе Фаворе был и Иоанн; при совершении Господом Иисусом Христом величайшего чуда воскрешения дочери Иаира он присутствовал; на предсмертное моление о крестной своей чаше Божественный Страдалец берет Петра, Иакова и Иоанна; на Тайной вечери один только Иоанн возлежал на персях Господа.

Несомненно, особенная любовь Христа к нему основывалась на такой же любви его ко Господу. Когда при взятии Господа все Его ученики в страхе разбежались, исключительно только Иоанн вошел во двор «архиереев» видеть, что с Ним будет.

Когда Господь был распят на кресте и окружен врагами, среди неистовства толпы один Иоанн стоял и созерцал, что делается, и здесь-то он увидел последнее свидетельство Спасителя к нему, когда Спаситель, указывая с высоты креста на Иоанна, сказал Матери: «Се сын Твой» и, указывая на Матерь Свою, сказал Иоанну: «Се Мати твоя»; очевидно, что из всех учеников Господь выбрал одного Иоанна и вверил ему

одинокую Мать.

Церковная история свидетельствует, что апостол Иоанн, по вознесении Господа на небо, не возвратился к своему ремеслу, которым занимался, а стал безвозвратным Его последователем и продолжал Его дело на земле; он лет пятнадцать, до Успения Богоматери, помогал апостолу Иакову устроить Церковь в Иерусалиме, а потом отправился в другие страны и в Ефес с проповедью Евангелия, везде наставляя и руководя пастырями и пасомыми.

Проповедовать Христа тогда было несравненно труднее. Теперь о Христе можно свободно говорить, а тогда за это преследовали и гнали, как изгнан был и Иоанн из Малой Азии. Трудность благовестия усиливалась и со стороны самих христиан, впадших в ереси, и потому апостолу приходилось не только обращать неверующих, но и бороться с еретиками из веровавших.

Нужно ли при этом вспоминать мне, с какою любовью относился Иоанн к верующим христианам; быть может, известен вам рассказ о юноше, который по небрежности епископа отпал, но был апостолом восставлен; как апостол искал юношу в разбойничьем стане и, нашед, бежал за ним, убегавшим от апостола, пока не остановил его, пока юноша не пал к апостольским ногам, покался и возвратился обратно в христианство; вот доказательство крепкой любви апостола к обращенным христианам, он известен как апостол любви.

Предание говорит, что, когда он не мог ходить, сами верующие приносили его в храм и он одну лишь фразу повторял: «Дети, любите друг друга, как и Христос возлюбил вас». В его посланиях наиболее всего завещается любовь прежде к Богу, а потом к «чадам Его — людям»; «Кто говорит, что Бога любит, а брата ненавидит, тот лжец, и любви в нем нет». Он же говорит: «Не любим словом, а делом», то есть, всякой помощью, добром и благотворением».

Вспоминая ныне столь славного апостола, запечатаем его образ в душах наших и, так же как и он, послужим свою христианскую жизнь любовью Богу и людям. Аминь».

Но главным образом внимание епископа было приковано к миссионерству, остававшемуся краеугольным камнем его архиерейских трудов. 19 февраля 1911 года на молебне в

митрополии перед открытием миссионерских курсов, владыка сказал о том, как он видит эту проблему, и выразил свое отношение к новым веяниям:

«Церковь наша от начала подвергалась нападениям врагов ее — иудеев, язычников, разных еретиков; и она одержала победы над всеми. Несмотря на 2000-летие ее существования, враги ее увеличились, особенно со дня недавнего указа о веротерпимости в России. Поэтому отныне нельзя по-прежнему довольствоваться одним миссионером, который один ездил и устраивал диспуты. И вот, по мысли нашего выдающегося ревностнейшего архипастыря, Преосвященнейшего епископа Серафима, призван к нам новый епархиальный миссионер, опытный в борьбе с сектантами; он будет совместно с духовенством изучать то из Священного Писания и церковной нашей жизни, что наиболее пререкается сектантами; будут везде избирать более ревностных прихожан для сотрудничества в борьбе; и враги тогда не будут столь страшны, ибо православные дадут отпор им. Таким образом, наше православное миссионерство будет отбивать врагов, отторгающих от Церкви православных, а колеблющихся будет утверждать. И помолимся, да будет это, чтобы Христова Церковь не умялась, а росла через присоединение и тех, которые отпали от нее».

Служение в Бессарабии епископа Никодима подходило к концу. Повеление императора от 16 ноября 1911 года гласило: «Высочайше утвердить изволил всеподданнейший доклад Святейшего Синода о бытии 1 викарию Кишиневской епархии Преосвященному Аккерманскому Никодиму епископом Чигиринским, вторым викарием Киевской епархии, с переименованием второго викария сей епархии епископа Каневского Иннокентия в 1 викария оной».

По этому поводу в воскресенье, 27 ноября, в кафедральном соборе состоялось чествование владыки Никодима и прощание его с кишиневской паствой. В соборе, где четыре года тому назад епископ Никодим был посвящен в архиерейский сан, собрались почитатели владыки: военные, представители разных ведомств, воспитанники духовных и светских школ и духовенство городских церквей.

Когда владыка прибыл в храм, ключарь собора о. Василий

Гума, встретив его с крестом, произнес торжественную речь: «Ваше Преосвященство, Преосвященнейший Владыко! Как некогда Авраам верою повиновался призыванию идти в другую страну, которую имел получить в наследие, и пошел, не зная, куда идет, так Вы, тем же духом движимый, еще недавно прибыли в неведомую Вам Бессарабию и в этом новом городе ее и храме впервые из епископов ее возгрели в себе здесь же воспринятую Божественную епископскую благодать; и ныне вот идете отсюда в святой град Киев, где светит ярче славный крест Христов, высоко и твердо водруженный там во тьме язычества святым равноапостольным Владимиром; ибо мы не имеем постоянно пребывающего града, но ищем будущего (Евр. XIII, 14).

Быть может, эта священная наша встреча с Вами уже последняя, сегодняшняя Ваша здесь преосвященническая молитва — прощальная, и многие из нас не увидят больше Вашего кроткого лица; по, владыко, святительский Ваш образ глубоко успел запечатлеться в душах верующих бессарабцев, и они, Ваши признательные ученики, будут поминать Вас как сослужбника и преемника духа и жизни преосвященных Владимира и Аркадия, как первого сподвижника господина нашего Преосвященнейшего Серафима и оставляемого вместо Вас Преосвященнейшего Гавриила; как наставника, благовествовавшего им слово Божие, Божия домостроителя и епископа Христова, который был пред Господом и нами епископ благочинен, честей, тих, миролюбив, не сварлив, не дерзок, не гневлив (1 Тим. III, 2—3). Да будет для Вас Ваше близкое отшествие от нас благословенным залогом достижения блаженнейших Евангельских обетований на земле».

Эту литургию епископ Никодим совершал в сослужении с занявшим его место епископом Гавриилом (Чепуром) совместно с соборным и городским духовенством. Пел архиерейский хор. Во время литургии и молебна духовенство и хор уже титуловали Преосвященного Никодима «епископом Чигиринским». После литургии был отслужен напутственный молебен. Владыка Гавриил пригласил всех помолиться за покидающего Бессарабию епископа Никодима, отправляющегося к киевским святыням, чтобы Господь помог ему достойным образом нести служение Церкви Христовой в новой епархии. По окончании

молебна епископ Никодим вышел на амвон и обратился к пастве с прочувствованным словом. Как повествует епархиальная хроника, со слезами на глазах он просил всех, кого он когда-нибудь и чем-нибудь обидел, — духовенство, «сладкогласных певчих» и «публику» — простить его. Многие из духовенства и молящихся плакали. Поистине, так может прощаться только отец со своими чадами, когда в отношениях нет примеси лжи и лицеприятия, когда все выстроено на добром фундаменте евангельской любви.

Приведем прощальное слово Преосвященного Никодима, обращенное к кишиневской пастве, напитанное любовью и заботой:

«Не имамы зде пребывающаго града, но грядущаго взыскуем». Слова эти святой апостол Павел сказал относительно земной жизни человека. Жизнь эта так непродолжительна, так коротка, что мы не можем считать даже город, в котором мы живем, постоянным пребыванием. Если так коротка земная жизнь человека, то что сказать о наших временных пребываниях в течение этой жизни в разных городах и селениях? Подлинно, — не имамы пребывающаго града.

Четыре года прошло, как состоялось назначение меня сюда викарием Кишиневской епархии, и вот я уже слышу голос, призывающий меня в другой город, к другим людям на служение. Сегодня я совершил последнюю литургию в этом святом храме, в последний раз здесь помолился за вас, братие и сестры, за всю паству бессарабскую и за себя. Через несколько дней я должен расстаться с вами, оставить ваш город и эту епархию.

Расставаться с Кишиневом и Бессарабией для меня тяжело. Кишинев первый город моего служения в архиерейском сане. Здесь я, по милости Божией, получил благодать архиерейскую, в этом именно кафедральном соборе совершено было посвящение мое собором архипастырей чрез возложение священных рук их; чрез их молитвы и ваши низведена была на меня благодать Святого Духа.

Какие священные, великие минуты пережиты были тогда мною! С того самого момента этот святой храм стал для меня дорог и останется таким навсегда. Ваше многолюдное участие в этом торжестве моего посвящения в архиерейский сан

посредством молитвы тогда уже сроднило меня, сблизило с вами, возлюбленные братие и сестры. Я никого из вас еще не знал тогда, но ваше многолюдное собрание, ваши молитвы не могли не вызвать к вам сочувствия в душе моей. Таким образом, по самому своему вступлению в архиерейский сан я принадлежу Кишиневу и Бессарабии.

Здесь же, в ваших глазах, братие, совершились первые шаги моего служения, шаги робкие, несмелые, нетвердые, несомненно, с ошибками, с погрешностями, вызываемыми моею неопытностью, моею юностью в этом служении.

Но я замечал все-таки, что с вашей стороны, братие, не было нерадения или пренебрежения к моей юности, вы, очевидно, прикрывали ее своею любовью. Я видел, что храмы Божии, где я служил, наполнялись народом, что вы молились со мною усердно, что слово мое вероучительно и нравоучительно, предлагаемое вам, вы слушали со вниманием. Нередко я получал и выражения благодарности за свое служение или проповедь. Отношу это не к своим достоинствам, а к Божией благодати, действующей через меня, и вашей любви.

Все это ободряло меня, укрепляло меня, придавало мне бодрость, энергию, и я смелее шел по указанному мне пути, более и более привыкая к своему новому служению, более и более сближаясь и сродняясь с вами. Так постепенно рос и укреплялся мой духовный союз с вами, братие и сестры, союз молитвы, веры, надежды и, дерзну сказать, любви. Таким образом, и рождение мое благодатию Святого Духа во архиерейство и первоначальное служение мое в этом сане принадлежит Кишиневу, Бессарабии. Посему я Кишинев могу назвать колыбелью моего архиерейства.

Не могу умолчать и о том, что мои ближайшие начальники — незабвенный бывший архипастырь Кишиневский Высокопреосвященный Владимир и настоящий архипастырь Преосвященный Серафим — мудро, с любовью руководили меня в моем ответственном служении. Помолившись о них сегодня, я с любовью вспоминаю о них в этот священный момент прощания моего с Бессарабией.

За четыре года своей службы здесь я свыкся с своим служением, постиг трудности его, узнал ближайших своих

помощников — пастырей и прочих членов клира, ознакомился с нуждами пасомых, и, сколько трудился над своим делом, оно казалось мне, при помощи благодати Божией, не свыше моих сил. Я был доволен своим положением и в душе своей думал и даже открыто говорил, что искать мне лучшего не надо, что в Кишиневе я готов всю жизнь провести. Но Господь судил иначе. Мне указано иное место служения, несомненно, более тяжелое и ответственное. Уходя отсюда, я многое и многих уже не увижу вовсе.

Как путник, уходящий в далекий путь, прощается со своими присными в той мысли, что он во время пути может погибнуть, умереть, так должен поступить и я. Итак, прости, сей святой храм, обновляемый и украшаемый, а для меня дорогой как место получения мною архиерейской благодати и место преимущественного моего служения и молитвы с вами, возлюбленные братие и сестры.

Простите и вы, священнослужители сего святого храма, мои сослужители и сомолитвенники. Мирно, спокойно, благоговейно служили мы и молились с вами Господу Богу. Надеюсь, что так же мирно и расстанемся.

Простите и вы, сладкогласные певцы, своим прекрасным пением под руководством талантливого регента услаждавшие нас и всех молящихся и много содействовавшие благолепию и торжественности наших церковных служб.

Простите и вы, богомольцы сего святого храма, во множестве приходившие сюда в праздничные дни и дни поста помолиться вместе с нами или приступить к Святым Таинствам.

Вы своим усердием к молитве и службе Божией нередко располагали и нас к более усердной молитве. Ваша любовь к посещению воскресных акафистов в митрополии, когда вы до тесноты наполняли этот обширный храм, весьма трогала нас. Ваше внимание к предлагаемым там поучениям побуждало нас больше трудиться над ними. Общее пение там церковных молитв никогда не изгладится из пашей памяти. Памятны будут нам и религиознонравственные чтения в городской думе, куда вы сходились в таком множестве, что городской зал не мог вместить всех желающих.

Но признаюсь, братие, что я как служитель Божий, как совершитель тайн Божиих, не всегда стоял на высоте своего

призвания, не горел духом к Богу, как это было у апостолов, вселенских учителей, в деле проповеди не подражал пастыреначальнику Христу и Его апостолам, которые учили своих пастырей и пасомых день и ночь; нередко слово мое было слабо, недействительно, не утоляло вашей духовной жажды. Прошу у вас в этом прошения.

Прошу прощения в лице вашем, отцы и братья, священнослужители собора, у всех пастырей и священнослужителей Бессарабии, а в лице вашем, братие и сестры, у всей бессарабской паствы в том, что я, состоя в должности викария и ближайшего помощника епархиального Преосвященного, а иногда и заменяя его, при сношениях лицом к лицу или письменно не всегда был внимателен, быть может, оскорбил кого словом и делом. Я со своей стороны всем и все прощаю. Итак, простите меня, отпустите с миром и помолитесь. Усердно молю Господа, да будет Он всегда милостив к вам. Аминь».

По окончании речи владыки слово произнес кафедральный протоиерей Василевский, а ключарь собора о. Василий Гума преподнес епископу Евангелие от богомольцев с примечательной надписью: «Любимому архипастырю, Преосвященному Никодиму, епископу Аккерманскому, Преемнику Божественного Слова, достойнейшему ученику Христа от любящих его сердец. Кишинев. Ноябрь, 1911 год». А на первом листе Евангелия было приведено известное стихотворение замечательного поэта великого князя Константина Константиновича Романова:

Пусть эта книга священная
Спутница Вам неизменная
Будет везде и всегда.
Пусть эта книга спасения
Вам подаст утешение
В годы борьбы и труда.
Эти глаголы чудесные,
Как отголоски небесные,
В грустной юдоли земной
Пусть в Ваше сердце вливаются,
И небеса сочетаются С чистою Вашей душой.

Затем владыка благословил молящихся и отбыл из собора.

Взаимная любовь была настолько велика, что чествования отъезжающего святителя продолжались несколько дней. Прощаясь с епископом Никодимом, члены совета общества по оказанию помощи нуждающимся в образовании 29 ноября преподнесли ему адрес в красиво оформленной папке с благодарностью за участливое отношение к нуждам учащихся Кишинева и за его материальное пособие обществу. Владыка слишком хорошо помнил свое нищенское детство и скучную юность и в память о своих благодетелях, которые помогли ему выжить и получить образование, никому не отказывал. Всех нуждающихся принимал с неизменной любовью и максимальным личным участием. В зале архиерейского дома 1 декабря бывшим ректором семинарии архимандритом Зиновием от лица городского духовенства, корпорации духовных учебных заведений, преподавателей, городской администрации и многих почитателей было прочитано благодарственное слово:

«Ваше Преосвященство, Просвященнейший Владыко.

Настоящее многолюдное собрание долгом поставляет для себя приветствовать Ваше Преосвященство с призыванием Вас на новое высшее служение Церкви Божией и вместе с этим выразить Вам волнующие его мысли и чувства при расставании с Вами.

Непродолжительно было пребывание Вашего Преосвященства в Кишиневе — всего четыре года. Но и в это короткое сравнительно время Вы успели широко проявить свою плодотворную деятельность, тем более что на долю Вашу выпало добрую четверть этого времени управлять обширной Кишиневской епархией. И ныне мы расстаемся с Вами, как недавно передавшим бразды правления епархией Измаильскому архипастырю.

При таком служении Вашего Преосвященства в Кишиневской епархии Вы имели возможность ознакомиться с нею, и не только путем письменных сношений, но и личным посещением даже отдаленных пределов ее.

В непродолжительное пребывание Ваше в Кишиневской епархии успели установиться и определиться отношения Ваши ко всем членам местной Церкви, а этих последних — к Вашему Преосвященству. Да простит нам скромность Ваша, если мы, не

обинуюсь, решимся сказать, что Ваше Преосвященство завладели любовью всех не только имевших к Вам служебное отношение, но и тех, которые знали Вас как архипастыря только.

Все они видели в Вас благоговейного совершителя служб церковных, ревностного проповедника слова Божия, усердного молитвенника пред престолом Всевышнего, что так обаятельно действовало на всех без исключения богомольцев, присутствовавших па богослужениях Ваших в кафедральном соборе и митрополии.

Небезызвестно нам, что Вас озабочивала мысль о том, чтобы и живущим на окраинах города и в соседних с ним предместьях, лишенным возможности быть в кафедральном соборе, дать возможность усладить душу свою архиерейской службой Господу. Для осуществления этого Вы крепко думали о том, как бы приобрести на окраине града приличную усадьбу, устроить в ней новый викариате кий дом и подобающий при нем храм Божий, чего нельзя было сделать, по Вашим соображениям, при существующем викариатском доме.

Не суждено было Вашему Преосвященству осуществить это здесь, в Кишиневе, зато Вы нашли возможным и успели дать высокое святое религиозное удовлетворение скромным поселянам в Курковском монастыре, бывшем в Вашем ведении, где Вы нередко совершали архиерейские службы, сформировав для этого из монастырской братии необходимый штат и хор. Здесь же Вы предположили соорудить новый зимний храм взамен нынешнего, по своей незначительной вместимости лишаящего поселян возможности молиться в зимнюю пору в обители святой.

Оставляете Вы здесь по себе память как администратор осторожный, вникавший во все обстоятельства каждого дела, не чуждавшийся в важных случаях совместного обсуждения вопросов с лицами, стоящими у дел епархиального управления, — администратор, строго последовательный в своих решениях, ровный, беспристрастный.

Местные учебные заведения, к которым Вы близко стояли, в особенности в периоды Вашего управления епархией, всегда видели в Вашем Преосвященстве доброжелательного к ним архипастыря, вникавшего в их внешний и внутренний быт,

разделявшего с ними их радости и скорби.

Духовные учреждения — Христо-Рождественское братство, епархиальный училищный совет, Церковно-археологическое общество, Александро-Невское братство, разнообразные комиссии, председателем и главным деятелем которых Вы являлись, — все они с благодарным чувством будут вспоминать о Вас как о руководителе в высшей степени терпеливом, корректном, предоставлявшем всем свободу высказывать свои мысли и суждения, приводившем их к единству, примирявшем разногласия, преследовавшем одну цель — благо возглавляемого Вами учреждения.

А что должны сказать призреваемые в богадельне Александро-Невского братства, к которым Вы относились с таким сердечным участием, с такою христианской любовью, являясь для них добрым гением? Имя Ваше, мы уверены, будут с благодарностью произносить уста их, а сердца будут возносить о Вас теплые молитвы.

Расставаясь с Вашим Преосвященством ныне и выражая Вам чувства глубокого благодарения за все доброе, что так украшало деятельность Вашу, просим принять от нас на молитвенную память образ местночтимой святыни — Гербовецкой Божией Матери, пред которым всегда, когда это предоставлялось Вам, совершали Вы в воскресные дни акафистное пение. Верим, что Царица Небесная, к Которой Вы благоговейно взывали: «Радуйся, Радосте наша, покрый нас от всякаго зла честным Твоим омофором», вслед повторявшееся, как бы едиными устами и единым сердцем всеми богомольцами на акафисте, будет сопутствовать на всех стезях Ваших, охраняя и защищая Ваше Преосвященство честным Своим омофором».

Депутация от города преподнесла владыке художественную панагию с надписью на обратной стороне: «Кишиневская городская дума всегда будет помнить Вас, Преосвященнейший Владыка Никодим, и Ваше святительское служение в Кишиневе. 1 декабря 1911 г. Кишинев».

Председатель Кишиневского отдела «Союза русского народа» генерал Иваницкий поднес епископу Никодиму икону Георгия Победоносца и сказал приличную случаю речь.

Владыка Никодим, глубоко расстроганный всеми этими знаками внимания, сказал, что у него не было намерения

уходить из Кишинева, и что он полюбил этот город, сроднился с ним и паствой кишиневской, и что нынешний призыв его на служение в более значительном городе он понимает как указание на то, что Бог призывает его к более усердной, энергичной службе. Привычка к известной обстановке делает человека мало энергичным, несмелым в своих действиях, и вот Господь отрешает его от этой привычной обстановки и побуждает на новые подвиги епископского делания. «Еще и то, может быть, Господу благоугодно, — говорил епископ Никодим, — что с моим отшествием отсюда мой жребий приняли люди достойнейшие, могущие восполнить мои немощи и недостатки епископского моего служения; что я не усмотрел, чего я не смог здесь сделать по своей немощи, то Господь имеет восполнить силами других».

Представителям от города епископ Никодим сказал: «Бывает, что такого внимания удостоивают епископов правящих, и то немногих; но чтобы такого внимания удостоивались викарные епископы, это бывает редко, и потому меня особенно трогает это внимание, хотя я чувствую, что его ничем не заслужил».

Прощальный стол был накрыт на 120 персон. Когда подали шампанское, владыка Никодим провозгласил здравицу Императору. Громогласное «ура» и гимн «Боже, Царя храни» были ответом на тост.

Преосвященный Гавриил (Чепур) в своей речи художественно охарактеризовал личность епископа Никодима как архипастыря в высшей степени кроткого.

Вечерним поездом 2 декабря 1911 года владыка Никодим навсегда отбыл из Кишинева, оставляя светлые воспоминания о безоблачных днях своего архиерейского служения в Бессарабии. Его ожидали новые труды и новые испытания.

12 декабря 1911 года Преосвященный Никодим, епископ Чигиринский, прибыл в Киев на место своего нового служения. Почти сразу же он был назначен настоятелем Михайловского Златоверхого монастыря. Объем проблем и реестр обязанностей у владыки на новом месте стали значительно шире.

Ведению второго викария подлежали дела: «а). По консистории - столу второму: 1) увольнение за штат по прошениям священно-церковнослужителей и в отпуск; 2)

определение на места диаконские и псаломщические; 3) назначение помощников благочинных и членов благочиннических советов; 4) о пострижении в монашество и принятии в монастыри; 5) назначение законоучителей в высшие начальные училища; 6) цензура проповедей, произносимых в кафедральном соборе; 7) об учреждении братств и церковноприходских попечительств; 8) о назначении духовенству пенсий; 9) о крестных ходах; 10) погребение самоубийц; 11) погребение на церковных погостах; 12) выдача св. антиминсов; 13) освящение храмов; 14) по столу 7-му — дела единоверческие и присоединение к православию, б). Дела епархиального попечительства и богадельни, в). Распорядительные постановления Правления семинарии по хозяйственной части и дела женских училищ духовного ведомства, г). Псаломщические классы и курсы, д). Епархиальное Св. Владимирское братство, где Преосвященный Никодим состоит Председателем. е). Председательствование в пастырских собраниях духовенства, ж). Наблюдение за преподаванием Закона Божия в средних учебных заведениях Министерства народного просвещения, а также и в высших начальных училищах. з). Исполнение обязанностей Товарища Председателя епархиального миссионерского совета, Киевского комитета Православного Миссионерского Общества и Киевского отдела Императорского Палестинского Общества». И сверх того, во время отсутствия митрополита Флавиана (Городецкого) в Киеве епископ Никодим давал разрешение на выдачу святого мира в другие епархии, делал распоряжения о совершении торжественных богослужений в кафедральном соборе, входил, в случае нужды, в деловые сношения, как личные, так и письменные, с местными властями. Поистине гигантский объем проблем и обязанностей. Но, помимо всего, возникали ситуации иного, деликатного свойства, требовавшие мудрого и тактичного решения, а порой личного присутствия владыки. Приведем один пример.

Как-то владыка был поставлен перед проблемой: помирить два прихода — села Большая Пятигорка и деревни Обуховки. Вражда возникла из-за икон Божией Матери, обретенных в колодце на обуховской земле крестьянином села Большая Пятигорка Степаном Яремчуком. Иконы были принесены в

пятигорскую церковь. Но обуховское общество считало их своей собственностью, так как они найдены на обуховской земле. Епархиальной властью иконы были переданы в распоряжение Бердичевского братства, и братство, помня, что обуховчане подарили 6 десятин земли для постройки церкви и приюта для круглых сирот воинов и три тысячи деньгами, посчитали своим долгом перенести иконы в обуховскую церковь. Но этому воспротивились жители Пятигорки и однажды, когда духовенство и до 6 тысяч народу, в том числе из Москвы и Киева, прибыли а торжество, тайно взяли иконы из церкви и спрятали их. Назначенное во второй раз перенесение икон тоже не удалось, благодаря сопротивлению пятигорских людей. Тогда братство выстроило часовню у колодца в надежде, что сюда иконы будут перенесены беспрепятственно. Но

пятигорчане воспротивились и этому. В свою очередь, нарастало раздражение и у обуховчан. Назревал серьезный конфликт, который мог разрешиться в любое время с самыми прискорбными последствиями. Вернуть к миру враждующие стороны суждено было епископу Никодиму.

Около 8 часов въехав в Большую Пятигорку и не услышав колокольного звона, епископ Никодим усомнился, ждут ли его в

Епископ Никодим (Кроткое). Киев

церкви, и задержался в школе, пока не удостоверился, что в церкви есть люди. Войдя в храм и облачившись, владыка сказал слово о вражде и мире среди людей и пригласил присутствующих крепко помолиться Богу.

Молчаливо-угрюмое несогласие уступить дрогнуло. Пока служился архиерейским чином молебен Спасителю и Божией Матери, прибыл крестный ход из Обуховки, подошли и пятигорчане. Облачившись в полное архиерейское облачение, владыка распорядился вынести обретенные иконы. Как бы по уговору, не желая сдаваться, женщины подходили к носилкам, держались за них, становились на колени, не вставая, плакали и причитали. Не без труда удалось вынести иконы из церкви. На погосте также слышались всхлипы и протестующие возгласы. Но чувствовалось, что худшее позади.

Владыка невозмутимо повел речь о явлениях икон и их почитании, все больше и больше овладевая вниманием народа. Протесты становились все реже, и по окончании речи враждующие стороны подняли иконы и понесли их без всякого выражения чьего бы то ни было недовольства. Предстояло пройти пять верст. Преосвященный Никодим шел во главе. Непрестанно пели церковные песнопения. Недавняя вражда осталась позади. У братской часовни владыка совершил освящение воды и окропил здание внутри и снаружи. Затем был совершен молебен с акафистом Божией Матери, после чего епископ Никодим снова обратился к народу с поучением о святости места, о том, что иконы должны быть там, где обретенны. Люди заметно успокоились. И уже через несколько недель после вмешательства епископа Никодима некогда враждующие стороны обменивались иконами, после чего устраивали общественные обеды.

Это не единственный случай, требовавший архиерейского участия, и владыка неумоимо объезжал практически все приходы, нуждавшиеся в архиерейском посещении.

24 января 1912 года на съезде благочинных, созванном митрополитом Киевским и Галицким Флавианом в связи с увеличившейся активностью сектантов, владыка Никодим как опытный миссионер был избран председателем.

Всю работу по миссионерству в Киевской епархии владыка взял на себя. Он следил за деятельностью штатных миссионеров, искал и находил оптимальные формы работы при расширении сектантского влияния. В подольской Петро-Павловской церкви мужского духовного училища и в Вознесенской церкви Байкового кладбища он устроил

регулярные миссионерские вечера, на которых говорил проповеди или делал доклады.

18 июня 1912 года в Черкассах открылся миссионерский съезд духовенства Киевской епархии под председательством епископа Никодима. Приехало много священников с зараженных сектантством приходов Черкасского, Чигиринского и Каневского уездов. На открытии владыка сделал доклад о пастырях достойных и недостойных, указав на миссионерские труды как наиболее важные и актуальные. «После дарования демократических свобод в вопросах вероисповедания, — говорил владыка, — сектантство, до времени находившееся в подполье, стало прорастать буйным цветом. Всякого отходящего от православной церкви или сомневающегося сектанты обращали в новую веру или, по крайней мере, внушали скептическое отношение к Церкви. Слово Божие, проповеданное от сердца, сказанное не по образцам семинарского школярства, а ясно, адекватно тем культурным и научным запросам, вне которых сомневающийся не станет слушать миссионера, — существенная необходимость».

Надо сказать, что епископ не ошибся в своих наихудших предчувствиях относительно разрушительной природы сектантов для Российской государственности. После революции многие псевдорелигиозные образования, почувствовав духовное родство с новой разрушающей стихией, примутся с пафосом, равным большевистскому, за уничтожение всего, что будет им напоминать православную державу. Их роль в разрушении государственности и гонении на Православную Церковь нельзя недооценивать.

Владыка Никодим был музыкально одаренным человеком: пел, играл и разбирался в музыкальных премудростях. Помимо всех своих трудов, он руководил работой класса псаломщиков и регентов при Михайловском Златоверхом монастыре. Курсы проходили, как правило, с 15 июля по 24 августа ежегодно.

Быстро летит время в повседневных трудах. Благополучие великой империи, ускользая с поверхности жизни, на глазах у всех обнажало новую, грозную реальность. Началась Первая мировая война, столкнувшая в небытие две монархии, связанные кровным родством.

4 февраля 1916 года в зале Киевского религиозно-

просветительского общества по инициативе епископа Никодима состоялось собрание городского духовенства, посвященное проблемам войны. Главной темой было создание приютов для беженцев, помощь раненым и издание патриотических листов для армии. 14 февраля владыка отслужил торжественную миссионерскую вечерню с чтением акафиста Пресвятой Богородице.

Всеми доступными средствами святитель пытался помочь страдающему Отечеству, растерянным, смущенным войной и революционной агитацией людям. 1 марта владыка посетил Фастовский железнодорожный поселок и выбрал место для постройки нового храма вблизи станции, чтобы все следующие на фронт и возвращающиеся домой могли прибегать к благодатным таинствам. На следующий день он отправился в Бердичев, чтобы осмотреть школы и побеседовать с законоучителями. Он встретился и обсудил насущные проблемы с главным священником Юго-Западного фронта протоиереем Г'рифцовым, после чего сразу же уехал в Казатин, чтобы там выбрать место для постройки часовни для поминовения убиенных православных воинов. Посетил госпиталь, где беседовал с ранеными, прибывшими с фронта. В селе Насташка Васильевского уезда при Свято-Никольском приходском братстве владыка организовал приют для сирот убиенных воинов.

Как председатель Свято-Владимирского братства епископ Никодим призвал всех пожертвовать на подарки к Пасхе воинам действующей армии. А 1 мая 1916 года он сам отправился на фронт, чтобы посетить и ободрить героев и защитников Отечества в боевой обстановке, и привез с собой целый вагон подарков от братства Святого Владимира.

Затем владыка поехал в Тернополь, где присутствовал на богослужении в домовой церкви командующего армией и произнес краткое слово к присутствующим о том, что сейчас вся Россия, а особенно духовенство, молится о даровании победы над врагом, и подарки, которые он привез с собой, «являются выражением любви к защитникам родины от находящихся в тылу сыновей и дочерей ее». Подарки были отправлены на позицию, а владыка в ближайшей к Тернополю деревне отслужил молебен Спасителю и Божией Матери. Он снова

сказал проповедь о том, что надо до конца держаться поставленной цели и не внимать наветам злых людей (революционеров), и, благословив всех солдат, добавил: «Воины не одни, с ними воюет вся Россия».

Владыка одобрительно отнесся к введению сухого закона. 22 мая 1916 года он говорил: «Вышеприведенные обстоятельства (сухой закон. — *Авт.*) весьма много способствовали возвышению благочестия в народе (речь шла о Чигиринском уезде. — *Авт.*). Заметные раньше хулиганские выходки, пороки и преступления почти исчезли. Храмы Божии за богослужением полны молящимися, прибегающими к милосердию Божью и заступничеству Божией Матери и святых угодников. Обнаружением сего явилось благочестивое желание прихожан соорудить <...> иконы Божией Матери, великомученика Георгия Победоносца и Иоанна Воина для торжественного перенесения их крестным ходом по приходу и поставления в храме, чтобы перед ликами сих святых воинов и страстотерпцев молиться за нынешних страдальцев — воинов родной земли».

Все более беспокойными становились настроения в тылу, и неутешительными были известия с фронта. Епископ Никодим неустанно трудился на духовной ниве, желая по мере сил возродить и утвердить дух своей паствы.

11 сентября владыка посетил в Бердичеве храм, который 70 лет не видел архиерея. Настоятель жаловался: псаломщик на войне, молодое население на войне — по этой причине нет хора. Владыка, как всегда, рассказал о наболевших проблемах, но главное — о христианской любви и о том, как она должна выражаться в настоящее смутное время войны.

Далее владыка отправился в село Гришковцы, где среди встречавших его была семья гофмейстера царского двора А.П.Корнилова, потомка севастопольского героя. После совместной молитвы владыка сказал: «Необходимо безропотно нести крест войны и употребить все усилия к благополучному ее исходу».

В Бердичеве к встрече Преосвященного Никодима в Успенский собор прибыл главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал-адъютант А.А.Брусилов со свитой. Владыка, обращаясь с речью к генералу, благословил его на

ратные подвиги и вручил ему икону Божией Матери в шитой золотом ризе — дар Высокопреосвященнейшего Владимира, митрополита Киевского и Галицкого. Растроганный до слез генерал с благодарностью принял святыню, облобызал се и горячо поблагодарил епископа Никодима.

Для ободрения духа находившихся в тылу владыка 25 сентября 1916 года совершил крестный ход с группой прихожан из Марии-Магдалинского прихода и Михайловского монастыря на Шунявку с новоооруженной иконой Пресвятой Богородицы, которую накануне он сам освятил. После епископ Никодим сказал слово о Пресвятой Владычице как нашей заступнице, молитвеннице и покровительнице во все тяжелые и страшные времена для России.

Владыка не оставлял без внимания и осиротевших детей. Чтобы как-то помочь им, он, по благословию митрополита Киевского Владимира, издал циркуляр от 10 ноября 1916 года к отцам настоятелям приходов Киевской епархии об образовании фонда для воспитания детей-сирот павших воинов, для чего благословил устроить по всей епархии сбор зерна и огородных продуктов. Деньги, вырученные от продажи на месте сбора пожертвований, предполагалось передать в братство Святого Владимира, а также владыка просил разослать в закрытых конвертах воззвания к земледельцам близлежащих приходов о посильной помощи.

На очередном миссионерском собрании в Старо-Киевской Вознесенской церкви, 27 ноября, он говорил долго и вдохновенно, развивая и интерпретируя в контексте военных и революционных событий текст «Восстали спяи и воскресни от мертвых и освятит тя Христос», после чего были розданы листки миссионерско-патриотического содержания.

В начале февраля 1917 года епископ Никодим от имени Свято-Владимирского братства обратился к населению Киевской губернии: «Совет Киевского епархиального Св. Владимирского братства по примеру прошлых лет изготавливает подарки для дорогих защитников-воинов к празднику Святой Пасхи. Памятуя, что воины вынуждены уже третий раз встречать праздник Святой Пасхи вдали от родных, в тяжелых условиях боевой жизни, под постоянным страхом за свою жизнь, — подбодрите их, покажите им крепкую связь с тылом, это принесет великое

утешение в праздник Святой Пасхи. Совет братства обращается к настоятелям приходов, членам причта, православному населению Киевской губернии, учащим и учащимся в церковных и миссионерских училищах, кооперативным обществам и другим организациям и всем добрым людям: привнести и свою лепту на доброе дело помощи воинам, всякого рода пожертвованиями на подарки. Подарки и пожертвования Совет братства просит направлять в Киев, Михайловский монастырь, Свято-Владимирское братство на имя председателя братства».

Общественная жизнь из-за церковной ограды видится по-другому, не так, как с высот государственных политических олимпов. Епископ Никодим в феврале 1917 года вместе со своими единомышленниками потребовал от царя роспуска Государственной Думы, за что попал в немилость и был сослан в Саратов, но по настоятельному ходатайству светских и церковных деятелей Киева через три месяца был возвращен на прежнее место.

Война из отечественной стала превращаться в гражданскую, как это и было задумано худшим меньшинством. Густые облака мировой злобы, зависшие над Россией, готовы были в любой момент обрушиться воплощенной злобой и беспрецедентной ненавистью.

В Киеве епископа Никодима застала революция. Разброд и шатания были во всем — коснулись они и церковной дисциплины. Оздоровление духовного климата в обществе и армии стало основной темой воззваний владыки, в которых он раскрывал духовную нищету и пагубность большевизма. Владыка талантливо и не без успеха развернул большую работу по объединению православных людей. По его инициативе были созданы Совет объединенных приходов и Братство приходских советов, в связи с чем он предоставил митрополиту Владимиру рапорт:

«Пастыри г. Киева пожелали объединиться в союз, выработано и положение этого союза на собраниях под моим председательством, каковое при сем представляется. В состав этого союза входят более 50 пастырей г. Киева и 4 киевских vikария. На последнем собрании, 28 сентября, председателем общих собраний избран протоиерей Симеон Трегубов, товарищем — протоиерей Михаил Вишневецкий, казначеем —

протоиерей Владимир Богородицкий и секретарем — священник Николай Поройков. Доводя о сем до сведения Вашего Высокопреосвященства, почтительнейше прошу преподать свое Архипастырское благословение союзу трудиться во благо Св. Церкви, к водворению мира и любви среди пастырей г. Киева и епархии».

Митрополит Владимир 10 октября наложил резолюцию: «От всей души призываю Божие благословение на деятельность союза, направленную к водворению мира и любви среди духовенства Киевской епархии».

Союз, организованный епископом Никодимом, неуклонно возрастал, приобретая новых сторонников. Благословение Божие лежало на его начинании, успех был очевиден. Каждое дело, обретая смысл в глазах окружающих, достигало своей пели. Благодаря поистине подвижническим трудам владыки, укреплялась и обновлялась приходская жизнь — основа всякого церковного устройства. Усилия святителя способствовали поднятию духа и осознанному противостоянию разрушителям российской государственности, за что на владыку Никодима были раздражены петлюровцы.

С еще невиданной дерзостью был убит митрополит Киевский и Галицкий Владимир (Богоявленский). Распоясавшиеся бандиты, воспользовавшись «новой политической ситуацией», имя которой анархия, вывели владыку за стены Киевской Лавры и застрелили.

Великая русская смута только начиналась. Убийство святителя было пробным камнем в череде опережающих друг друга по жестокости и цинизму злодеяний. По свидетельству профессора В.В.Зеньковского (в 1848 году он принял священный сан), уже во время гетманщины на этом месте был поставлен памятник митрополиту Владимиру. В своих воспоминаниях Зеньковский писал: «К этому времени уже вернулся из Москвы первый викарий митрополита Владимира епископ Никодим²,

---

² Епископ Никодим привез из Москвы Холмскую икону Божией Матери и перевез почти в полном составе Турковицкий монастырь, что по обстоятельствам времени можно было воспринять как чудо. Тогда же с ним приехали два племянника архиепископа Евлогия (Георгиевского) — мальчики лет 9—10. Турковицких монахинь приютил Флоровский монастырь, там же находилась и Холмская чудотворная икона Божией Матери.

человек очень твердый, крайне правый (он был как раз один из той группы в февр[але] 1917 года, которая требовала от государя роспуска Государственной Думы, крайний противник украинского церковного движения. Он повел очень умную политику: не споря с украинцами, он предоставил в Москву доклад о положении Церкви на Украине и настаивал на том, чтобы были поскорее произведены выборы Киевского митрополита <...> до созыва Украинского Собора, которому должно было (и па это вполне соглашалась Москва, недавно лишь благословившая поместный собор...) сопротивляться до последней степени. Официальным кандидатом был выставлен митрополит Харьковский Антоний (Храповицкий). И так как уверенности в том, что он будет избран, не было (хотя епископ Никодим, хорошо знавший практику дореволюционных выборов, принимал все меры по устранению «неблагонадежных» (по украинству) священников), то епископ Никодим получил от Св. Синала при Патриархе особый указ, коим приостанавливаюсь введение устава, введенного в действие Всероссийским Собором. Дело в том. что иначе как путем выборов нельзя уже было поставить митрополита, а по правилам Всероссийского Собора для выборов епархиального архиерея нужно было 2/3 голосов. В изъятие этого правила, по представлению епископа Никодима, была установлена норма простого большинства для выбора Киевского митрополита. Конечно, в епархии, да и вне ее это все знали. Крайнее раздражение украинских церковных деятелей заострялось упорным отказом со стороны епископа Никодима созвать собор».

Но украинские круги настоятельно требовали от него, чтобы выборы Киевского митрополита как первосвященника Украинской Церкви непременно были отложены до собора, на котором они надеялись провести свою кандидатуру. Как только В.В.Зеньковский стал министром Исповеданий в правительстве гетмана Скоропадского. он сразу же отправился с визитом к епископу Никодиму. «С епископом Никодимом у меня был небольшой, но очень характерный разговор. У меня еще не образовалось никакого плана действий, по я сказал епископу Никодиму, что взялся за свой пост исключительно из желания послужить церковному миру и благоустройству, что, войдя в состав правительства, я никогда не стану переходить

компетенции государственной власти в церковных делах, но что надеюсь, что епископат пойдет мне навстречу, считаясь с очень серьезным и политическим, и церковным положением. Епископ Никодим, стремившийся ускользнуть от каких-либо ответственных слов, принимавший меня очень сдержанно и холодно, сказал, что время для Церкви сейчас действительно трудное, но что Церковь полагается на свои силы, что он надеется, что я буду уважать свободу Церкви и не переходить границ государственного вмешательства во внутренние дела Церкви. Я не счел нужным вступать в спор с епископом Никодимом, но мне сразу стало ясно, что я имею в лице его врага, который не пойдет ни на какие уступки, который твердо и упорно будет бороться за те позиции, которые он считает правильными. Меня это не могло смутить, — я достаточно раньше знал епископа Никодима — но показало мне сразу же, каким трудным путем предстоит мне идти».

Епархиальное собрание было назначено на 19 мая. Видя непреклонность владыки и его твердую решимость повести дело в соответствии с волей Патриарха, Зеньковский перед тем, как доложить о положении церковных дел в Совете Министров, счел необходимым в частном разговоре с владыкой найти компромисс. Он предложил на съезде ограничиться обсуждением только епархиальных проблем и не производить выборов митрополита, а перенести эти выборы на Украинский Собор. Он говорил: «Жалобы украинского духовенства побуждают правительство стать на защиту прав Украинского Собора, без всяких оснований попираемых Вами как заместителем Киевского Митрополита». Находя все новые и новые аргументы в защиту своей политики, он заметил, что епископ Никодим слушал его внимательно, но по тому, как он слушал, было ясно, что слова не действуют на него и он твердо и непреклонно стоит на своей позиции. Присутствовавший при разговоре архиепископ Евлогий указал министру, что они выполняют благословение Патриарха и это вопрос уже решенный. «Епископ Никодим стал на формальную точку зрения, — писал В.Зеньковский, — конечно, не потому что был формалистом, а наоборот, он постарался сам создать эту формальную преграду, чтобы за нес укрыться». Епископ Никодим говорил: «Теперь не время созывать Собор, в разгар

лета невозможно получить из деревни ни священников, ни прихожан, а осенью, когда закончатся работы, можно будет созвать Собор. Выборы же митрополита нам абсолютно необходимы, потому что епархия не может жить без ответственного главы ее». Парируя, В.В.Зеньковский пытался указать на то, что он, епископ Никодим, успешно справлялся со всеми проблемами уже четыре месяца и ничего страшного не произойдет, если это продлится до осени, но его аргументы не имели действия. «Я ничего своей властью, — сказал архиерей, — переменить не могу».

Независимость архиерея испугала Зеньковского, и он поспешил сообщить в Совет Министров о нарочитом стремлении епископа Никодима обойти Собор и провести в Киевские митрополиты Антония (Храповицкого). «Совет Министров был крайне возмущен поведением епископа Никодима, — вспоминал Зеньковский, — и кто-то предложил просто полицейски не допустить епархиального собрания, в крайнем случае, даже разогнать его». В результате доклада министру Исповеданий было поручено от имени правительства потребовать не выбирать митрополита.

По приглашению епископа Никодима Зеньковский приехал на собрание, и председательствующий архиепископ Евлогий сразу же как члену правительства предоставил ему слово. Министр еще раз попытался оказать давление на епископат и заявил, что правительство не желает вмешиваться в церковные дела, по в то же время не может быть равнодушным к церковным разногласиям, считает их крайне опасными и просит отложить выборы митрополита. «Я отметил, что правительство желает жить в мире с церковными людьми, по оно сделает, конечно, свои выводы, если его просьба, основанная на серьезных данных, не будет уважена. Епархиальное собрание, конечно, свободно поступить, как оно хочет — но и правительство свободно в случае отказа собрания последовать предложению правительства поступить соответственно».

Но уже через два часа епископы сообщили Зеньковскому, что со стороны правительства производится насилие над Церковью и что указ Патриарха нельзя не исполнить, не нарушая церковной дисциплины. Даже тот, кто шел против линии епископа Никодима, считал неудобным откладывать

выборы. Предвидя давление со стороны правительства, епископ Никодим своевременно добился у Патриарха того, чтобы митрополит в данном случае был выбран большинством голосов, что оказалось решающим.

Епископ Евлогий (Георгиевский) в соборе

Владыка Евлогий (Георгиевский) получил от Святейшего Патриарха Тихона указание провести выборы нового Киевского митрополита. Представлено четыре кандидатуры: митрополит Харьковский Антоний (Храповицкий), митрополит Платон (Рождественский), бывший Экзарх Грузии, митрополит Новгородский Арсений (Стадицкий) и епископ Уманский Димитрий (Вербицкий). Обсуждение кандидатур вызвало немалое волнение у православных Киева. В принятии решения участвовало около 300 человек, и большинством был выбран митрополит Антоний. За него стояло все русское население и украинские центристы, а за епископа Димитрия — «самостийники». Игнорируя результаты выборов, правительство признавало владыку Антония митрополитом Харьковским, а не Киевским, а по всем вопросам Киевской епархии официально обращалось к епископу Никодиму. Такое положение не устраивало правительство, и оно решило обратиться к

**Епископ Димитрий (Вербицкий) .
Киев . 1917**

Патриарху с претензией. Об этом стало известно, и в тот же день к Зеньковскому прибыл архиепископ Евлогий и попытался объяснить, выборы нежеланием сотрудничать с украинским правительством, а невозможностью послушаться Патриарха. Он и другие архиереи сожалеют об этом несоответствии и не теряют надежды на нормализацию отношений. Далее архиепископ Евлогий попросил правительство

не обращаться к Патриарху о

непризнании собрания законным, так как это нарушит церковный мир, и предложил обо всем договориться в Киеве. Владыке удалось уговорить министра не предпринимать никаких действий. Воспользовавшись перемирием, епископ Никодим отправил в Москву своего доверенного человека (иеромонаха Димитрия из Михайловского монастыря) со всеми официальными материалами о выборах на утверждение Святейшему Патриарху Тихону и Высшему Церковному Совету. Признание выборов законными вызвало большое раздражение в украинском правительстве, и была срочно отправлена телеграмма с просьбой воздержаться от утверждения новоизбранного митрополита до получения от украинского правительства материалов, освещающих официальную точку зрения. Но из этого ничего не вышло. Князь Е.Н.Трубецкой сообщил о том, что, по сведениям «Общественного центра» (антибольшевистская организация в Москве), министром Исповедания назначен профессор Зеньковский, ставший униатом, что ускорило утверждение митрополита Антония. Через несколько недель в Киев пришли документы за подписью Патриарха с подтверждением законности выборов и сообщением Высшего Церковного Совета о невозможности их отмены. И в то же время Патриархия надеется на то, что «гетманское правительство не оставит Православную Церковь без своего содействия и помощи в ее нуждах». В.Зеньковский писал: «Ответ этот закреплял положение, создавшееся еще на епархиальном собрании и делал невозможным никакой компромисс. Церковь и государство на Украине оказались таким образом в войне, и я, конечно, очень тяжело переживал эту ненужную, спровоцированную епископом Никодимом и близким к нему духовенством войну». Исполняя благословение Патриарха, епископ Никодим одержал победу в неравном столкновении с украинским правительством.

Власть гетмана не могла создать армии и не имела никакой реальной опоры. За несколько дней петлюровской осады в Киеве резко поднялись цены на хлеб, и так как помощи ждать было неоткуда, 14 декабря 1918 года министерство вынесло постановление о сдаче города. В тот же день галицийский корпус сичевых стрельцов во главе с Е.Коновальцем, назначенным Директорией командиром «осадного корпуса»,

вошел в Киев, в честь чего на Софийской площади был устроен парад. Произошла очередная — четвертая — перемена власти. Первое, что сделали петлюровские отряды, — расстреляли около стен музея более ста офицеров старой русской армии. На киевлян это подействовало удручающе. Как пишет А.А.Гольденвейзер в своих воспоминаниях, «единственное административное мероприятие, которое Директория успела не только декларировать, но и осуществить, было снятие всех имевшихся в городе русских вывесок и замена их украинскими <...>. Русский язык не допускался даже наряду с украинским. Вывески же на иностранных языках не подлежали снятию. Приказ о немедленной украинизации вывесок частным образом мотивировался тем, что галицийские войска, которых Петлюра призвал освободить Украину, были весьма сконфужены, когда они, овладев наконец Киевом, оказались в совершенно русском городе. Между тем для них-то русский язык был действительно чужд и мало понятен. И вот, уступая чувствам своих войск, атаман Коновалец издал свой исторический приказ, следы которого долго еще напоминали киевлянам об эфемерном владычестве Директории <...>. Весь город в эти веселые дни представлял собой гигантскую малярную мастерскую. Улицы были полны лестниц, ведер с красками и т.п. Особые патрули расхаживали по городу и проверяли, исполнен ли приказ. В случае каких-либо орфографических сомнений они же разрешали их с авторитетностью академии наук».

17 декабря архиепископа Евлогия (Георгиевского) арестовали петлюровские офицеры. За ним пришли прямо в Печерскую Лавру, когда он пил чай с митрополитом Антонием (Храповицким), и отвезли в гостиницу «Версаль», временно обращенную в тюрьму. На следующий день в белом клобуке, с папкой в руках появился невозмутимый митрополит Антоний. Владыка Евлогий бросился с благодарностями к митрополиту, но радость его была преждевременной. Как только решетка затворилась, он понял, что обрел не свободу, а замечательного сокамерника. По коридору ходили солдаты и офицеры. Владыка Евлогий вспоминал: «Один из них спросил митрополита Антония, за что нас посадили. «За православную веру», — ответил владыка. Солдат усомнился: «За веру? За веру не сажают, наверное, какие-нибудь вы злодеи». Но наступила уже

другая эпоха, упразднявшая подобные вопросы: за веру не только сажали, но и расстреливали.

В 23.00 того же дня владык отправили поездом в Галицию. В дороге конвоиры стали заботиться об арестованных, угощать их едой и чаем. Один из солдат собирался ехать в Киев и предложил владыкам передать записку.

По приезде в Тернополь владык разместили в еврейской гостинице, но вскоре перевели в город Бучач в униатский Базилианский монастырь. Записка дошла до Печерской Лавры, после чего духовенство и миряне направились к Петлюре с просьбой облегчить участь архиереев. Но Петлюра хотел одного — чтобы этих владык на Украине больше не было, и освободить их отказался. Однако после долгих переговоров он разрешил им иметь все необходимое для службы. И вот как раз перед Рождеством два лаврских монаха привезли облачения, церковные сосуды и прочее.

В это же время в Киеве был арестован епископ Никодим, и уже на Святках оказался в Базилианском монастыре вместе с арестованными владыками. С ним прибыл иеромонах Николай, беззаветно преданный ему человек, последовавший за владыкой в заключение добровольно. Заботливо и преданно он стал относиться ко всем владыкам: подметал пол, чистил сапоги, исполнял все необходимое без малейшего неудовольствия.

Одну келью занял митрополит Антоний, другую — архиепископ Евлогий и епископ Никодим, а в третьей келии поселились иеромонах Николай, архимандрит Виталий и иеромонах Тихон, арестованные вслед за епископом Никодимом. В одной из келий совершалась служба. Днем узники гуляли по саду, а по вечерам униатские монахи приглашали владык к себе, угощали кофе, вели религиозные беседы. Епископ Никодим был отличным музыкантом и каждый вечер па стоявшей в ризнице фисгармонии исполнял церковные песнопения.

Весной неожиданно появился епископ Алексей (Дородницын), пообещал хлопотать об освобождении, но так ничего и не сделал.

Вскоре приехал профессор филологии Киевского университета Иларион Огиенко. В это время он работал над переводом богослужебных книг на украинский язык. Называя

себя православным, он без смущения причащался с униатами. (С 1919 по 1921 год он был министром просвещения в правительстве Украины. В будущем — архиерей с неординарной биографией.) Его обещания похлопотать об освобождении узников также остались без результата.

Приближалась Пасха. В Великую Субботу неожиданно для всех появился иеромонах Иов из Почаевской Лавры. Он приехал исповедовать узников и привез с собою куличи, пасхи и письма, в которых почаевские монахи писали: «Лобызаем ваши узы».

Это время архиепископ Евлогий вспоминает так: «Не знаю, долго ли продолжалось бы наше заточение, если бы не изменилось политическое положение Украины. Завязалась борьба украинцев с поляками, для украинцев неудачная. Поляки их энергично теснили. Украина разделилась на Восточную (Киевщина) и на Западную (Галиция) и организовала два правительства, объединявшиеся под верховной властью Петлюры. Во Львове, центральном городе Галиции, заседало правительство, составленное из галичан и возглавляемое Петрушевичем, в Киеве — правительство Петлюры. До нас добежал слух, что поляки взяли Львов, что правительство вынуждено бежать на восток. А потом мы узнали, что бежавшие министры вот уже две недели как живут в вагонах на нашей станции».

Заключенных освободили и даже предложили доставить на Волынь. Владыки были в некотором замешательстве, но все же решились остаться на милость и великодушие поляков. Все были согласны, что ехать куда-либо в такое смутное время, когда орудуют вооруженные банды, не стоит.

Под Троицу поляки вошли в город, и уже на следующий день, прямо после литургии арестовав владык, посадили их на грязные навозные телеги и под проливным дождем отправили в местечко Монастыржинско. По прибытии их обыскали и отправили дальше. Недалеко от Станислава толпы пьяных польских солдат и офицеров, окружив телегу, осыпали густой бранью православных архиереев. Один из солдат сорвал с архиепископа Евлогия шапку и очки и бросил в грязь. Все могло бы кончиться трагично, если бы не вмешательство одного офицера.

Прибыв в Станислав, во избежание «непредвиденного»,

владык решили не помещать в казармы и отвезли в «Бельвю» — местный публичный дом. Дали отвратительную грязную комнату. Митрополит Антоний посоветовал не раздеваться, все легли в мокрых рясах и не сомкнули глаз до утра от солдатского топота, бабьего визга и выстрелов...

Наутро митрополит Антоний обратился к униатскому епископу Григорию Хомишину в надежде на его заступничество и помощь, но безуспешно. Комендант также отказался участвовать в их судьбе. Все решилось неожиданно. Н.С.Серебренников, организовавший приют для бывших граждан Российской империи, случайно узнал, что православные архиереи находятся в борделе, и был возмущен до крайности. Он был влиятельным человеком и добился их освобождения.

Но вскоре владык арестовали вновь и отправили дальше во Львов. Там они нашли радушный прием у митрополита Андрея Шептицкого, вернувшегося недавно из русского плена (его освободило временное правительство). Рассказывая о своем плене, он поведал, как при царском режиме приезжал к своему другу графу Красинскому в Витебскую губернию под видом торговца свиньями и рассылал своих эмиссаров скупать русские древности. Будучи большим патриотом Киевской Руси и всего, что связано с ней, он утверждал, что это и есть ничем не замутненная русская стихия, которую нельзя этнографически отождествлять и политически сочетать с Великороссией.

О восточном церковном искусстве он говорил: «Оно чище воплощает христианскую идею, чем западное».

Но и под властью польского владыки они не чувствовали себя в безопасности. Митрополит Андрей Шептицкий порекомендовал обратиться к польским властям через Клемансо, так как в этот момент обсуждался Версальский договор. Шептицкий помог наилучшим образом скорректировать бумаги, которые и были отнесены во французское военное агентство во Львове.

Через несколько дней пришло предписание отправить митрополита Антония, архиепископа Евлогия и епископа Никодима в Краков. Везли их под конвоем и разместили в местечке Беляны, па берегу Вислы, в монастыре монахов-молчальников («samaldules»). Жили монахи не общежителю, а в небольших домиках с огородами. Одежду носили грубую,

донашивая ее до полной ветхости. Приветствовали друг друга неизменным «memento mori, frater». Но архиереев окружали не только монахи. Семь жандармов-пилсудчиков неотступно сторожили их.

Через некоторое время владык отправили в Краков к кардиналу Сапеге. Кардинал сказал: «Ваши имена известны, но они окружены ненавистью, вас держат под охраной. чтобы толпа вас не растерзала».

«Мы добровольно отдали себя в руки поляков, надеялись на их великодушие, — ответил митрополит Антоний по-латыни, — а к нам отнеслись, как к преступникам. У нас на Кавказе есть дикое, разбойничье племя ингушей: если кто добровольно отдастся под их покровительство, тот человек для них священный. А с нами поляки не так». Это вызвало переполох. Вся свита кардинала засуетилась: «Что такое? Какие еще ингуши?» На этом аудиенция закончилась, и архиереев отвезли в монастырь. Вскоре монахи расположились к своим пленникам и разрешили служить. Благо, все необходимое оставалось с ними. Богослужение укрепило и утешило узников.

Пришел ответ из Парижа: французские власти просят пропустить владык в район расположения армии Деники

на и оказать им в пути всяческое содействие. Через несколько дней был подан автомобиль, и архиереи в сопровождении польского офицера, с провизией, подаренной монахами, отбыли на вокзал.

В Черновцах владыки посетили 86-летнего румынского патриарха Владимира Репту. Великолепный дворец, роскошный прием, но теплого общения не получилось изза симпатий патриарха к Австрии. В Яссах архиереев принял митрополит Пимен.

Через Галат они отправились в Константинополь на пароходе русского торгового флота «Владимир». Константинополь произвел на всех чудное впечатление. Владык принял Местоблюститель патриаршего престола митрополит Дорофей с членами Синода. С ними оказался архиепископ Анастасий (Грибановский), бежавший из Бессарабии от румынских националистов. Прием был официальный и непродолжительный.

Владыка Евлогий (Георгиевский) вспоминал: «Когда в Киеве

меня арестовали, я думал, что мне конец <...>. Весь дальнейший период плена прошел под знаком неволи, бесправия, подавленности <...>. Господь изъяс меня из России в недостижимость. Я был в России фигурой заметной, колющей глаз, и был бы, несомненно, одной из первых жертв террора. Плен сохранил мне жизнь <...>. Дни плена явились цепью чудес — реально ощутимое вмешательство Божественного Промышления в мою судьбу, и теперь я знаю опытно, что означает возглас: «С нами Бог!»

В той же мере это касается и епископа Никодима (Кроткова). После Успения 1919 года, пробыв в плену 9 месяцев, архиереи прибыли в Новороссийск. Их встретили, как воскресших, с восторгом. Оказывается, прошел слух, что их расстреляли, и по ним даже служили панихиды. Митрополит Антоний и епископ Никодим остались в Новороссийске, а архиепископ Евлогий выехал в Екатеринбург к брату.

Вскоре пришли известия, что в Киеве белые, и митрополит Антоний с епископом Никодимом, невзирая на все сложности, поспешили уехать. Владыка Никодим сразу же принялся за церковные дела. Надо сказать, что ставя выше всего церковные интересы, в политическом отношении он занимал нейтральную позицию. Высказываясь всегда за целостность Церкви и государства, он даже говорить всерьез об автокефалии категорически отказывался. В ярославской тюрьме на последних допросах такая церковная позиция будет расценена как политическое преступление, направленное против советской власти. «Ставить Церковь выше государства — контрреволюция», — скажет следователь. Несмотря на давление петлюровцев, а после и большевиков, владыка отстаивал только интересы Церкви. На последних допросах он так определил свою позицию во время Гражданской войны: «Я стоял за единую неделимую Церковь и Родину, невзирая на то, какая в пей будет власть».

Деникин ушел из Киева, а вместе с ним — митрополит Антоний (Храповицкий). Реальность расправы при встрече с большевиками была слишком очевидна. Но епископ Никодим по благословению митрополита остался, так как это совпало с его внутренним убеждением: Церковь не должна оставаться без архипастыря. И киевская паства отвечала владыке любовью и

признанием. Впоследствии на допросах такая решимость к самопожертвованию вызовет подозрение и будет истолкована следователем как сотрудничество с деникинской разведкой.

Сразу же по прибытии в Киев владыка отправил к Патриарху Тихону иеромонаха Димитрия с подробным отчетом о положении церковных дел в Польше и Киеве. Иеромонах Димитрий вернулся от Святейшего с одобрением деятельности епископа Никодима и указом о возведении его в сан архиепископа с назначением на Таврическую кафедру.

После шести месяцев пребывания в Киеве владыка, выполняя благословение Патриарха, с риском для жизни пересек линию фронта и в июне 1920 года приехал в Симферополь. Через много лет и этот подвиг послушания станет на предсмертных допросах обвинением в шпионаже в пользу Деникина, а благословение Святого Патриарха Тихона — отягчающим обстоятельством. «Кадровый тихоновец» — это уже само по себе контрреволюция. В Симферополе архиепископ Никодим встретился с митрополитом Антонием, который только что вернулся из Турции, где безуспешно искал поддержки у старых друзей.

Вскоре армия Врангеля под давлением большевиков стала покидать Крым, а с нею — все желающие. Но и на этот раз архиепископ Никодим предпочел не оставлять страждущее Отечество и свою паству. Митрополит Антоний одобрил такое решение. В Крыму также остался архиепископ Таврический Димитрий (Абашидзе), ушедший за штат по благословию Святейшего Патриарха Тихона. 21 августа 1921 года он получил указ от Патриарха и поселился в Топловском монастыре, недалеко от Феодосии, где прожил около года.

Приняв дела епархии, архиепископ Никодим с прежней энергией погрузился в церковную жизнь.

В 1922 году советская власть объявила об изъятии церковных ценностей. Голодающее Поволжье стало удобным поводом для нанесения смертельного удара по Православной Церкви. Своей целью большевики ставили не столько изъятие само по себе (они не сомневались, что ценности заберут во всех случаях), сколько уничтожение лучших представителей Русской Церкви, в первую очередь, архиереев и священников. С впечатляющей откровенностью в секретном письме к членам

Политбюро в марте 1922 года В. Ленин писал: «Для нас именно данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем с 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь громадное большинство крестьянской массы будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь значительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету». В письме давалось конкретное указание, как действовать: «Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше». (*Ленин В.И. Письмо Молотову для членов Политбюро*).

28 марта 1922 года в «Известиях» был напечатан список врагов народа, куда по логике большевиков попала лучшая часть российского духовенства. Одним из первых был назван Святейший Патриарх Тихон. В свою очередь, КрымЦИК, чтобы не отстать в столь важном революционном деле, 30 марта издал указ, в котором всем православным храмам предписывалось в 36-часовой срок с момента получения циркуляра все ценности по имеющимся описям опечатать и сдать в Наркомфин. КрымЦИК обязал всех в 6-часовой срок сообщить о результатах выполнения этого своеобразного постановления. Ответственность за проведение циркуляра в жизнь возлагалась на представителей общины. Так как за эти смутные годы практически все храмы Крымской епархии в той или иной степени были уже обворованы или ограблены, предусмотрительные большевики к этому циркуляру сделали дополнение под №38, сообщавшее, что «лица, являющиеся хранителями церковных ценностей по своему юридическому или фактическому положению, будут привлекаться к ответственности наравне с совершителями краж». И даже:

«если они предоставят доказательства своей непричастности к кражам, их все равно будут привлекать за небрежное хранение

*Симферополь. Александро-Невский кафедральный собор.
Фото начала XX века*

ценностей». В примечании было сказано: «Пользующиеся церковным имуществом обязаны представить старые (до 1917 года) инвентарные книги, описи клиросных ведомостей, независимо от описей, предоставленных при заключении договора с местными Советами, а непредоставление, сокрытие или предоставление этих документов в испорченном виде служит основанием для привлечения виновных к судебной ответственности как за уничтожение или сокрытие указанных документов. Требование: а) опись в трех экземплярах недвижимого и движимого церковного имущества, б) отдельно от указанной — опись в трех экземплярах инвентарного имущества, предназначенного специально для богослужебных целей».

Как и следовало ожидать, крымское духовенство не спешило выполнять эту директиву и напряженно ожидало, что будет дальше. Представители КрымЦИК — революционные дамы Нина Солодова и Евгения Андерсен — пришли к настоятелю

Александро-Невского³ кафедрального собора протоиерею Алексею Назаревскому. Предъявив соответствующий мандат, они рассчитывали на содействие священника, но он, сославшись на свое нездоровье и несогласие прихожан оказывать содействие в сомнительных предприятиях, отослал непрошенных гостей в канцелярию архиерея и без особой уверенности предположил, что, быть может, там они найдут не только «понимание», но и ключи от храма. Но этого не случилось. Не зная, что делать, Солодова и Андерсен обратились за советом к наркому РКИ Азовскому. Получив разъяснения, они снова пришли к протоиерею Назаревскому, но дома его уже не было. Возле храма они встретили дочь протоиерея Николая Казанского, от которой узнали, что отец дома. Но и здесь не нашли сочувствия. «Я с утра занят работой, — решительно заявил священник, — и сейчас тоже еду совершать требы и ничем помочь не могу». И посоветовал обратиться к настоятелю или архиерею.

Архиепископ Никодим, видя неотступность и формальную обоснованность претензий, написал протодиакону Трофиму Хоменко, чтобы тот открыл собор и «оказал содействие». Некоторое время Е.П.Андерсен с протодиаконом искали сторожиху Марию Чупрынину, которая в конце концов и открыла собор. Через час пришел протоиерей Николай Казанский, и Андерсен попросила у него опись, но священник уклонился, сказав: «Как вы и требовали, было составлено три экземпляра описи, и мы их отправили в соответствующие учреждения. А копии нет... не имеем». Тогда неутомимая Андерсен приступила к составлению описи по наличию ценностей. За описью наблюдала сторожиха и пять-шесть случайно зашедших девочек. Ни на минуту не оставляя Андерсен в покое, они непрерывно говорили «обидные» и даже «оскорбительные

---

³ В декабре 1922 года Александро-Невский собор был закрыт. Позже его превратили в склад церковных ценностей, изъятых из других храмов Крыма. В 1929 году были сняты колокола, а 30 мая 1930 года КрымЦИК принял решение снести храм и передать земельный участок для сооружения музея-панорамы «Взятие Перекопа». Перед сносом удалось перенести захоронения архиепископа Гурия (Карпова), епископа Михаила (Грибановского) на кладбище. В ночь с 26-го на 27 сентября 1930 года собор был взорван.

слова», «ругали, попрекали, всячески мешая производить опись». В это время в храм пришел уполномоченный Скачков и тоже услышал о себе много нелицеприятного. Атмосфера накалилась. Опись в этот день так и не была произведена. Андерсен предупредила «несознательных церковниц», что завтра утром она придет и закончит свою работу. Но утром собор снова оказался закрытым, а вокруг — никого.

Андерсен отправилась к о. Алексею Назаревскому и предложила ему оказать содействие или, по крайней мере, присутствовать при окончании «работы». Протоиерей Алексей категорически отказался, объяснив, что сам, без архиерея и прихожан, он ничего не решает, к тому же в храме есть такие предметы, к которым она не может прикоснуться. Но все зря... Разгневанная Андерсен с провожатыми отправилась к архиерею. После долгих переговоров к 12 часам дня храм все же был открыт, но почти сразу появилась сторожиха Чупрынина с теми же девочками и с прежним задором стала поносить и без того раздосадованную Андерсен и ее власть. Тогда Андерсен как представитель власти попробовала их запугать, оказав психологическое давление, по результат оказался обратным. Девочки начали бить в набат, и минут через 15 храм наполнился православным народом, по преимуществу женщинами. Окружив тесным кольцом Андерсен, они начали единодушно ругать и попрекать ее за кощунственные действия. «Церковь теперь отделена от государства, и из нашего храма никто ничего не вынесет», — кричала толпа. Невзирая на угрозы, накаленную до предела атмосферу и даже реальную опасность быть побитой и выброшенной из собора, Андерсен, видимо, в состоянии одержимости, продолжала свою безбожную работу. Окончив переписывать ценные вещи, она потребовала у о. Николая Казанского ключи от ризницы. Но иссякшее терпение побудило собравшихся женщин, взяв под руки, выпроводить из храма ответственного работника и се подручных.

Через некоторое время Андерсен снова вернулась с представителем власти Ковалевским. Но собор снова был заперт, и вокруг никого не было. Пошли к архиепископу. Он принял их сурово и предложил оставить дело до воскресенья, чтобы все проблемы по изъятию решить с прихожанами. «Со своей же стороны, — сказал владыка, — ничего не могу сделать,

да и не имею на то никаких данных, какими мог бы руководствоваться в этих противоречивых обстоятельствах». Тогда Ковалевский и Андерсен предъявили газету с публикацией воззвания Патриарха Тихона о содействии изъятию и соответствующее распоряжение по Крыму местных властей. Но владыка ответил, что не имеет никаких официальных распоряжений на этот счет.

После продолжительных переговоров храм все-таки был открыт. Протоиерей Казанский и протодиакон Хоменко, ни во что не вмешиваясь, наблюдали со стороны. Когда уполномоченные начали снимать ризу с чтимой Казанской иконы Божией Матери, раздался колокольный звон, на который экспроприаторы не обратили внимания. А между тем минут через десять после набата собор наполнился народом. Поднялся шум, недовольство, угрозы высказывались открыто, и «работа» вновь была прервана. Вскоре прибыл архиепископ с духовенством города, но никаких действий не предприняли. Отойдя в сторону, они наблюдали за полемикой, подбадривая народ своим присутствием. К вечеру все закончилось.

Изъятые ценности были по предложению комиссии сданы в Народный комитет финансов. Заместитель председателя комиссии по изъятию Шведов настоял на продолжении обыска на следующий день. Ему казалось, что в отдаленных шкафах находится что-то ценное, чего так не хватает молодой Советской республике. Но и на следующий день продолжилась та же одиссея с поиском ключей. Взломать дверь, между тем, не решились. Протодиакон Трофим Хоменко ссылался на старосту храма Чернетенко, а он дальше, стараясь оттянуть время. В шкафах оказались богослужебные сосуды, как выяснилось, не указанные в предложенной описи. И хуже того, при обыске архиерейской канцелярии был найден рапорт настоятеля собора о предполагаемом изъятии с резолюцией архиерея: «В канцелярию для сведения». Стало быть, к постановлению власти всерьез не отнеслись. Были найдены акты о пропаже ценных вещей из храмов епархии, похищенных в текущем году, что станет еще одним из пунктов (потеря бдительности) в обвинении архиепископа Никодима и духовенства епархии.

В результате настоятель собора о. Алексей Назаревский был вынужден написать властям подробный рапорт о том, что есть

такие церковные сосуды, которые употребляются только в богослужбных целях, а посему сданы быть не могут. С другой стороны, под давлением слишком раздраженного народа во избежание серьезных столкновений власти стали осторожнее.

В ходе полемики возник вопрос: есть ли чудотворные иконы? И члены комиссии, без лености просмотрев все документы духовной консистории, уверились, что таковых на 3 июля 1922 года не имеется. Но из газеты «Наука и религия» от 10 июня 1922 года (№10) выяснилось, что в Александро-Невском соборе есть новоявленная икона, «которая плачет за погибшую от большевиков Россию». Объявилась икона в Шестериковской слободке у еврея-выкреста Фабиерова. Об этом было сообщено архиерею, и он послал комиссию во главе с благочинным о.Николаем Бессоновым и заведующим канцелярией протоиереем Димитрием Игнатенко, после чего икона была перенесена в кафедральный собор.

Так же сложно проходило изъятие и в других храмах. Приведем несколько примеров⁴.

В Петро-Павловском соборе в марте 1922 года изъятие проводила Нина Солодова в присутствии протоиерея Александра Зверева, протодиакона Дмитрия Полежаева, старосты Андроника Великодного и казначея Семена Сидоренко и все с теми же проблемами. Описи не оказалось, куда она делась, выяснить так и не смогли. Протоиерей Александр Зверев был вторым священником, но из-за болезни настоятеля о. Аполлинария Арсентьевича Попова с ноября 1921 года выполнял его обязанности. Отец Александр запретил снимать серебряные ризы с так называемых личиковых икон (то есть тех, где написаны только лики и руки), объяснив, что в таком случае храм утрачивает и саму икону.

Народ, собравшийся в храме, по преимуществу женщины, был неспокоен. Действия комиссии духовенство называло своими именами — кощунством и святотатством. В среде собравшихся высказывались предложения проучить Солодову, что духовенство подчеркнуто не замечало. Впрочем, храм оказался достаточно бедным изза многих бывших накануне

---

⁴ Документальные описания изъятия ценностей из других храмов епархии даны в *Приложении*.

краж. Это вдохновило ответственных работников на еще одно посещение, после чего в храме осталось лишь то, без чего не могла бы состояться служба. В Свято-Троицком греческом храме (ныне кафедральном) также орудовала Солодова с компанией в присутствии настоятеля Евстафия Дмитриевича Адамиди, Дмитрия Васильевича Кумурджи и члена общины Марии Дракуполо. Описи не оказалось, и комиссии пришлось составлять ее по наличию ценностей. Бывший настоятель этого храма Евгений Эндека⁵, энтузиаст обновленчества, состоявший

---

⁵ *Евгений Павлович Эндека родился в 1883 году в Карасубазаре. Окончил Таврическую духовную семинарию, как свидетельствуют епархиальные ведомости, в числе последних учеников. Его пробольшевистские усилия в дальнейшем себя не оправдали. Уже в 1923 году его арестовали и выслали из Крыма. По возвращении он относительно благополучно служил в различных храмах Крыма до 16 марта 1936 года, пока его не арестовали как греческого националиста. В то время он был настоятелем греческой Афанасьевой церкви в Керчи. Его душевное состояние само по себе показательно. После первых же допросов он был отправлен в психиатрический диспансер на обследование. Врач 10 октября 1936 года записал: «Со слов Е.П.Эндеки, во время пребывания в заключении он испытывал страх, слышал голоса устрашающего характера: «Смертный приговор», «Его надо убить». Боялся принимать лекарства и пищу, спасаясь, что они отравлены, не спал по ночам. Со стороны психики: формально вполне ориентирован, слабодушен, легко плачет по самому незначительному поводу. Не способен к длительным психическим напряжениям. По временам испытывает ночные страхи. Под следствием переносил реактивные психические состояния». Во время следствия Е.Эндека предал своих ближних и друзей по церкви: Иордана Ивановича Семилиди, Гомера Пахатуриди, Кайтолиди и других, назвав их контрреволюционерами и националистами. Отвечая на вопрос врача, сам Эндека характеризовал свое состояние следующим образом: «После того как я назвал подсудимого (И.Семилиди. — *Авт.*) контрреволюционером, я слышал голос Семилиди, на меня это очень действовало, и наутро у меня отняло руку и язык. Я видел следователя, я галлюцинировал, я слышал, как меня вызывают к следователю, который заставил меня дать показания, после этого я еще больше стал галлюцинировать... Меня перевели в общую камеру, меня допрашивали, в это время я тяготился этим, я давал все возможные показания... Я пил, но редко. Я говорил, что я блудник, что я корыстолюбец. Я писал мнимому прокурору заявление. Помню, что я писал на латинском языке некоторые слова... Я чувствовал, что меня посадили якобы к Шакалам, чтобы они меня убили... Я забыл молиться. У меня был животный страх. По временам у меня это бывает. Сейчас я спокоен. Я познакомился с тюремными людьми и их преступлениями».

Несмотря на такое плачевное состояние и былые заслуги перед властью, Эндека был все же осужден 21 октября 1936 года на четыре года лагерей с лишением прав на три года. Его дальнейшая судьба неизвестна.

секретарем комиссии по изъятию, заявил, что, когда он был настоятелем, опись имущества была полной, и в его бытность имелось очень ценное Евангелие, а также большой золотой крест. С первого раза много забрать не удалось. Наиболее доходным оказался третий поход изыmateлей — 16 марта, видимо, по чьемуто доносу.

Шведов с секретарем и священником Эндекой в присутствии настоятеля изъяли много ценных золотых и серебряных вещей. Несмотря на кражи, которые были здесь, как и в других храмах, Троицкий собор оставался достаточно богатым.

Все это происходило в Великий Пост. Не умея найти и вынести все сразу, члены комиссии приходили в каждый храм по два-три раза, оставляя в сердцах верующих скверное, гнетущее впечатление. С удивительным усердием и занудством изыmateли выискивали любые свидетельства о материальных ценностях, а так как почти все храмы уже были обворованы, им приходилось подолгу, на ощупь выяснять, что же на самом деле украдено и что от них утаили, нередко пользуясь услугами стукачей.

Вне зависимости от того, кто и насколько подчинился изъятию, все были обвинены в сопротивлении властям, в расхищении, в небрежном хранении и в симуляции хищений.

С 20—24 июня 1922 года была проведена тщательная ревизия архиерейской канцелярии. Помимо председателя комиссии Еленева, возглавлявшего церковный отдел НКВД, и председателя ЦК Помгола Ковалева, участвовал в этом безобразии как представитель инициативной группы «Живая церковь» священник Евгений Эндека. К своему удивлению, комиссия обнаружила, что канцелярии Таврического епархиального совета уже нет и что таковая, согласно распоряжению от 21 ноября 1921 года, владыкой Никодимом закрыта, а вместо нее учреждена канцелярия Таврического епископа, которая именуется теперь канцелярией Правления союза приходских церквей города Симферополя и в которой выяснить что-либо (то есть найти компрометирующий материал) не представляется возможным. По оставшимся документам нельзя было сориентироваться в финансовом и материальном положении епархии. Это вызвало сильное недовольство в комиссии и впоследствии квалифицировалось как пассивное

сопротивление власти. Архиепископа Никодима непрерывно попрекали ужасами голода (искусственно организованного). Обращаясь к его совести, приводили послания Патриарха Тихона, делая акценты на словах Святейшего: «Нам стало известно, что проведение в жизнь декрета об изъятии церковных ценностей сопровождалось весьма нежелательными явлениями. Прихожане, побуждаемые несомненной ревностью о храме Божиим, но ревностью неправильно понимаемой, допускали активное противодействие власти, причем это противодействие принимало иногда форму прямого насилия и даже кровопролития». Все эти действия Святой Патриарх Тихон осуждал и считал своевременным предупредить, что возбуждение против известной какой-либо национальности (например, евреев) им осуждено еще в 1919 году. В настоящий же момент Патриарх Тихон приглашает «епархиальных преосвященных преподать подведомственному им духовенству и пастве архиепископские указания в выше упомянутом духе, располагая к посильной помощи голодающим, и выделить что-либо из церковного достояния для указанной цели». К тем, кто и после не подчинится руководящим указаниям своего архипастыря, должны быть приняты меры архипастырского воздействия.

Разумеется, владыка Никодим разослал послания Святейшего всем благочинным епархии.

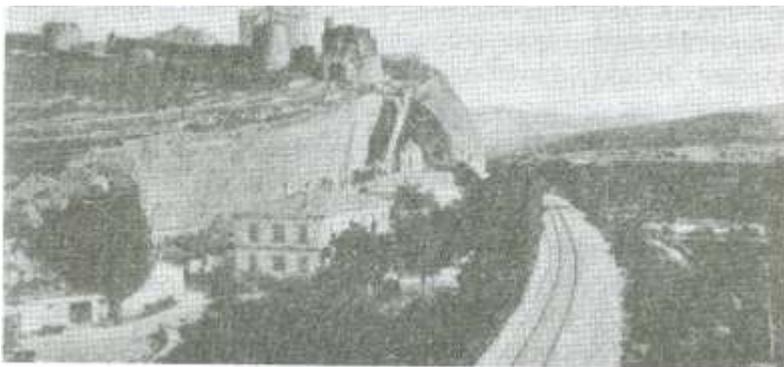
Вот ситуация, к примеру, в Севастополе. 4 марта 1922 года благочинный округа настоятель Покровского храма протоиерей Павел Пересыпкин был вызван в исполком, где его без всякого промедления принял заместитель председателя в присутствии семи сотрудников. Ему прочитали постановления ВЦИК от 23 февраля об изъятии ценностей, добавив, что на какой-то конференции несколько севастопольских рабочих, в том числе и женщины, предложили безотлагательно исполнить постановление. Благочинному порекомендовали немедленно обратиться к населению с воззванием, на что он ответил: «Ясно представляя все ужасы голода, зная, что на помощь погибающим должно спешить, я все же не могу это делать самостоятельно. Призыв об изъятии не может исходить только от меня. Этот голос принадлежит епископу и народу. Без общеприходских собраний решить такую проблему

невозможно». Работники исполкома возмутились: «Как можно затягивать дело, когда речь идет об умирающих!»

Но священник спокойно возразил: «Все равно не могу принять на себя смелость единолично обратиться к народу и прошу дать мне возможность посоветоваться с духовенством». Исполком согласился, дав день сроку. Получив разрешение на собрание, духовенство и миряне Севастопольского благочиния съехались для решения этих вопросов. После обсуждения, длившегося несколько часов, собрание пришло к выводу: «Изъятие одобрить, но только так, чтобы не были задеты религиозные чувства верующих. Выполним свой долг, а что касается церковных предметов, о них будут судить приходские советы и выдадут им то, что окажется лишним». К этому делу севастопольское духовенство подошло с большой осторожностью: для совета был приглашен известный 70-летний харьковский адвокат, бывший председатель епархиальных съездов. Будучи профессиональным юристом, понимая всю сложность ситуации и серьезность события, он одобрил действия духовенства и содержание воззвания, которое было представлено в исполком и напечатано в крымской Газете «Маяк коммунизма».

Священнослужители Севастополя актом от 5 марта постановили: «Выпустить воззвание с призывом об оказании активной помощи всем голодающим без различия вероисповедания, которое с разрешения исполкома поместить в местных газетах, а настоятелей церковей просить созвать приходские советы и убедительно предложить им принять меры и усилить помощь голодающим пожертвованием церковных ценностей и обратиться к молящимся об оказании помощи своими личными средствами. Сознывая, что право распоряжаться церковным имуществом принадлежит епископам (апостольское правило 38—40), мы все же осмеливаемся постановить противное, так как к этому вынуждают нас современные, не терпящие отлагательства обстоятельства — голод, смерть наших сограждан». Воззвание подписал благочинный и другие священники города.

Воззвание начиналось словами: «Возлюбленные во Хри

Инкерманский монастырь св. Климента Римского

сте братия...» и в ярких красках рисовало ужас переживаемого «нашими гражданами голода», причем там говорилось, что «соввласть, со своей стороны, делала и делает все, что может». Были и оговорки со ссылкой на исторические примеры: «В истории Церкви были случаи, когда церковные ценности отдавались голодающим».

Но впоследствии оказалось: никакая лояльность, никакие встречные шаги и прочее не спасли верующих от обвинений и суда. Властям нужны были не только ценности (они знали, что их получают в любое время), но и головы их владельцев. И уже 19 марта протоиерей Павел Пересыпкин был привлечен к ответственности и обвинен севастопольским трибуналом за расхищение церковного имущества, сокрытие описей и прочее — по уже отработанной схеме.

Одно из первых обвинений, предъявленных архиепископу Никодиму и крымскому духовенству было «нелегальное собрание», назначенное на 31 мая 1922 года. Бывший настоятель Скорбященской церкви протоиерей Евгений Эндека как активный член группы «Живая церковь» был приглашен на пастырское собрание в архиерейский дом. Помимо духовенства, пришли представители церковноприходских советов и миряне-богословы — все хотели послушать доклад Эндеки о «Живой церкви», узнать о ее основных положениях, как это видят и понимают живоцерковники. А также всем хотелось публично обсудить статью Эндеки, напечатанную в газете «Красный Крым»,

о церковных реформах, предлагаемых «Живой церковью» и

о возможном созыве собора. Эндека сразу же ощутил настроение собравшихся как неблагоприятное для своего выступления. Обстановка была действительно напряженной и даже нервной. «В повестке дня собрание было названо «пастырским», — возмущался Эндека, — а на нем присутствуют миряне». Poleмика оживилась настолько, что было принято решение перенести слушание и обсуждение доклада на следующий день. Но этого не произошло. С самого утра по чьей-то наводке явился председатель политуправления, и все собравшиеся были переписаны и задержаны. Председательствовал, как было зафиксировано, архиепископ Никодим. Присутствовали заведующий епархиальной канцелярией протоиерей Димитрий Игнатенко, протоиерей кафедрального собора Александр Сердобольский, благочинный Симферополя протоиерей Николай Бессонов, священник Петро-Павловского собора Александр Зверев, настоятель Трехсвятительской церкви о. Петр Салов, а также заместитель делопроизводства наркомфина Митрофан Иларионович Архангельский, ассистент университета Петр Михайлович Петров, заведующий церковным подотделом, нарком внутренних дел Георгий Павлович Доценко и другие. Собравшихся обвинили в нарушении «обязательного для всех» постановления № 72 наркома внутренних дел Крыма от 20 апреля 1922 года о «представлении повестки в местный отдел управления за три дня до назначенного собрания с непременным обозначением», какие вопросы будут обсуждаться. Никто, разумеется, виновным себя не признал. Еще неудобовразумительными были постановления советских властей для людей, привыкших к нормальной жизни. Архиепископ Никодим заявил, что собрание назначено им, и, хотя оно было названо пастырским, он все же нашел нужным пригласить мирян, членов приходских советов, образованных и знакомых с церковными делами людей, считая, что в этом случае может руководствоваться разрешением №25 Ревкома Крыма от 16 апреля па устройство собраний представителей приходов для обсуждения нужд чисто религиозного характера.

Священники настаивали на том, что они прибыли на собрание по повестке благочинных, чтобы услышать доклад Эндеки о «Живой церкви», и так как оно было благословлено

владыкой, то не могли на нем не присутствовать. Но было еще и «второе собрание» (как обозначено в обвинительном заключении), вызвавшее большое раздражение властей.

Сделав установку па развал епархии, большевики официально поддерживали живоцерковников и одобряли все то, что может подорвать православие. Во что бы то ни стало им хотелось устранить пользовавшегося большим авторитетом среди народа архиепископа Никодима и его окружение и, конечно же, не допустить на кафедру нового православного епископа. Владыка Никодим, видя, что происходит, не сомневался в своем скором аресте. Его прошлое говорило само за себя, а непокладистость при изъятии ценностей и принципиальное неприятие живоцерковников не оставляли надежды на лояльность со стороны новой власти.

**Архиепископ Димитрий
(Абашидзе) .**

Архиепископ Димитрий (Абашидзе) был в это время под домашним арестом в Топловском монастыре, где ему было разрешено оставаться не более года. Православие в епархии было в критическом состоянии. Обновленцы во главе с Евгением Эндекой с помощью большевиков энергично и не без успеха шли к захвату епархиальной власти. Эндека вообще не гнушался открытого сотрудничества с гонителями Церкви ради своих идейно-преобразовательных пристрастий. Консультировал,

давал советы, как лучше и удобнее поставить православных на колени, обескровить и лишить их прежнего авторитета.

В связи с этим было принято решение рукоположить вдового протоиерея Александра Михайловича Зверева во епископа Мелитопольского, викария Севастопольского. Такое решение было вызвано тем, что обновленцы захватили Таврическое епархиальное управление, и во избежание

путаницы было необходимо дистанцироваться от самозванцев. Протоиерей Александр обладал всеми необходимыми качествами для нелегкого служения в сложившихся экстремальных условиях.

**Протоиерей Александр
Зверев. 1902 год 1**

Поздним вечером 28 августа 1922 года на подворье Космо-Дамиановского монастыря для пострига и архиерейской хиротонии собрались архиепископ Никодим (Кротков) и архиепископ Дмитрий (Абашидзе), специально, в тайне от всех, приехавший из Топловского монастыря. Прибыли также протоиерей Дмитрий Игнатенко, настоятель кафедрального Александро-Невского собора

протоиерей Симеон Кикоть и протодиакон Петро-Павловского собора Дмитрий Полежаев. Присутствовали также настоятельница Топловского Параскевского монастыря игуменья Вирсавия (в миру Матрона Сидоровна Подозникова) и делопроизводитель свечного завода Николай Митькин. Постриг и служба, на которой состоялась хиротония, продолжались всю ночь и закончились около 9 часов утра.

Но меч революционного правосудия уже был занесен и над архиепископом Никодимом, и над всем православным духовенством. Кроме того, большевики не могли и не хотели забыть о деятельности Временного Высшего Церковного Управления (ВВЦУ) на юго-востоке России и всего, что с ним было связано. Даже незначительные, ушедшие в прошлое мелочи, никак не относящиеся к настоящему времени, вспоминались и полагались в основу обвинения. Например, молитвы за главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России генерала Врангеля. Была изменена форма поминания на сугубой ектении:

вместо «благочестивейшего Государя нашего» введена формула: «Благоверного вождя и правителя нашего». Не

забыли большевики и другой указ Высшего Церковного Управления на юго-востоке России — о необходимости пробуждения русского юношества и привлечения его к самовоспитанию и самодеятельности в духе религиознонравственного мировоззрения. Приведем отрывок из этого документа, во многом созвучного сегодняшнему дню.

**Протоиерей Димитрий
Игнатенко. 1926 год.**

«Благородное русское юношество!

Вас сделали невольными свидетелями величайших исторических событий. На ваших глазах произошла мировая война <...> и огромной силы революционное движение в России. Вы являетесь свидетелями величайшей, титанической борьбы защитников правды <...> с поставившей Россию на край

гибели гидрой большевизма <...>. В безумную пору обезумели многие и сильные умы <...>, прежде казавшиеся верными сынами Родины, продали свою душу изменникам и предателям. В эту страшную пору особенно величественным становится подвиг значительной части нашего юношества. Когда горсть бесстрашных верных сынов Родины во главе с генералами Алексеевым, Корниловым, Макаровым и Деникиным, называющими себя Добровольческой Армией, вступили в борьбу за честь и спасение Родины, они одни из первых стали примыкать к движению, наши благородные душой юноши. Они восполнили тогда еще редкие ряды Добровольческой Армии, в ней, как и в рядах кубанцев и донцов, они совершили бессмертные подвиги <...>.

Да будут благословенны пред Богом их имена!.. Они оказали Добровольческой Армии могучую помощь. Правда,

**Протоиерей Димитрий
Полежаев. 1923 год.**

некоторая часть русской молодежи не устояла против соблазнов растлевающей большевистской силы и поверила лживой ее проповеди. Но и вы сами как уже сознательные люди не должны и не можете оставаться более пассивными, будучи лишь объектом воспитания и образования. (Полное крушение на практике нашли и глубоко проникнутые материализмом идеи социализма и коммунизма.) Не озирайтесь вокруг себя, почти ни в ком не видя доброго примера, явите сами пример будущим поколениям и покажите себя достойными нашей

великой Родины, которая с любовью и упованием смотрит на вас в эти тяжелые дни испытаний».

Священникам и законоучителям было поручено распространить это воззвание в копиях, прочесть и объяснить юношеству. Но этой деятельностью Церковного Управления на юге России не ограничивалась. Пробуждая сознание способных очнуться, понять и увидеть, оно обращалось к совести земледельцев, способных пожертвовать хлеб и другие продукты в пользу братьев, живущих в северных губерниях России, «не имеющих возможности обеспечить себя достаточным пропитанием ввиду длящегося господства большевиков».

Был объявлен сбор пожертвований на предстоящую зиму, но ввиду Гражданской войны решено было обратиться за помощью к Колчаку и Деникину с просьбой о содействии и реализации этой идеи. Крымские коммунисты не удержались, чтобы не сравнить отношение Церкви к голодающим тогда и сейчас с выгодой для «текущего политического момента». Как несомненный акт вины крымского духовенства было приведено еще одно воззвание ВВЦУ.

«Православный русский народ и Христолюбивое воинство!

**Инкерманский монастырь св.
Климентя Римс**

Третий год, как мы ведем ужасную войну с жестоким врагом, а между тем враг еще не побежден. Происходит это оттого, что большинство русских людей до сих пор не понимает ни своего врага, ни смысла настоящей войны. Ныне настало благоприятное время сказать вам, что настоящая война есть борьба веры и неверия, Христа с Велиаром и Церкви с сатанинским сборищем. Враги Христа, Спасителя нашего, некогда распявшие Его на кресте и многократно воздвигавшие гонения на Церковь Его, ныне собираются распять

Невесту Его — Церковь Христову. Ныне во главе полчищ безбожников — дьявол, восставший на Церковь. Он оскверняет алтари Господни и убивает служителей Бога Всевышнего. Он кощунствует над святынями православными. Он предает огню города и селения русской земли и мечу всех лучших сынов ее. Он это делает для того, чтобы разрушить вначале Россию, а потом — все христианские государства Запада и Востока <...>. Восстанем как один за святую веру и Церковь Православную и за святую правду Божию. Поспешим освободить несчастных братьев наших из тяжелого плена безбожных и безжалостных правителей».

Все эти воззвания были подписаны архиепископом Таврическим Димитрием (Абашидзе), архиепископом Полтавским Феофаном (Быстровым), епископом Севастопольским Вениамином (Федченковым), протоиереем Сергием (Булгаковым) 17 мая 1920 года в Севастополе.

Не преминули власть предержавшие судить крымское духовенство словами Святого Патриарха Тихона, сказанными в 1919 году: «Мы, служители и глашатаи Христовой Церкви, подпали под подозрение носителей современной власти в скрытой контрреволюции, направленной якобы на ниспровержение советского строя, но мы с решительностью заявляем, что такие подозрения несправедливы: установление той или иной формы правления не дело церкви, а самого народа <...>, указывает, что при перемене власти служители Церкви иногда приветствуют эту смену колокольным звоном. Но если это бывает, что вовсе не по чину служителей церкви, которые по-своему должны стоять выше всяких политических интересов, должны памятовать канонические правила Святой Церкви, коими она возбраняет своим служителям вмешательство в политическую жизнь страны, принадлежать какимлибо партиям, а тем более делать богослужебные обряды и священнодействия оружием политической демонстрации <...>. Не подавайте никаких поводов, оправдывающих подозрительность советской власти».

Но, как выяснилось, само существование Православной Церкви и священнослужителей уже было достаточным поводом, оправдывающим ее подозрительность.

Все раздражение против эмигрировавшего духовенства обрушивалось теперь «пролетарской справедливостью»

на тех, кто остался. В глазах советской власти даже популярность архиепископа Димитрия среди крымчан вменялась ему в вину, так как крымская паства, ценя и любя своего владыку, обратилась в свое время к Святейшему: «Тяжелы и велики его труды, когда на него было возложено председательство во Временном Церковном Управлении на юго-востоке России. Все это создало крепкую связь с нашим любимым архипастырем, но особо живо почувствовалось и стало неразрывным с того времени, когда владыка решительно отверг официальное предложение покинуть пределы России и остался

самоотверженно на своем посту, а потому паства вся Тавриды желает видеть владыку в сане митрополита».

Митрополитом Абашидзе стать не успел, но быть привлеченным к уголовной ответственности сподобился. Как несомненный факт вины архиепископа Димитрия приводился протокол съезда духовенства и мирян Таврической епархии в 1917 году. Владыка приветствовал «свободную церковь в свободном государстве», после чего в акте говорилось об «отделении Церкви от государства» и «сохранении за первой прав собственности, просвещения в духе православия и юридических прав». От имени съезда были посланы телеграммы на имя Львова, Колчака и Керенского (последний почему-то назывался «Мининым земли русской»), обещалась им материальная помощь «для защиты от жестокого врага демократии и мира». (Большевики припомнили, что Таврическая епархия пожертвовала Добровольческой армии на 1 декабря 1919 года тысячу рублей.)

Теперь же политический романтизм прежних лет оборачивался серьезными неприятностями. С 22 ноября по 1 декабря 1922 года продолжалось открытое судебное заседание. Верховный революционный трибунал при КрымЦИК судил архиепископа Никодима и крымское духовенство.

Председательствовал Порецкий, членами суда были Максимов и Барышева, секретарем — Терещенко, государственным обвинителем — Фридман. Защитники по назначению — Чарский, Большин, Готольберг, Донской, по соглашению — Айзенштейн, Ямпольский и Гуревич.

Крымское духовенство обвинялось в сокрытии церковных ценностей и «использовании религиозных предрассудков с целью противодействовать изъятию ценностей», а также в «нелегальных собраниях, подделке документов» и кражах.

Архиепископ Никодим на суде держался бодро и независимо и заявил, что о декрете об изъятии церковных ценностей он знает только из газет. Никакие циркуляры и распоряжения правительства ему известны не были. А после опубликования декрета в Симферополе была организована комиссия по изъятию церковных ценностей, которая и приступила к делу, в связи с чем по его благословию было устроено совещание, на которое были приглашены настоятели всех церквей и по два

члена приходского совета от каждой церкви. На совещании обсуждались меры, благодаря которым можно было безболезненно произвести изъятие. Владыка подчеркнул, что «члены Государственной комиссии могли не знать, что епархиальный архиерей может иметь значение в этом деле, но в составе комиссии по изъятию был священник Евгений Эндека, который не мог забыть правящего архиерея, и я сделал вывод, что комиссия считает его лишним, ненужным в этом деле. В то время, когда архиереи других епархий, по имеющимся у меня сведениям, на такие совещания были приглашены, и изъятие там прошло более легко. Невзирая на то, что комиссия не признала нужным мое участие, я все же говорил в храме проповеди о необходимости выдачи церковных ценностей для голодающих и благословлял на это других священнослужителей». Но инициаторы процесса припомнили и тут же процитировали постановление владыки об охране церковных святынь от кощунственного захвата и поругания, гласившее: «Святые храмы и часовни со всеми священными предметами, в них находящимися, суть достояние Божие, состоящее в исключительном обладании Святой Божией Церквю, в лице всех православных верующих чад ее, возглавляемой богоугодной иерархией. Всякое отторжение сего достояния от Церкви есть кощунственный захват и насилие, а посему на каждом христианине лежит долг: всеми доступными для него силами и не противными духу учения Христова средствами защищать церковные святыни от кощунственного захвата и поругания. Никто из православных христиан, под страхом церковного отлучения, да не дерзнет участвовать в изъятии из храмов, часовень святых предметов и только лишь могут передавать по требованию мирских властей описи храмов и находящихся в них предметов. В случае явного небрежения или безразличия прихожан к захвату и поруганию своих святынь храмы таковых приходов закрываются распоряжением местного епархиального архиерея, отправление общественного богослужения, а в некоторых случаях и частных треб в приходе прекращается впредь до полного раскаяния виновных».

Владыка продолжал свою речь: «В беседах с сотрудниками «Красного Крыма» я высказывал сочувствие делу изъятия, что и было помещено в этой газете в середине мая. Я же не принимал

участия в изъятии непосредственно, потому что меня никто не приглашал. Но когда я получил воззвание Святейшего Патриарха Тихона, то сейчас же отдал распоряжение о распространении и прочтении его в храмах и один экземпляр отдал сотрудникам «Красного Крыма». Насколько мне известно, изъятие церковных ценностей в Крыму и по всей Тавриде прошло без оказания сопротивления комиссии как со стороны духовенства, так и со стороны прихожан, а посему обвинение в намерении сорвать изъятие считаю неправильным, как и обвинение в противодействии этому изъятию. И более того, изъятию Церковь не только не противодействовала, но и содействовала всеми возможными мерами. Я принимал личное участие в описи ценностей Собора, женщинам, приходившим за советом с церковного старого кладбища, посоветовал выдать властям ценности. И вообще среди духовенства и мирян во время изъятия держался мнения, что власти нужно подчиняться, в особенности в таком деле, как помощь голодающим». Далее владыка говорил, что при изъятии в кафедральном Александро-Невском соборе «толпа на комиссию не насадала. Правда, ее председатель тов. Ковалевский говорил с народом несколько взволнованно, и на его некорректное поведение были жалобы от народа. То, что в каждой церковной вещи и ценности есть пот и кровь умирающих в муках голода рабочего и крестьянина, я согласен. Запрещается ли церковными канонами изъятие ценностей для спасения голодающих — не думаю, хотя всех их сейчас не припомню. Изъять из храмов без ущерба для них можно все, без чего можно обойтись при совершении богослужения, и, полагаю, что обилие ценностей для Бога есть дело безразличное, а смерть голодающих — неприятное. Заповеди, коими Христос заповедал насилие, не припомню, но Церковь христианская заповедует хранить церковное имущество, для чего нанимаются сторожа, коим вменяется в обязанность задерживать людей, похищающих таковые. Полагаю, что Христос не препятствовал бы, если бы была сорвана для голодающих риза с Его Лика. Всем, кто в частном порядке спрашивал меня, можно ли отдавать церковное имущество, говорил, что не только можно, но и должно, и произносил поучения о пользе личных пожертвований, и с моего благословения приходские советы, сестричества и проч.

принимали на себя заботы по сбору денег и питания голодающим».

На следующие пункты обвинения владыка отвечал: «Как председатель Комитета беженцев духовного звания я не спрашивал, не знаю, кто из них бежал от Красной армии. Кто из них остался в Крыму, не помню. Привозили ли они с собою ценности — не знаю.

Мер для безболезненного проведения в жизнь декрета об отделении Церкви от государства не принимал, ожидая действий в этой области от представителей власти.

Когда заведующий церковным подотделом сообщил мне, что начинает передачу церковей верующим, мною было отдано словесное распоряжение, чтобы все к этому было готово. Раньше этими вопросами с моего благословения занималось Правление союза приходских советов.

Был ли сбор пожертвований и передавались ли они в Москву из Крыма Святейшему Патриарху Тихону и голодающим — не знаю, так как тогда стоял не у дел». (Был под домашним арестом и находился в Инкерманском монастыре св. Климента Римского. По свидетельству протоиерея Михаила Польского, уступая напору верующих, гонители выпустили архипастыря для совершения праздничной литургии во Всехсвятском храме Симферополя в день Преображения Господня. За этой службой владыка рукоположил священника для этого храма. Сразу же после литургии святитель был отправлен обратно.) Далее владыка говорил, что «альтруистических чувств священнослужителей, проявляющихся в борьбе с голодом, не тушил. Разрешение на изъятие ценностей севастопольскому благочинному протоиерею Николаю Некрасову послал, причем отдачу ценностей благословлял делать с согласия прихожан, во избежание недоразумения. В просьбе о Некрасова альтруизма не вижу. Он исполнял декрет соввласти, и разрешение епископа излишнее. Очевидно, о. Некрасов хотел привлечь епископа, так как боялся отвечать за то, что исполнял распоряжение государственной власти. Впрочем, никто, кроме протоиерея Николая Некрасова, не спросил у меня благословения на изъятие».

В ходе судебного разбирательства владыке задавали много вопросов, зачастую не касающихся самого обвинения, но во

всех случаях его ответы для нас интересны. Например, что говорил владыка на открытии памятника Андрею Ющинскому? Владыка ответил: «Находясь в Киеве, в закладке памятника Андрею Ющинскому не участвовал, памятника не видел и речи па могиле не произносил».

Обвинители усмотрели антисоветскую деятельность и в чисто архипастырском служении. Так, объезжая свою епархию, владыка прибыл 17 мая 1922 года в Мелитополь и сразу же, наученный опытом, обратился в исполком, нужно ли ему зарегистрировать свои документы, так как он приехал для ревизии церквей Мелитополя и всего уезда. Местные власти сказали, что регистрация не обязательна, и на следующий день архиерей отправился в дорогу, но уже 19 мая был задержан в селе Терпение, куда прибыл в 8 часов вечера. Подъезжавший к селу правящий архиерей, как и положено, был встречен колокольным звоном. Перед молебном он обратился к народу, убеждая усердно молиться о ниспослании дождя, а после молитвы сказал проповедь: «За неверие в Бога мы несем наказание в виде голода, болезней и прочее, и <...> только потому, что часть современных людей отеклась от Творца и своими несуразными убеждениями сбивает с праведного пути других, страдает вся русская земля». Во время проповеди пришло два стукача посмотреть, послушать и сообщить начальству, что и как происходило.

По окончании молебна, благословившись, народ разошелся по домам, а владыка Никодим со священством, приехавшим из ближайших деревень, отправились ужинать. После трапезы и непродолжительной беседы о положении церковных дел легли спать. После 12 ночи явились представители местной власти и обвинили спящих священников и архиерея в незаконном собрании. Оказалось, райсовет постановил: ходить по селу и собираться дома для бесед кому-либо после 24 часов строго воспрещается. И вот, аккуратно дождавшись заветного часа, местные властители пришли и всех арестовали.

В милиции выяснилось: «Именующий себя епископом не может доказать последнего, т.к. паспорт оставил в Мелитополе. В поздний час (20.00. — *Авт.*) звонили в колокола, не предупредив администрацию, хотя праздника нет», представители власти уже легли спать, но «встревоженные

звоном, подумали, что пожар», а также, что «в проповеди архиерей коснулся политики». Местный священник пытался объяснить, что он своевременно предупреждал власти о приезде архиерея и проповедь была на церковную тему, но все напрасно. После допроса, сопровождавшегося угрозами, у владыки Никодима взяли подписку о невыезде, а на следующий день, 20 мая, доставили его в мелитопольское политуправление. Через несколько дней архиерея освободили, и только он собрался продолжить осмотр своей епархии, как 25 мая был снова арестован в селе Менчикуры за проповедь и отсутствие пропуска, в котором ему отказали в Мелитополе, уверив, что «это излишне». Владыку под арестом продержали достаточно, чтобы он понял «нецелесообразность архиерейских объездов в настоящее время», и он был вынужден вернуться в Симферополь. И вот теперь пролетарский суд истолковывал всякое перемещение архиерея как контрреволюционную деятельность.

Но и это не все. Ненавистники православия тщательно выискивали всякое несоответствие с их представлениями и пожеланиями. Припомнили и «контрреволюционную» проповедь, сказанную владыкой 1 сентября 1921 года в архиерейской церкви против обновленцев, упорно стремившихся захватить епархиальную власть. В ней речь шла о гонениях на христиан при императоре Диоклетиане. Владыка говорил: «Мученики жестоко страдали, но не отрекались, более того, своей любовью ко Христу, подвигом веры многих обращали из язычества <...>. В то время храмы закрывались, книги сжигались, верующие изгонялись, вот и теперь наступило такое время — настоящее гонение на православную веру, новая эпоха в христианстве».

Далее, говоря о «живой церкви», владыка увещевал паству и предостерегал от насильственных действий. «Живая церковь» стремится отнять у православных храмы, и уже, как известно, из Москвы, где нет единения, приезжает епископ, и у нас произойдет разъединение. Новый епископ будет стараться привлечь верующих на свою сторону, и что же получится? <...> Но все же отнеситесь к нему без злобы и нетерпения. Но кто захочет вступить в группу «живая церковь», пусть подумает. «Живая церковь» несет раскол в нашу жизнь, который и нужен

врагу рода человеческого — дьяволу. Вы хорошо знаете сами своих пастырей, их служение Церкви Божией — разберитесь, хорошо подумавши, который из них служит Богу истинно православно. Вы сами должны выбирать! Я со своей стороны прошу вас не делать никакого насилия по отношению к сторонникам «живой церкви», без злобы сохранить полное спокойствие, христианскую любовь и терпение — это моя просьба и завещание». Так закончил свою проповедь архиепископ Никодим. И уже через неделю, 7 сентября, в газете «Красный Крым» появилась статья «Деяния Никодима», обвиняющая владыку в контрреволюционной пропаганде. Архиепископ обратился с жалобой в суд и подал список 25-ти свидетелей, готовых подтвердить, что ничего антиправительственного в его проповеди не было. В связи с этим главный редактор Урановский был привлечен судьей к уголовной ответственности за клевету в печати, но на официальном допросе автора статьи не назвал. На основании этого защитник архиерея Л.Я.Айзенштейн попросил приостановить дело по поводу «аренды» Александро-Невского собора и Четырехсвятской церкви, которые насильственно уже «арендовали» живоцерковники, до окончательного разрешения уголовного дела по обвинению Урановского в клевете.

На суде главный редактор «Красного Крыма» поведал, что к нему пришли деятели группы «Живая церковь» и принесли статью о проповеди архиепископа Никодима. Авторитет принесших он счел достаточным и напечатал ее в своей газете.

По ходу дела на суде выяснилось, что внимание владыки и его предупредительность в отношении живоцерковников отнюдь не были излишними. Страсти накалялись, и просьба быть терпимыми была своевременной. Накануне произошел инцидент. Двадцать человек, в основном женщины, подстрекаемые живоцерковниками, ворвались в квартиру иеромонаха Харитона и потребовали, чтобы он больше не служил в Четырехсвятской церкви при архиерейском доме, так как они уже договорились с властями, и теперь ее арендует «Живая церковь». В противном случае, если о. Харитон и второй священник этого храма о. Иов «не уберутся, то их растерзают на части».

Чтобы лучше представить стратегию большевиков по

отношению к Церкви, приведем документ, составленный партийными аналитиками того времени Б.С. Шведовым и Реденсом.

10.1 1923 г.

Секретно

Всем окружкам

Церковь упорно боролась за свое существование. После Октябрьской революции старалась сохранить в неприкосновенности свою средневековую идеологию, аппарат управления и влияние на невежественные массы населения.

Будучи одной из активных частей старого строя, церковь крайне враждебно встретила революцию и установленную ею Советскую власть, которая не нуждалась в поддержке со стороны церкви и не могла и не хотела этой поддержкой пользоваться. Октябрьский переворот еще не был завершен, как патриарх Тихон, глава православной церкви, призвал к неповиновению новой власти, анафематствовал большевиков и тех, кто их признал и им подчиняется. Этот шаг был рассчитан на духовную темноту крестьянских масс. Выступления Тихона были задатком политике церкви на ближайшие годы.

Действительно, церковь стала гнездом не только присущей пассивной, но и активной контрреволюции. Достаточно вспомнить о целом ряде крестьянских восстаний, где поп играл роль не только агитатора, но и часто организатора, о полках Иисуса Христа, состоявших почти поголовно из священников и монахов, сражавшихся на стороне Колчака, о погромных проповедях священника Востокова «о священном походе» против рабочих и крестьян.

С укреплением Соввласти, ее политическими, военными и экономическими достижениями всякие мечты о ее временности, о возможностях ее свержения постепенно рушились. Часто духовенство, особенно низшее, имевшее постоянное соприкосновение с жизнью, которая протекала в революционных условиях, пришла к выводу, что гнилой аппарат старой церкви нужно применить к условиям современности, что тот кризис, который является результатом противоречий между церковной идеологией и революционной психологией, каким-нибудь путем нужно разрешить — даже, если нужно, ценой некоторых уступок по отношению к изменившимся политическим условиям. Такова была логика незначительной, более современной части духовенства, которая видела, что социальное значение церкви сошло на нет и постепенно приблизилось к гибели.

Из этого положения современным церковникам нужно было найти

выход, нужно было обновить церковь и применить ее к условиям рабоче-крестьянской атеистической России.

Толчком к этому движению послужил декрет об изъятии церковных ценностей в пользу голодающих, который нашел враждебную встречу в официальных церковных кругах только потому, что он исходил от ненавистного церкви правительства. Патриарх Тихон издает послание, в котором указывает на неканоничность (несоответствие основным церковным правилам) изъятия и одобряет укрывательство <...>. На этой почве на многих местах изъятие привело к столкновению между церковью и соввластью, закончившемуся суровыми репрессиями в отношении церковников. Их поведение обнаружило и внутреннее противоречие церкви между христианской любовью и жадностью к церковным сокровищам.

Это внутреннее противоречие было использовано вышеуказанной частью церковников, так называемым прогрессивным духовенством, как главный аргумент доказательства того, что «церковь потеряла свой подлинный характер», что верхи ее враги голодающих только потому, что не хотят совместно помогать с государством, которое, по мнению обновленцев, осуществляет Христово учение о любви к ближнему и т.п. Отсюда обновленцы сделали второй вывод: нужно переменить вехи, создать «Церковь трудящихся» на демократических началах. Прогрессивное духовенство, возглавляемое петроградским протоиереем Введенским, митрополитом Антонином, московским протоиереем Красницким, Калиновским, Новиковым и др. повели широкую кампанию с церковной точки зрения по поводу изъятия, обвиняя противников, прятавших ценности, в измене христианскому учению.

Всероссийский Патриарх Тихон Верховным трибуналом республики был привлечен к ответственности за сопротивление декрету, и судьбу его разделили многие из архиереев. В лице их вся православная церковь была дискредитирована в рядах трудящихся. Нужно было действовать решительно, устранить церковную администрацию, не сумевшую понять дух времени, заменить ее более свежими людьми и, если возможно, создать точки дружеского соприкосновения с государственной властью.

12 мая 1922 года представители прогрессивного духовенства явились к Патриарху на основании того, что его враждебная контрреволюционная политика привела православие на край гибели, требовали отрешения его от патриаршества до созыва Всероссийского Собора, передачи всей церковной власти группе прогрессивного духовенства. Это предложение было отклонено Тихоном, который указал на то, что «явочным порядком передача церковной власти

неосуществима. Однако он отрекся от патриаршей кафедры и передал ее православному митрополиту Агафангелу, но тот, находясь под судом за сокрытие ценностей, не мог явиться в Москву. Осталась единственная возможность, на которую пришлось решиться и патриарху Тихону, — это передать власть группе прогрессивного духовенства. Немедленно после этого группа прогрессивного духовенства образовала в Москве Высшее Церковное Управление (ВЦУ) во главе с Антонином как высший орган управления российской православной церкви до Поместного Всероссийского Собора.

Первая задача ВЦУ была составить программу по духу времени и этим доказать, что «Православная церковь идет в ногу с жизнью, что она не боится даже революционных шагов», что она признает социальную революцию, не противоречащую духу христианства. Малопомалу, лучше сказать, по мере надобности эти лозунги принимали еще более радикальную окраску вроде «капитализм есть величайшее зло для христианства», «Церковь рабочих и крестьян», «Революционная церковь» и т.д. Догматическая сторона церкви первой волной не была затронута, но тем более и острее обсуждались канонические административные вопросы. Та группа, которая самым ярким и определенным образом стала на путь реформ, приняла название «Живая церковь» и не только требовала, но и начала на деле проводить такие реформы, как женатый епископат из белого, не монашествующего духовенства, второбрачие священников, отмена обязательств ношения установленной одежды священников и т.д.

Левизна группы «Живая церковь» очень скоро встретила сопротивление среди самих обновленцев. Митрополит Антонин — сам из монашествующего духовенства — восстал против такого ограничения прав монашества, против канонических реформ (второбрачие и т. д.) и со значительным числом примкнувших к нему священников образовал новую группу под названием «Возрождение», стоя на принципе сохранения монашеского института; новая группа в остальном оставалась реформистской, не менее громко проповедуя «коммунизацию церкви» на древнехристианский лад, «изгнание из нее контрреволюции и сожительства с самодержавием».

Вместо единства действий и совместной борьбы против реакционного духовенства среди обновленцев появилась внутренняя борьба, которая в июне 1922 года принимала очень резкий характер. Но потом, убедившись, что подобная внутренняя грызня на руку противнику, они все же сговорились, и «Живая церковь» сделала некоторые уступки, до решения Всероссийского Собора отказались от проведения в жизнь намеченных реформ. Президиум ВЦУ был избран в виду блока от обеих групп, но все же перевес был на стороне

«Живой церкви». Этим был создан единый фронт против тихоновщины, но дискуссии, недоразумения и ссоры не прекратились. Основная тенденция обновленцев — сохранить церковь при Соввласти путем сближения церковных и революционных принципов (что, в сущности, утопия) — дает себя чувствовать в том, что в реформаторских стремлениях все острее начинает проявляться левизна. В августе 1922 года образовалась новая группа обновленцев под названием Союз Общин Древнеапостольской церкви, которая уже заговорила о догматических реформах. Догматические реформы, как известно, касались уже самих основ церковного учения. Новая группа после некоторой борьбы тоже вошла в президиум ВЦУ. Только эти три группы существуют под настоящим обновленческим флагом, остальные, возникшие позже, как «Свободная Церковь» и другие, являются незначительными попытками реакционных церковников раздроблять обновленческое движение на мелкие течения.

Несмотря на то, что Патриарх Тихон, попав на скамью подсудимых, ушел от управления церковью, те реакционные силы духовенства, которые в обновленческом движении видят влияние реакционной идеологии, подорвавшей основы их существования, всеми силами старались предотвратить «церковную революцию», очевидно, чуя, что в этой фразе больше революционности, чем церковности, и что она неминуемо ведет к тому, что церковь окончательно перестанет существовать даже в так называемых революционных формах. Способы борьбы реакционных церковников, которые были воплощены в верхах — в митрополитах, архиепископах, архимандритах, в так называемых князьях церкви, — были различны в зависимости от того, как условия требовали.

Самым удачным средством к уклонению от признания ВЦУ являлось непризнание его каноничности (то есть церковной законности), объявление отдельных епархий автокефальными, то есть ни от кого не зависящими, в которых епископ является безграничным церковным властелином. Там, где это провести не удалось, в силу того, что епископ вместе с Тихоном попал на скамью подсудимых, он же в виду исключения сам примкнул к обновленцам, там использовались другие методы борьбы. Одним из этих способов была борьба в обновленческой шкуре против самой сути реформы. Реакционное духовенство, особенно в центральной России, стало большими партиями вливаться в группу «Возрождение» как наиболее умеренную, дабы таким путем противодействовать «революционным посягательствам головорезов из «Живой церкви», как один из священников выразился. Кроме этого, было пущено в ход всевозможное оружие реакции: ложь и клевета на обновленцев,

натравливание фанатически настроенных масс и т. д. Борьба продолжается и по сей день, хотя упорство тихоновщины уже в значительной степени сломлено. Окончательные результаты борьбы скажутся только после Собора, ибо широкие массы верующих до сих пор стояли вне событий, не примыкая к обновленцам, а часть их была даже исполнителями воли реакционеров.

Обновленческое движение в Крыму среди духовенства было гораздо более значительным, чем на севере. Здесь остались свежие традиции востоковщины (прот. Востокова, проповедовавшего священный поход против большевиков). Здесь свила себе гнездо вся русская реакция при Деникине и Врангеле. В ожидании репрессий за ярую поддержку контрреволюционных авантюр духовенство с приходом Соввласти старалось казаться вполне аполитичным, было, что называется, тише воды и ниже травы и ничем себя не проявляло.

С появлением декрета об изъятии церковных ценностей — собственно, еще до этого — один из симферопольских священников, Эндека, на столбцах местной газеты заговорит о жертвовании церковным золотом в пользу голодающих. Духовенство осталось совершенно пассивным к зову Эндеки. После издания декрета симферопольский архиепископ Никодим вместо деятельного участия в помощи голодающим ограничивался академическими рассуждениями о каноничности, формах и целях изъятия, не давая никакого распоряжения подведомственным ему благониниям об исполнении декрета, наоборот, как после было доказано, наиболее ценные церковные предметы своей домашней церкви укрывал от изъятия. Рассчитанный саботаж епископа, его тайные директивы на этот счет духовенству делали свое дело. Хроника дней до и после вышеуказанного декрета пестрит постоянными ограблениями церквей, часть коих была инспирирована (как это впоследствии выяснилось, духовными отцами). В результате изъятие ценностей из церквей по Крыму дало только половину того, что оно могло бы дать при ином поведении церковной администрации. Одновременно с этим волны обновленческого движения, докатившиеся до Крыма, нашли живой отклик. Протоиерей Эндека в газете «Красный Крым» помещал ряд статей по этому поводу и сам со всем своим приходом признал новую церковную впасть и начал агитировать за нее.

Инициатива Эндеки, не получившего архиерейского благословения, возмутила архиепископа и всех правоверных духовных лиц, которые сейчас же поняли суть нового движения.

Дабы подорвать авторитет Эндеки в глазах духовенства и влиятельных в церковных делах мирян, архиепископ 13 мая 1922 года без разрешения властей [устроил] пастырское собрание (с участием

мирян — ученых-богословов), куда был приглашен и Эндека с целью публично его допросить и схоластически-церковной диалектикой разбить его доводы. Намеченное собрание было созвано, но накрыто представителями КПУ — и все участники его преданы суду за нарушение положения об устройении соборщ.

После этого Эндека поехал в Москву в ВЦУ для связи и получения инструкций. Вернулся оттуда уже в качестве уполномоченного ВЦУ и как таковой явился к Никодиму с требованием передать епархию ему. Никодим применил упомянутый способ автокефализации и заявил, что ввиду ухода Тихона он никого не признает и епархией управлять будет сам. Имея в виду, что он сам состоит под судом и в случае осуждения обновленцы могут оказаться у власти, а с другой стороны, желая на этот случай создать для реакции новую территорию и базу в северных уездах Таврической епархии, Никодим со спешно вызванным из Топловского монастыря старым архиепископом Дмитрием при соблюдении всех мер предосторожности в первых числах августа ночью тайно рукоположил своего верного приспешника прот. Зверева во епископы и одновременно отдал распоряжение всем своим благочиниям ни в коем случае не признавать еретического ВЦУ.

Энергичное наступление архиерея устрасило тех нескольких священников, которые еще в июле месяце примкнули к Эндеке, и они вернулись к Никодиму с раскаянием.

К этому времени из северных уездов прибыли несколько священников-обновленцев, которые сейчас же приступили к агитационно-организаторской работе и вскоре образовали первое Таврическое Епархиальное Управление. С мест первым примкнуло к обновленцам севастопольское духовенство. По мере укрепления обновленческого движения укреплялась и реакция никодимовских кликуш. Наконец, Ревтрибуналом Крыма на основании имеющихся у него в производстве дел по вышеуказанным преступлениям Никодим и несколько главарей с ним были высланы до суда в Инкерманский монастырь. Но Никодим, находясь в заточении, не переставал управлять епархией, вести отчаянную агитацию против обновленцев, и это ему тем более удавалось, что обновленцы не имели своего епископа — канонического главы епархии, ибо ВЦУ, несмотря на неоднократные запросы, вело очень медленную политику, что отчасти объясняется происходившими как раз в это время трениями в самом ВЦУ.

Наконец в первых числах октября прибыл долгожданный обновленцами епископ в лице Петра Рождественского, и Таврическое Епархиальное Управление, которое за это время было переизбрано и пополнено, приняло Епархиальную канцелярию, домашнюю церковь

архиерея, свечной завод и несколько часовен в свое ведение и таким образом обеспечило себе экономический источник существования. Власть обновленцев особенно окрепла в северных уездах епархии, благодаря их энергичной агитации, с одной, и отдаленности от архиерейского гнета, с другой стороны.

5 ноября началось слушание дела православного, а вместе с тем и остального духовенства по обвинению в сокрытии ценностей и т.д. Весь месяц октябрь Эндека находился в Москве и с образованием левой группы общин древнеапостольской церкви — перешел туда и к началу процесса прибыл сюда вместе с прот. Калиновским (член этого же союза), который фигурировал на процессе в качестве эксперта. Процесс привлек внимание широких масс населения, длился до 1 декабря, когда приговором Ревтрибунала архиепископ Никодим был осужден на 8 лет, остальные главари — к различным срокам, а часть обвиняемых оправдана. Епископу Сергию была дана амнистия, после приговора обновленцы начали с ним переговоры по поводу использования его как более авторитетного епископа, но Сергей затягивал переговоры, уклонялся от определенного ответа, в ВЦУ написал письмо, в котором объявил, что скрылся из города неизвестно куда.

Никодимовские кликуши, состоящие из жен старых чиновников, полусумасшедших женщин, некоторые из «истинно русских людей» в лице бывших инженеров архиерейского двора, старых акцизных чиновников и т.д. после осуждения своего «любимого архиерея» всю свою злобу перенесли на обновленцев, в особенности на Эндеку и Калиновского, обвиняя их в том, что они являются инициаторами процесса, что они «погубили владыку, православие» и т.д.

С осуждением Никодима и официальным удалением его с архиерейской кафедры постановлением ВЦУ церковная власть перешла к обновленцам.

Но этот юридический переход власти еще не означал и фактического овладения церквями. Фанатики и кликуши не давали обновленцам служить, по церквям был целый ряд эксцессов, особенно острую форму они приняли в симферопольском соборе, где толпа избивала священников-обновленцев, велась во всех возможных формах антисоветская агитация, пока Нарком дел Крыма не закрыл собор.

Нужно отметить, что самому обновленческому движению в Крыму много вредило нетактичное поведение его руководителей, которые в своей левизне часто доходили до антирелигиозной пропаганды, чем, конечно, подрывали церковный авторитет реформаторов. В настоящее время Эндека и Калиновский уехали в Москву и, по всей вероятности, перестанут быть церковниками.

Положение дел в данное время такое, что борьбу нельзя считать еще законченной. Центр движения, Симферополь, уже преодолел наибольшие трудности. Здесь предстоит лишь борьба с небольшим ядром верующих, которые все еще держатся за старые формы церкви как за единственный остаток былых времен. То же можно сказать и о Севастополе. Но в Севастополе образовывается южнобережное епархиальное управление со своим епископом-викарием, и там зарождается новая епархия. Ялтинское духовенство признало ВЦУ без всякой длительной борьбы. В Керчи недавно создана ячейка обновленцев. В Феодосии движение только началось, но, по-видимому, феодосийский благочинный сам будет руководить движением. Реакционные силы Феодосии изолированы. В Евпатории в этой области еще ничего не сделано. Еще недавно там все духовенство усердно молилось за «пленного архиепископа Никодима».

Из всего вышеизложенного видно, что революция поставила церковь в тупик, откуда нет выхода. Разложение и смерть когда-то могучей церкви началось, и вся социальная ценность обновленческого движения заключается в том, чтобы предсмертная ее агония прошла для нас безболезненно, чтобы она и этот последний период своей жизни перестала быть контрреволюционным гнездом и умерла естественной смертью отживших людей, оставляя яркое доказательство того, что она была необходима только как фактор духовного порабощения угнетенных масс.

Будущему обществу никакая церковь уже не нужна, но в данный момент, когда церковь начала разлагаться, мы должны ускорить этот процесс, используя для этой цели обновленческое движение. Это начинание, несмотря на мечты самих деятелей сохранить церковь в любой форме, ведет к постепенному разложению ее.

История короткого существования этого движения показала, что раскол все более углубляется, под личиной обновленцев появляются все более левые и левые течения, вследствие чего нарастает разочарование широких масс в религиозных верованиях вообще. Наша работа должна сводиться к негласной поддержке обновленцев в своей борьбе против реакционного духовенства путем передачи под законными предлогами в их ведение храмов, часовен и источников церковных доходов, подрывая этим экономическую основу существования черносотенного духовенства. Облегчить обновленцам передвижение с агитационной целью и связь с Симферополем. Предлагать им на все могущие возникнуть обращения, вопросы, просьбы, обращаться в свою высшую инстанцию «Таврическое Епархиальное Управление» в Симферополе. Стараться, чтобы

обновленцы на своих собраниях, съездах, конференциях выносили постановления о признании соввласти, о безусловной лояльности к ней и т.д. Разрешать им всякого рода лекции, диспуты, собрания на церковно-обновленческие темы, не упускать из виду, что под формой «Обновления» могут работать и реакционные элементы, особенно на платформе «Возрождения», а посему, кроме группы «Живая церковь» и союза общин древнеапостольской церкви, никаких других группировок не допускать. Свои действия необходимо координировать с действиями органов КПУ на местах, которые имеют подробные инструкции и план данной работы.

Когда же обновленчество в достаточной мере вытеснит остатки тихоновщины, тогда необходимо будет работу повести дальше, создавая и поддерживая все более и более левые течения среди обновленцев, и таким путем углубить раскол. В углублении раскола можно и надо использовать разных сектантов, но необходимо иметь в виду, что заметное укрепление сектантского движения даже за счет православия не является для нас желательным результатом.

Открытая тактическая линия наша остается прежней: вести борьбу с религиозными суевериями, отметить в сторону всякие разговоры о связи соввласти с обновленческим движением, использовать все средства для дискредитации тихоновщины и временно щадить обновленцев. Когда же старые церковники будут побеждены, наступит момент ударить и по их преемникам — обновленцам.

1 декабря 1922 года слушание дела по обвинению архиепископа Никодима и других священников епархии было окончено. Надо отметить, что изъятие ценностей было произведено во всех конфессиях, кроме мусульман. На процессе вместе с православными фигурировали обвиняемые из католических, лютеранских и армяно-григорианских храмов. Были изъяты ценности из синагог и кенасс. Основания были предъявлены те же, что и православным.

Архиепископ Никодим был приговорен к 8 годам лишения свободы по статьям 86, п.1 и 219 и отправлен в Нижегородскую тюрьму. Уклончивому архиепископу Димитрию удалось избежать заключения. О его политической пластичности свидетельствуют следующие письма.

«Гражданину Председателю Совета Народных Комиссаров
Крыма

Заявление

11 апр. с/г я был арестован в с. Топлах, где проживал я в качестве иждивенца — члена Топловской Трудовой артели, и отвезен в г. Феодосию в арестный дом, откуда 17 апр. меня перевезли в г. Симферополь и сдали местной милиции, последняя в тот же день поздно вечером перевезла меня в КПУ, а оттуда 20 апр[еля] препровожден я в больницу ЦИДа, в коей нахожусь и по днесь. При аресте моем в Топлах был произведен у меня тщательный обыск и взята у меня была вся переписка. Ни при аресте, ни после него не было мне объявлено, за что я арестован и в чем я обвиняюсь. Я до сентября 1921 г. был Епархиальным архиереем Таврической епархии и занимал названную должность с 1912 г. и таким образом живу в Крыму 11 лет. Два года тому назад я окончательно заболел; было у меня кровоизлияние — и я лишился зрения в правом глазе. Надвинулась болезненная старость; особенно давали себя чувствовать мои обычные недуги: геморрой, грыжа, атония кишок, склероз. Я потерял трудоспособность и вынужден был отказаться от всякой работы. Не имея решительно никаких средств и возможности выехать из пределов Крыма (я был принят в Киево-Печерскую Лавру, но с отоплением и содержанием на мой счет), я нашел себе убежище в Топловской трудовой артели, оказавшейся милосерднее Лавры. Артель приняла меня, больного старика, на полное свое иждивение. С 22 мая 1921 г. я жил в Топлах, отказавшись от всякой церковно-общественной деятельности. На свое несчастье, в июле 1922 г. я приехал на один день из Топлов в г. Симферополь и принял участие в рукоположении епископа Мелитопольского Сергия. Этот мой приезд оказался для меня роковым. Я был привлечен к ответственности за участие в нелегальном собрании, подвергся суду в ноябре 1922 г., был осужден, приговорен к годичному сроку принудительных работ, но был амнистирован и освобожден от наказания. На другой же день по объявлении мне приговора суда я выехал в Топлы, желая этим засвидетельствовать пред всеми, что я не принимаю и не приму никакого — ни активного, ни пассивного участия в местной церковно-общественной деятельности; и действительно, проживая в Топлах, я знал только свое помещение и церковь,

куда я ходил помолиться, всячески избегая встречаться с кем бы то ни было.

Гражданин Председатель, окажите мне, больному старику, снисхождение, отпустите меня на свободу, верните меня, немощного, в Топлы, где бы я спокойно встретил смерть. Гражданин Председатель, не намерен я оправдываться, скажу лишь кратко, что в настоящее время я представляю из себя «ничто» — и пи в каком отношении не могу быть вредным для государственного организма. Сознаю я вполне ясно, что я стал лишним человеком, лишним грузом для общества, что я дармоед, но что я могу сделать с собою? Я очень и искренно хочу умереть, но не умираю! Вот в этом моя вина!.. Я умирающий, разбитый преждевременной старостью человек и лгать не стану ни пред вами, ни пред другими. Я признаю советское правительство законной властью моего Отечества России и подчиняюсь ей и ни словом, ни делом не намерен создавать каких бы то ни было препятствий для власти, признаю и подчиняюсь ей не за страх, а за совесть. В прошлом моем, несомненно, найдется немало поводов к обвинению моему, но в настоящее время, со дня вступления Советской власти в Крым, смею смело заявить, что за собой не знаю и не признаю никаких проступков пред Советской властью. что, если бы я заранее знал, что приезд мой в июле

1922 г. мог быть не одобрен властью гражданской, я ни за что не стал бы принимать участие в рукоположении, не стал бы выезжать из своего пристанища.

Гражданин Председатель! Обратите внимание на меня — хилого, беспомощного! Может ли быть речь о моей контрреволюционной деятельности?! Я не был таковым и не желаю иметь это позорное прозвище. Я хочу лишь умереть, есть у меня пристанище — и прошу Вас вернуть меня туда. Если же вопреки моему самочувствию в том, что я не могу быть ни в каком отношении ни вредным, ни полезным деятелем, будет найдено нужным выслать меня как вредного члена общества из пределов Крыма, то прошу Вас, гражд. Председатель, вышлите меня куда-либо на юг России. Я сам грузин, всю жизнь провел на юге России, на севере никогда не жил, поэтому могу ли я теперь, когда я стал совершенно бесполезным, беспомощным, жить там?.. Дайте возможность мне умереть зрячим. Один глаз

потерян. Месяц тому назад я на несколько дней лишился речи, не мог писать, т.е. у меня была афазия. Холод, непривычный для меня север, вне всякого сомнения, вновь вызовет удар — и я еще больше стану тяготить общество, ведь подобные мне калеки живут целые годы. Все это побуждает меня беспокоить вас, гражданин Председатель, и просить о снисхождении к моей старческой немощи.

Архиепископ Димитрий

г. Симферополь
ЦИД. 1923 г. 3 мая
В Народный комиссариат
Внутренних Дел Крыма

Арестованных в ЦИД
духовенства и мирян
4/У-1923 г.

Заявление

Еще в 1918 г. прозвучал великий акт Революции — «Декрет об отделении Церкви от государства». Возвещена была власть народа, свобода совести, и, к нашей общей радости, были сняты с Церкви и служителей Церкви компрометирующие их полицейские обязанности и зависимость. Ярko загорелась для нас всех перспектива чистого и всезахватывающего нас служения народу и Истине.

Связанные с народом, мы и раньше переносили его невзгоды и горести, а в годину тяжелого испытания — голода — мы всеми силами, голодая сами, делили с пасомыми последнее.

Красною нитью через истекший год прошел ряд церковных процессов, но, наконец, потрясения нашей Церкви успокоились, и мы как граждане Советской республики, считаясь и уважая законоположения последней, считали и себя не пасынками ее. Но в настоящее время умиротворение нарушено — мы лишены прав граждан и, вопреки революционной законности, в особом порядке изъяты от семьи, дела и лишены самого высшего завоевания революции — свободы. Нет и не может быть причин нарушения свободы совести; мы, не нарушив законов, невинно обречены на тяжелое наказание - арест и заключение, а впереди якобы предстоит применение 46-й ст. Уголовного кодекса — наша высылка.

Нет, не хочется верить, что пролетарская законодательная власть отвернется от нас, и мы будем вне ее защиты! Вот почему мы обращаемся в Народный Комиссариат Внутренних Дел Крыма с убедительнейшей просьбой снять с нас тяжелое наказание и возвратить нас к своим семьям и жилищам.

Радостно прозвучал по всей стране призыв Советской власти объединиться всем в день праздника 1-го Мая, объединяющего всех трудящихся, и мы верим, что Советская власть откроет темницы и даст свободу и прощение заключенным, вернув их к общей радости строительства Родины. Наш призыв к власти должен быть услышан ею, и мы верим в удовлетворение настоящего нашего ходатайства.

Протоиерей Димитрий Игнатенко

Протоиерей Евгений Эндека

Протоиерей Владимир Поляков

Священник Димитрий Полежаев

Священник Иван Зинченко

Протоиерей Трофим Хоменко

Н.Чернетенко, С.А.Кожемякин

Архиепископ Димитрий Абашидзе».

Настойчивые обращения не подействовали на большевиков, и владыка уже через несколько дней был вынужден написать следующее обращение.

«В НКВД Крыма

Архиепископа Димитрия

Заявление

Вчера вечером, 14 мая, предложено было мне официально указать город для своего постоянного жительства вне пределов Крыма. Местом жительства своего мною указан г. Киев. Не смея беспокоить НКВД Крыма своими заявлениями и уверением в совершенной моей невинности пред государственную власть, я покорнейше прошу Крымскую гражданскую власть оказать мне последний раз в моей земной жизни следующую милость. Я два года безвыездно жил в Топлах, иждивенцем Топловской трудовой артели, где и был арестован 11 апр. с/г и увезен оттуда с небольшим количеством багажа, поэтому все мои вещи остались там.

Сейчас, покидая навсегда Крым, мне необходимо самому съездить в Топлы, собраться и выехать обратно в Симферополь.

Сделать все это в данный мне семидневный срок я не в состоянии, а вследствие этого прошу позволить мне оставаться на территории Крыма в продолжении трех недель и дать разрешение на бесплатный провоз багажа не более пяти пудов.

Архиепископ Димитрий

1923 г. 15 мая

ЦИД Симферополь».

По дороге в тюрьму владыка Никодим заболел тифом и оказался в тюремной больнице. Но Господь сохранил святителя для будущих трудов.

До нас дошло письмо владыки к неизвестному протоиерею Мелитополя.

«Досточтимый о. протоиерей!

Проезжая через Мелитополь, я вспомнил, как несколько месяцев тому назад был у Вас и пользовался Вашим гостеприимством, молился в Вашем храме. Тогда скорби были, а ныне их у меня еще больше. Я осужден на восемь лет тюремного заключения, около 2-х месяцев сидел в симферопольской тюрьме. Теперь меня высылают из Крыма в нижегородскую тюрьму. Вместе со мною едут туда же

о. Н.Мезенцев, о. Н.Казанский, о. К.Молчанов и Е.В.Сальков. О суде нашем Вы, вероятно, слышали, кратко скажу, что прокурор в заключении своей речи сказал: если бы храмы были пусты, мы просили бы оправдать обвиняемых, но так как храмы полны богомольцами, то мы просим осудить обвиняемых. Просим Вас при расставании с Таврией оповестить духовенство и мирян о нашей участи, усугубить свои молитвы о нас; просим Вас твердо держаться православия вместе с мирянами.

Божие благословение посылает Вам, семье Вашей и пастве
Архиепископ Никодим.

10/23. 1.1923 г.»

Заключение длилось недолго. Уже в начале сентября

1923 года владыка и священники были отпущены по амнистии. До Москвы ехали вместе. В столице архиепископ Никодим решил задержаться, чтобы лучше познакомиться с положением церковных дел, в то время как союзники владыки отправились в Крым. По приглашению Святейшего Патриарха Тихона архиепископ Никодим принял активное участие в работе

Синода.

Находясь в Москве, владыка писал своим близким в Крымскую епархию.

«Ваше Высокопреподобие досточтимая матушка игумения!

Податель сего обещает лично быть у Вас, посему я решил написать Вам с ним. Живу я еще в Москве, ожидаю более благоприятного момента, ибо слышу, что на местах не вполне благополучно. Здесь собралось до 50 епископов, высланных с мест, вышедших из тюрем, вновь поставленных и опасующихся выезжать из-за репрессий. Высылки все не прекращаются. Такая обстановка побуждает и меня выжидать. Тяжело это, но делать нечего. Подвергать себя новым репрессиям не хотелось бы, и пользы от этого никакой нет. Меня зачислили в Синод при Св. Патриархе, по прежнему это большая честь, а ныне это может сопровождаться неприятностями, посему я неохотно принимаю на себя это звание и при первой возможности откажусь.

О.Дамаскин возведен в епископа г. Глухова Чернигов, губ. Отпустить пришлось его, ибо у нас положение его небезопасно, а там, быть может, и дадут ему поработать; хотя отпускал я его с сожалением, ибо очень деятельный человек. Радуюсь я, что Вы поправились от болезни. Слава Богу; приятно, что обитель Ваша цела и невредима; да хранит ее Господь и Матерь Божия и впредь, равно и вас всех. Письмо Ваше я получил. Подробности о моей жизни передаст Вам податель сего, равно и о церковной жизни здешней. Думаю, что Вы лучше знаете, как существуют другие обители наши, я рад бы был узнать что-нибудь о них, особенно о Космо-Дамиановской; правда ли, что около Вас Кизилташский мужской монастырь уничтожен совсем? Прошу передать мой привет матушке Сергии и прочим сестрам обители. Как здоровье матушки Сергии? Будьте здоровы и благополучны, да хранит Вас Господь. Божие благословение посылает Вам *Архиепископ Никодим* и просит Ваших молитв.

11/24. XI. 1923 г.

Досточтимый о. Ефрем!

Меня очень интересует положение дел в Вашем Петро-Павловском приходе. Я слышал, что о. Архимандрит опять находится в тюрьме, та же участь постигла и Марью Ал., и других членов прих[одского] совета. Очень печально это; как

отражается заключение на их здоровье? Чем вызвано это заключение, за что такая напасть постигла их? Очень жаль заключенных! Спаси их Господи за их подвиги, страдание, за веру и Церковь Христову. Как Вы живете без о. Архимандрита? Слышно было сюда, что у вас среди братии не было ладу, что вы действовали не единодушно. Вот эти разногласия и распри губят нас. Этим пользуются «живые», особенно, если кто-н[ибудь] из наших к ним склоняется, того они ласкают, а храм забирают в свои руки, сажая в тюрьмы не признающих их. Первое условие в настоящее тяжелое время — это мир и согласие в нашей среде, единодушная работа. Если кому придется и пострадать, другие без него будут действовать в том же духе. Вы все должны действия свои согласовывать. О.Архим[андрит] как старший должен руководить другими и все д[олжны] подчиняться ему. Но и он должен советоваться с другими. Ничего, что среди вас одни более даровиты, другие менее, каждый трудись по мере своих дарований. Кому больше дано, тот должен и трудиться больше, не превозносясь пред другими.

Прошу вас ради Господа, действуйте единодушно, в мире и согласии между собою, и Господь сохранит Вас.

О. Архимандрит старше всех, но страдает больше всех за дело Христово, спаси его Господи.

Прошу передать мой привет и благословение всей братии вашей и прихожанам. Как держит себя севастопольское духовенство? У вас появился красный епископ, и отцы соборяне признали его и стали «живцами» для сохранения себя, за это<...> получают.

Горе наше! Слышал, что и Жора Ваш служит красному епископу. Жаль. При случае напишите. Будьте здоровы и благополучны. А[рхиепископ] Н[икодим].

14/27. XI. 1923 г.

Получил Ваше письмо, глубокоуважаемая Вера Георгиевна, весьма благодарен Вам, что вспомнили о моих именинах, и получил письмо к дню Ангела, т[аким] о[бразом] знал, что есть душа христианская в Крыму, которая молится о мне в этот день. Спасибо Вам за это. Получил я приветствия из Киева от родных и знакомых, известных Вам, а вчера я был очень обрадован

письмом от своего двоюродного брата, священника Костромской г[убернии]. Я не получал от него писем более года, думал, что он уже умер, но вот он оказался здравствующим. Он молодой овдовел, к нему я ездил на каникулы из Академии, и он меня навещал везде, где я служил в мирное время; мы с ним были очень близки. Так что весточка от него была для меня очень радостна. Он живет с сестрой, вдовой св[ященни]ка, оба уже старики. Может быть, и съезжу к ним, еще не решил. Свои именины я правил и по новому стилю, и по старому. Новый стиль был введен на Капельках; я там и отслужил один, как св[ященни]к, это было в будний день. А по ст[арому] ст[илю] служил в Даниловом монастыре, где настоятельством земляк мой архиепископ Феодор, уже по-настоящему. Там штат братии большой, архиерейские служения часто бывают и в будние дни. Там живет постоянно и о. Дамаскин, ныне уже епископ Глуховский, викарий Черниговской епархии. Хиротония его была в прошлое воскресенье в Донском монастыре, совершал ее Св. Патриарх, участвовал и я. Мне жаль было отпускать его от себя, такого живого и деятельного чел[ове]ка, но и задерживать неудобно, раз ему предоставляют более широкое поле деятельности. Он помалорусски говорит, там его не знают, может быть, там и удастся ему поработать. Я живу пока по-старому. Новое есть то, что меня избрали членом Синода. По прежнему это большая честь, но ныне наоборот <...>. К Св. Патриарху относятся по-прежнему ведь нехорошо. Он было выпустил послание о введении в Церкви нового стиля, но его засыпали просьбами разрешить служение в храмах по старому; к тому же, получилось известие, что восточ[ные] патриархи остаются при старом стиле. Посему Святейший приостановил введение нового стиля.

Как вы здравствуете и как здорова семья? Дай Бог, чтобы все было благополучно. Где служит А.И. и хорошо ли? Знаю, получил от него письмо. Уж очень теперь дорога жизнь. Вам с семьей нужны большие средства. На Вас лежит тяжелая ответственность умелым ведением домашнего хозяйства облегчать его труды. Помогите Вам Господи в этом. Труды и заботы для семьи — это святая обязанность хозяйки дома, так что этим, между прочим, Вы достигаете своего спасения; что Вы читаете теперь? Несогласия среди верующих ужасно меня

огорчают. Если слышите, что к Вам относятся враждебно другие, по заповеди Господней, молитесь за своих врагов и не питайте к ним злобы. Больше этого ничего не могу посоветовать.

О. Ив. написал, что мои вещи он оставил у известных Вам лип. Мне нужно бы рясу плюшевую, пару или две белья, носки и портянки, перчатки, шапку афонскую. Если можно, пришлите с кем-нибудь, но не почтой, может пропасть.

Был здесь Н.М.С-м. Вы, очевидно, не знали об его поездке, с ним можно бы послать. Гера может переслать, я думаю, поговорите с ним. У м. Магдалины (Пензенское подворье) тоже ездит какой-то знакомый или родственник, может быть, через него можно будет переслать. Если через них нельзя будет и Вы никого не найдете, может быть, мне удастся найти такого человека, я напишу Вам. По поводу враждебных отношений можно сказать и то, что ведь и Господь Спаситель, несмотря на Свою святость, не мог избежать врагов. Ученик Его Иуда явился предателем, книжники и фарисеи как ненавидели и клеветали на Него. Значит, испытывать враждебные отношения от других неизбежно на земле, без этого нельзя прожить. Так и нужно смотреть на это как на неизбежное что-то. Но наш долг при этом не увеличивать неприязни, а стараться прекращать ее всеми мерами. Стремитесь и Вы к этому, и Господь поможет Вам победить неприязненные отношения. Конечно, без боли душевной это не обойдется, что делать! В молитве и чтении полезном Вы найдете успокоение и от этого, а равно и в труде. Карточка у меня. Сейчас заходил Дьяковский, где-то живет здесь временно, пошел к Татьяне Ал-не; поговорили с ним о прежней жизни; у него отец живет недалеко от Киева; он зовет меня туда. Может быть, и соберемся, если нельзя будет ехать на свое место скоро. Мне теперь приходится искать для себя облачение, а между тем свое лежит. Есть ли в С[имферопо]ле какое-нибудь архиерейское облачение? Вероятно, «живые» забрали все. Приедешь, пожалуй, и служить будет не в чем. Служу я по преимуществу на Капельках, стесняю очень о. А-ра; но спасибо, они привечают, хорошие люди. Написал брату, чтобы прислал им что-нибудь, я уже больше месяца живу у них. Я вспомнил, что у брата я оставил рясу плюшевую новую, теперь я прошу его прислать ее мне, но не знаю, цела ли она,

не пропала ли. Так что, пожалуй, Вы пока не высылайте, у Вас ряса моя очень ветхая. Вместо нее лучше пришлите валяные сапоги. Если же брат не вышет, тогда буду просить Вас выслать. Вчера пр. Д-н хотел выехать, но билета ж.д. •не получил, думает выехать в четверг. Получил письмо от Ал. Ив. сегодня. Слава Богу, что он получил место, только жаль, что в Севастополе], а не в Симферополе], на два дома труднее жить. Прошу передать ему привет и детям. Будьте здоровы и благополучны. Божие благословение посылает Вам *Ар[хиепископ] Никодим.*

14/27. XI. 1923.

Глубокоуважаемая Надежда Михайловна!

Получил Ваше письмо, спасибо за память; двух Ваших писем прежних не получал, не знаю, где они затерялись. Очень рад, что Вы здравствуете; трудитесь, конечно, много по-прежнему с уроками. Помогай Вам Бог. Давно ли Вы были в Инкерманском монастыре; правда ли, что монашествующие присоединились к Жив[ой] церкви? Если правда, больно слышать о сем. Всюду в церк[овной] жизни приходится слышать о разделении и о преследовании живоцерковцами не присоединившихся к ним. Я на свободе с 7-го сентября по ст[арому] ст[илию], но вот сижу теперь в Москве, опасаюсь вернуться в свой город их же; сижу здесь без дела; скучаю и тягочусь своим положением. Здесь теперь живет до 50 епископов из разных городов, они опасаются ехать на места. Вот какое время настало на святой когда-то Руси. Был я вчера у Св. Патриарха, он здравствует, в прошлое воскресенье служил с ним в Донском монастыре. Он написал послание о переходе на новый стиль, и в Москве уже начали его вводить. Но получились сведения о том, что прочие православные патриархи остаются при старом стиле, посему и наш Патриарх вернулся к старому, введение нового стиля приостановлено. Как у Вас в Севастополе служба в храмах отправляется — по новому или по старому стилю? Слышу, что аресты верующих еще есть у вас. Как это больно слышать! Арестовывают даже женщин. А в Москве сидят в тюрьме еще и епископы да и в ссылке немало находится. Так что гонение продолжается. Я адреса Вашего не знаю, посылаю с оказией на имя о. Иоанна, он Вам передаст. Погода здесь очень

испортилась, дождь идет и грязно, у Вас, думаю, теплее и яснее, хорошо бы перебраться к вам.

С удовольствием вспоминаю прошлогоднее пребывание в Инкермане. Будьте здоровы и благополучны. Божие благословение посылает Вам Ар[хиепископ] Н[икодим].

Получив и последнее Ваше письмо через М.Н., написал о Ефр. осторожно, какое впечатление произведет на него?

Сердечно благодарю, дорогой о. Иоанн, за приветствие и добрые пожелания, получил Ваше письмо и с приложением. Очень обеспокоило оно меня тем, что у Вас не все благополучно, что и о. Ар[химандри]т и другие члены общины не на свободе, да и над Вами собираются тучи. Сохрани Вас Господи от всяких неприятностей. Всех ли прочих батюшек освободили? В моих добрых отношениях к о. Архимандриту и юным помощникам Вашим не сомневайтесь, что можно, всегда сделаю; убеждайте только их, чтобы твердо стояли на своем пути и стремились к лучшему. К сожалению, я здесь засел надолго, хочется поскорее выбраться, но обстоятельства задерживают; они те же, что были и прежде. Податель сего объяснит Вам их подробнее. В прошлое Воскресенье я служил с Св. Патриархом в Донском, была хиротония Архим. Дамаскина во епископа Глуховского, викария Черниговского. Святейший здравствует. Меня назначили членом Синода. Ждем, что положение наше улучшится, но пока этого нет. Вот это и задерживает меня здесь. Хотелось бы мне получить кое-что из одежды; жалею, что всю отослал ее. Нужно бы пары две белья, носки и портянки, теплую рубашку хоть одну и хотя бы плюшевую рясу. Пишу об этом и В.Г., если у нее находится моя одежда. Не лишними были бы и валяные сапоги. Хорошо было бы прислать мне эти вещи с надежным человеком. Очень жаль, что приходится хлопотать о сем. О стиле я написал Надежде Мих[айлов]ие, если удастся достать послание Святейшего, пришлю Вам его. Я живу на прежнем месте, пишите по тому же адресу, можно и по другому: Сивцев Вражек, дом № 12, кв. 12. Екатерине Николаевне Фокиной. У нас еще тепло, но грязно очень, дожди идут. Вы не написали мне своего адреса, то же и Н.М., ее адрес лучше бы сообщить. Передайте мой привет братии Вашей и прихожанам и сами будьте здоровы и благополучны. Божие благословение посылает Вам Ар[хиепископ]

Н[икодим].

Глубокоуважаемая Елизавета Ефимовна!

Получил Ваше скорбное письмо, очень огорчен тяжелым положением о. Димитрия и в особенности угрожающей ему высылкой. Я готов сделать все, что возможно. Послал письмо Ваше к одному <...> поверенному для ознакомления, он имеет кое-какие знакомства, надеюсь, он укажет нам, что можно сделать для облегчения их участи. В понедельник я получу ответ и все напишу Вам, что нужно сделать. А пока я посоветовал бы Вам действовать в Харькове, Крым ведь находится в тесной связи и, кажется, зависимости от этого города, в особенности Мелитополь и Екатеринослав. Там, мне кажется, и нужно ходатайствовать о заключенных. Была здесь дочка владыки Сергия, хлопотала, но уехала пи с чем. Ялтинских батюшек, по слухам, удалось избавить от высылки, хлопотали о них здесь. Бог милостив, освободятся и Ваши; молитесь крепко Ему. Письмо думаю послать Вам с оказией: это более верный путь. Насильственные действия в отношении к о. Димитрию и другим совершенно невинным людям заставляют и нас выжидать и не спешить ехать в Крым, ибо это значило бы подвергать себя напрасным страданиям, а равно и верующих. Посему пусть не сетуют, что я не спешу. Получил такие сведения: пришлите сюда заявление на имя председателя ВЦИК М.И.Калинина, в нем изложите обстоятельства дела, корректно и без тона жалобы на местную власть, пишите от своего имени как жены и пришлите через кого-н[ибудь] сюда или на мое имя, или на имя своего брата, я вспомнил, что он у Вас здесь, о. Н.Мезенцев ходил, помнится, к нему. Если пошлете брату, пусть он, подавая, сообщит мне; я кое-кого попрошу. Если на мое имя пошлете, я передам через миссионера, который подавал уже прошение о мне. Присылайте прошение и о Преосв. Сергии, и о протодиаконе от их родных. Будем ходатайствовать о всех, авось, Господь поможет. Здесь зима настает, снег падает, да уже и время. Будьте здоровы и благополучны, передайте привет верующим. Божие благословение посылает Вам *Архиепископ*] Н *[икодим].*

По прошествии некоторого времени, желая вернуться на свою кафедру, владыка наткнулся на запрет всесильного Е.А.Тучкова. Как выяснилось, органы внимательно следили за деятельностью архиерея, и уже к началу 1924 года он оказался под полным контролем спецслужб. 14 января 1924 года архиепископа Никодима арестовали и поместили в Бутырскую тюрьму. К тому времени владыке было 55 лет. Годы страданий и недавно перенесенный тиф подорвали его здоровье. Тюремный врач записал 31 января в своей карточке: «Боли в сердце, геморрой и слабость в ногах после тифа».

Не выпущенный Тучковым из Москвы архиепископ Никодим руководил своей крымской паствой не только через письма. К нему постоянно приезжали курьеры выяснить те или иные вопросы и получить благословение на конкретные действия. По оперативным данным ГПУ, архиепископ Никодим продолжал из Москвы руководить движением священства и мирян, направленным против засилия обновленцев, которые в своей наглости доходили до рукоприкладства. В одном из своих писем о. Константин Молчанов рассказывал, как во время богослужения его ударил обновленческий диакон.

Новое «дело» владыки возникло на основании приведенных перехваченных писем «реакционным элементом, как-то: игумении монастыря, священникам и т.д., в кото

рых он, Кротков, распространяет провокационные слухи о гонениях духовенства и религии советской властью, называл заключенных церковников и высланных за контрреволюцию страдальцами за веру и Церковь Христову». Далее говорилось: «Кротков регулярно распространял также слухи о связи Живой церкви с ГПУ. Опрошенный на дознании гр. Кротков в инкриминируемом ему обвинении по 73 ст. УК виновным себя не признал, причем добавил, что он писал указанным выше лицам только о церковных делах.

Принимая во внимание все вышеизложенное, а также то, что гр. Кротков является социально опасным элементом, полагаю: его подвергнуть административной высылке в Туркестан на два года. Дело представить на утверждение комиссии НКВД по административным высылкам, следствие

прекратить и сдать в архив VI отд. СО ОГПУ.

18 февраля 1924 г.»

Агентурных данных и перехваченных писем оказалось достаточно для того, чтобы сотрудница VI отдела ОГПУ Якимова, ведущая дело архиепископа, пришла к выводу о виновности подследственного.

28 марта 1924 года суд постановил: архиепископа Никодима Кроткова как социально опасного, «считаясь с его болезненным состоянием», подвергнуть высылке в Туркестанский край на два года.

Срок ссылки закончился 13 марта 1926 года. В Москву владыка добирался мучительно долго и, прибыв только 26 июня, поселился на частной квартире. Его приглашали на различные приходы послужить и произнести проповедь, и владыка использовал каждую возможность говорить о Христе и Его Церкви духовно угнетаемому народу, за что в скором времени и последовал очередной арест. 14 июля 1926 года нагрянули сотрудники ОГПУ, и после обыска архиепископ был арестован и препровожден в Бутырскую тюрьму.

Духовная дочь владыки Екатерина Иосифовна Гаврилова начала хлопоты о его освобождении. Ей порекомендовали обратиться в общественную организацию «Осведомление и экспертиза по делам религиозных течений» к Владимиру Григорьевичу Черткову, и она отправила ему письмо.

«Просьба

о Николае Васильевиче Кроткове, архиепископе Таврическом Никодиме.

Н.В.Кротков, 57 лет, в 1922 году был выслан из Симферополя в Инкерманский монастырь, затем около года просидел в Нижегородской тюрьме и 2 года пробыл в ссылке в Красноводске, в Туркестане.

13 марта 1926 года он отбыл все сроки наказания и в июне приехал в Москву совершенно разбитым, больным стариком. Прогрессируют все болезни, большие проблемы с ногами.

В данный момент он снова арестован и ему грозит высылка. Если невозможно его оставить в Москве, прошу выслать в Саров. Если и этого нельзя, — в один из южных городов СССР, считаясь с его желанием.

Причем, прошу предоставить ему право свободного проезда за свой счет, но только не в арестантском вагоне, чего старик уже четвертый раз не выдержит.

Е. И. Гавршова».

Чертков живо откликнулся на ходатайство и, приняв сердечное участие в судьбе гонимого святителя, обратился с личной просьбой к чиновнику ОГПУ Реброву, от которого зависело принятие решения. Владимир Григорьевич писал:

«Многоуважаемый Петр Германович!

Прилагаемую просьбу меня просили доставить Вам лично, отказать в чем я не считаю себя нравственно вправе.

Подписавшаяся под просьбой Гаврилова — одна из искренних почитательниц того жестоко преследуемого за свои религиозные убеждения старика, о котором она пишет.

Искренне уважающий Вас

В. Чертков

Между тем, допросы, начавшиеся сразу же после ареста, шли полным ходом. Пытаясь сконструировать сколько-нибудь убедительное обвинение, следователь интересовался всякими подробностями: с кем владыка встречался, где служил и о чем проповедовал. Не видя в этом ничего предосудительного, подследственный рассказал, что по приглашению архимандрита Стефана 27 июня и 4 июля совершал литургию в Даниловом монастыре, 11 июля — в Кожевниках (у Троицы) и, кроме того, еще служил два раза по будням в том же Даниловом монастыре. Следователь расспрашивал владыку и выяснил, о чем он говорил на проповедях: «В первое воскресенье — о сошествии Святого Духа на апостолов, а в следующее воскресенье также говорил на тему праздника о всех святых и через неделю, соответственно, — о всех русских святых».

Следователь заинтересовался:

— Почему необходимо выделять «всех русских святых» в особую группу, уже после празднования памяти всех сразу?

И владыка объяснил:

— Это делается по постановлению Собора 1917—1918 гг. Я считаю, что празднование выделено ввиду множества русских святых как момент национального сознания. Проповедь моя была в последнем случае тоже на тему праздника. После 4 июля

я служил в будни, или, вернее, в местные праздники. Говорил проповедь в честь празднования иконы Владимирской Божией Матери, во втором случае тоже на тему праздника. Последнее воскресенье

11 июля (в Кожевниках, у Троицы) говорил проповедь о св. Кире и Иоанне.

Но следователя более всего заинтересовала проповедь о русских святых, сказанная в Даниловом монастыре, о чем он попросил рассказать подробнее.

— Проповедь моя в этот день, как и обычно, касалась праздника, то есть именно русских святых. Говорил я, руководствуясь составленным на Поместном Русском Соборе канонем. Как я уже говорил, этот же Собор установил и само празднование, а вернее, восстановил. Мысль моя была такова: я перечислил всех наиболее известных (чтимых) русских святых. Упомянув представителей всех сословий — князей, бояр и т. д., говорил об Ольге и Владимире, о князьях Новгородских и благоверном князе Александре Невском и Данииле, Московском князе, а также о Довмонте, князе Псковском, Михаиле, князе Тверском, и святых из духовенства, о святителях Петре, Алексее, Ионе, Филиппе, о преподобном Сергии и преподобных Германе, Зосиме и Саввати. Говорил также о св. Патриархе Гермогене и о святых из других сословий, например, о Симеоне Верхотурском (портном), о Виленских мучениках за веру Антонии, Евстафии и Иоанне. Говорил и о других, сейчас не припомню, о ком. Я указал, что все эти святые в равной степени постигли Евангельские добродетели, вернее, старались их точно выполнить. Равным образом указал, что всем перечисленным святым была присуща любовь к своей Родине, и они так или иначе способствовали укреплению и развитию мощи державы Российской, каждый по своим возможностям: князья в заботах об устройении, святители — в помощи им и так далее. Давал ли характеристики отдельным лицам, не помню; если давал, то одним словом. Затем следовало заключение с призывом всем подражать во всем русским святым, в добродетелях их, включая сюда и любовь к Родине.

Далее следователь попросил рассказать содержание проповеди, произнесенной в Даниловом монастыре о пророке Иоанне Предтече.

Архиепископ Никодим продолжал:

— Общее содержание проповеди таково: я говорил о жизни Иоанна, рождении, бегстве в пустыню, спасении от царя Ирода; о смерти отца Иоанна, Захарии, убитого между алтарем и храмом тем же Иродом, так что кровь его оставалась в виде застывшей массы. Затем говорил о подвигах пророка Иоанна в пустыне, о его посте, одежде, о его выступлениях с обличительной проповедью против книжников и фарисеев, духовных руководителей народа, о его обличениях царя Ирода за его преступления против еврейского религиозного учения, нравственности (незаконное сожительство с родственницей) — за что и был казнен пророк и Предтеча Иоанн. Сделав вывод и нравоучение, я развил особо ту часть проповеди, которая касалась аскетического подвига Иоанна, предлагая подражать ему. Но я, во всяком случае, не призывал «говорить правду власти, не боясь ничего». Я этого не выделял и не подчеркивал, а говорил о необходимости твердого соблюдения правила безотносительно, говорить правду всем, кто бы он ни был. В проповеди об Иоанне коснулся не только книжников и фарисеев, царя Ирода, но и также воинов, которым он советовал никого не обижать, не злоупотреблять своим положением, довольствоваться своим жалованьем и т. д.

Видимо, ощутив непонимание следователя, архиепископ Никодим в конце добавил:

— Просил бы дать возможность высказаться по существу. Что касается канона всем русским святым, то он читался, как я уверен, во всех православных храмах Москвы, даже более того, и во всех православных храмах республики. Посему меня удивляет обвинение в контрреволюционной деятельности. Характеристики святым я приводил в редакции канона. Указание же мое на «упадок любви к Родине» не содержало никакого специального смысла.

Русские святые и отношение к ним представляются следователю как серьезная идеологическая проблема, имеющая политическое значение. Чтобы лучше сориентироваться, где в проповеди патриотизм и национальные симпатии, а где прямые указания церковных канонов, следователь изучает службу всем русским святым. В «дело» как существенный факт помещает и выписку из деяний Собора от 26 августа 1918 года о

восстановлении празднования памяти всех святых, в Руси просиявших, в первый воскресный день Петрова поста, видимо, как подтверждение контрреволюционности самого Собора.

2 августа 1926 года уполномоченный VI отдела СООГПУ А.В.Казанский записал в постановлении: «В Даниловом монастыре Кротков выступил как проповедник, причем его проповеди носили определенно выраженный характер монархической пропаганды. Особенно выделяется в этом отношении его проповедь об Иоанне Крестителе <...>. 4.VII — праздновался день русских святых, праздник этот установлен контрреволюционным Собором 1917 года как момент национального сознания. По словам Кроткова <...>, составители этого канона имели в виду подчеркнуть роль Церкви как поборницы старого строя, с одной стороны, и ее борьбу с революционной властью — с другой.

Как видно из самого канона, он пестрит мольбами ко всем святым «от бед лютых Отечество наше избавить», «молить Христа Бога нашего за земное Отечество», «всю землю русскую от бед спасти» путем низложения и посрамления «всех являющих рабом твоим злая» и восстановление прежнего порядка «в стране нашей падшей». Как видно из показания Кроткова, он, перечислив все добродетели каждого святого, указал на то, что эти святые имели одно общее достоинство, а именно: способствовали укреплению и развитию мощи державы Российской, каждый по-своему: князя — в устройении и управлении, а другие — в добром с ними сотрудничестве, независимо от класса, к которому принадлежали. Упомянув об «упадке любви к Родине в настоящее время», Кротков предложил слушателям последовать всем их добродетелям, и не только в отношении стойкости в гонениях, но и «в любви к Родине». Характеризовал святых Кротков по тому же канону; образцом же имеющих в каноне характеристик может служить характеристика, данная Гермогену как погибшему в борьбе с «грехолюбивыми мятежниками» и «строителю православного царства». (Примечательно: большевики догадывались, а наиболее проницательные понимали, что они и есть та «лютая беда для Отечества», о которой говорилось в каноне, и в то же время смертельно обижались за малейший, даже опосредованный намек на историческую роль своих идейных

предшественников и свое роковое значение в судьбе России. —
Авт.)

Во второй из упомянутых проповедей, а именно: об Иоанне Крестителе — Кротков призвал учиться у последнего смелости обличения кого бы то ни было и не бояться мученичества, хотя, по его словам, очень резко этого пункта не выражал. Резюмируя свои показания, Кротков заявил, что чтение этого канона должно было бы проходить по всей республике.

Принимая во внимание все изложенное, полагаю: обвинение Кроткова по статье 69-й УК считать доказанным.

Уполномоченный СООГПУ *Казанский* Одобрил *Е.Тучков»*.

Антихристианская и антинациональная природа советской власти раскрывается в этом документе с предельной ясностью.

27 августа 1926 года, в канун Успения Божией Матери, постановлением Особого Совещания при Коллегии ОГПУ архиепископ Никодим был приговорен к высылке и отправлен в Кызыл-Орду, а затем в Турткуль.

Отбыв срок, владыка не мог вернуться в столицу, так как та же Коллегия ОГПУ решением от 5 июля 1929 года лишила архиепископа Никодима права проживать в Москве, Ленинграде, Ростове-на-Дону, в означенных губерниях и округах, а также в УССР. Владыка избрал местом своего нового изгнания село Тезино Кинешемского района, куда и был отправлен властями 23 сентября 1929 года.

10 июля 1932 года архиепископ приехал в Москву, где получил назначение на Костромскую кафедру. 23 ноября того же года Синод Русской Православной Церкви за труды и стояние в истине наградил архиепископа Никодима правом ношения креста на клобуке.

Со временем восстановились прежние церковные связи, впрочем, никогда полностью не прерывавшиеся. Владыка поддерживал материально своих бывших крымских клириков — иеромонаха Серафима (Вейдемиллера) и иеромонаха Нона (Капусту), которые, отбывая ссылку в КомиАССР, сильно нуждались, и по возвращении из ссылки пригласил их в свою епархию, регулярно помогал священнику Александру Крохалеву и семье ссыльного феодосийского священника Петра Маковеева.

Православные иерархи и клирики в Среднеазиатской ссылке.
В 1-м ряду второй слева митрополит Арсений (Стадницкий).
Рядом с шляпой в руках архиепископ Никодим (Кротков). 1927 год

В июле 1936 года произошла трогательная встреча владыки с иеромонахом Серафимом. Он рассказал о всех невзгодах ссылки и о том, что тяготится жизнью в миру. С умилением вспоминал своего старца-наставника, иеросхимонаха Софрония (Дубинина), который был выслан в Чернигов в 1927 году и мирно скончался там в 1928 году.

После закрытия храмов и монастырей, отбыв ссылку или тюремное заключение, из разных уголков страны к архипастырю приезжали священники, близкие ему по духу, такие, как архимандрит Андрей (Сухенко), добрые отношения с которым сохранялись еще со времени пребывания владыки в Крыму, иеромонах Никандр из Умани, иеромонах Палладий из Подольска, иеромонах Герман (Белый), которого владыка знал по Киевскому Михайловскому монастырю. Приехал игумен Вениамин (Махнюк), бывший эконом митрополичьих покоев в Киеве. Из Крыма, где к 1933 году были закрыты все монастыри, прибыл иеромонах Топловской обители Ювеналий (Литвиненко), которого владыка знал еще при Врангеле как ревностного монаха (впоследствии он хорошо держался на допросах и, невзирая на пытки, никого не предал), а также старый друг и

единомышленник игумен Августин (Малашко), которому во время пребывания того в ссылке владыка регулярно оказывал помощь. Владыка поддерживал связь с сосланным на север бывшим епископом Ростовским Евгением (Кобрановым).

В 1934 году из ссылки приехал профессор Николай Ильич Серебрянский, старый дореволюционный друг владыки по Киеву. Когда он работал в Ленинградском отделении Академии наук, его обвинили в контрреволюционной деятельности и осудили; с тех пор владыка не оставлял его своей заботой.

Одним словом, под святительский омофор собирались все близкие и родные по духу люди. На последнем следствии это будет фигурировать как «сколачивание контрреволюционной повстанческой группы реакционных церковников, ставивших своей целью свержение соввласти». И эта группа, якобы «ожидая капиталистическую войну против большевиков, распространяет гнусную контрреволюционную клевету».

Костромские власти были раздражены церковной активностью архиерея. Он не желал «сидеть тихо», как это ему неоднократно «рекомендовали». Опираясь на твердое духовенство, он не давал закрывать храмы, боролся за каждую возможность укрепить приходы и внутреннюю жизнь Церкви. Наиболее активные верующие посылались ходоками к советской администрации, ездили в Москву с ходатайствами, организовывали собрания, протестуя против закрытия церквей.

Это были ужасные годы гонений на православных. Осквернялись и разрушались храмы, публично сжигались иконы и церковные книги, подвергались поруганию православные святыни. В 1934 году безбожники взорвали Костромской Успенский кафедральный собор — уникальный архитектурный памятник Верхнего Поволжья. Около восьми веков в этом храме пребывал чудотворный образ Феодоровской иконы Божией Матери, перед которым молились благоверные князья Александр Невский и Димитрий Донской и многие поколения православных людей. Всероссийская святыня стараниями владыки была спасена.

Сомнения архиепископа в демократичности новой конституции и в том, что при ней будет жить лучше, не остались тайной для НКВД. Секретарь владыки священник Николай Иванович Бобровский предоставил следствию

необходимые «сведения». Сам уже будучи священником (и из семьи священника), он привлекался за революционную деятельность еще в 1903 году, был осужден по царским меркам сурово — месяц тюрьмы и один год надзора полиции. «Революционная сознательность», видимо, не без участия следователя, проснулась у батюшки снова, и он поведал, что наибольший недостаток правящего архиерея

— это всемерное сопротивление закрытию храмов, в связи с чем владыка называл большевиков «злодеями» и «подстрекал церковный народ бороться всеми силами до последней возможности, лишь бы сохранить приходы». А также, по показаниям священника Бобровского, архиепископ утверждал, что «новая конституция ничего <...> не несет, кроме репрессий», и тут же он в присутствии прот. Николая Успенского в доказательство стал приводить имена епископов, которые были арестованы за последнее время. «В 1935—1936 гг. мне неоднократно приходилось слышать от Кроткова разговоры с приходившими к нему за советами представителями церковных общин из разных мест Костромской епархии по вопросу о закрытии церковью органами Советской власти. Почти всегда в разговорах с этими представителями Кротков дискредитировал органы местной власти и за то, что они закрывают церкви, называл мерзавцами и заставлял ходяков жаловаться обязательно в центр. Еще говорил: «Фашисты в Германии делают то же, что и коммунисты в Советском Союзе, если за границей фашисты сажают народ в т[ак] называемые] «трудовые лагеря», то у нас тоже коммунисты народ заключают в концлагеря».

В ночь на 4 декабря 1936 года, под праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, владыку арестовали за преступление, предусмотренное ст. 58-10 УК РСФСР. При обыске были изъяты 93 листа переписки, 10 записных книжек и 2 тетради с разными записями. А кроме того, книга «Свобода совести и религиозные гонения» Гинзбурга, «Слова и речи» Миртова монархического содержания, оставшиеся после смерти архиепископа Костромского Севастьяна (у следователя к этой книге были особые претензии) и 120 антиминсов, в связи с чем «обыскиваемый Кротков заявил возражения против изъятия антиминсов в протоколе как святынь, которые не должны

трогать миряне». Началось восхождение на Голгофу православного архиерея. Постановление об аресте подписал уполномоченный Костромского УНКВД капитан Раевский. На допросах владыка держался твердо и старался не давать следствию запутать себя. Власти припомнили ему всю его архиерейскую жизнь, с дореволюционного периода. В вину вменялось все, что не проходило в игольное ушко советского законодательства. Приведем один из допросов.

— У вас при обыске были изъяты извещения на ваше имя о поступлении из-за границы вам денег. Скажите, откуда и от кого вы получали эти деньги?

— Из Германии, от Берлинской посылочной конторы «Фиат и Бриллиант».

— Назовите лиц, которые посылали вам эти деньги.

— Я их не знаю.

— То есть как не знаете?

— Так и не знаю.

— Получали несколько раз деньги и не знаете, от кого?

— Да.

— Этого же не может быть.

— Иначе я ответить не могу.

— Иначе не желаете ответить?

— Нет, это не так.

— А как же?

— Повторяю, что лиц, которые посылали мне из Германии деньги, я не знаю.

— А мы повторяем, что этого не может быть!

— Ну, я не знаю, что на это ответить.

— А зачем, для чего вам высылали из Германии деньги?

— В качестве материальной помощи.

— Откуда вам это известно?

— Ниоткуда мне это не известно, а я только предполагаю, что это именно была мне материальная помощь.

— Почему именно так предполагаете?

— Иначе и не могло быть.

— Что не могло быть?

— Не могло быть никакого иного назначения этим получаемым мною из Германии деньгам.

— Почему же?

— Я не вижу никаких иных причин к посылке мне этих денег.

— Если считать, что эти деньги высылались вам в виде материальной помощи, то высылавшие их должны были знать о вашей нуждаемости. Так ли это?

— Да, я считаю, что высылавшие мне деньги лица должны знать о моей нуждаемости, иначе они не могли высылать деньги.

— А в период получения вами этих денег или до этого вы испытывали действительно материальную нужду?

— Нет, материально я не нуждался. У меня были всегда достаточные доходы.

— Материально вы не нуждались, следовательно, не нуждались и в материальной помощи?

— Да, не нуждался. Я еще сам другим помогал.

— Таким образом, ваше предположение, что деньги вам из Германии высылали в качестве материальной помощи, неосновательно. Так на основании чего же вы предполагаете, что деньги из Германии вы получаете в качестве материальной помощи, а не в качестве чего-то иного?

— У меня нет для этого оснований.

— Нет оснований, а все-таки хотите, чтобы следствие приняло ваше объяснение об этих деньгах как соответствующее действительности, думая, что такое объяснение будет для нас безобидно.

— Я не знаю, что мне на это сказать.

— Вы продолжаете еще утверждать, что деньги высылались вам из Германии не иначе как в качестве материальной помощи?

— Нет, я теперь отказываюсь так утверждать и предполагать.

— Для чего вам высылали деньги?

— Не знаю совершенно.

— Деньги высылали по вашему адресу в Кострому.

— Да, в Кострому, но только не в мой лично адрес, а в адрес моего секретаря священника Бобровского.

— Таким образом, в Берлине знают не только вас, но и вашего секретаря.

— Выходит, знают.

— В Берлине известен и ваш адрес, и даже адрес вашего секретаря?

— Выходит, известен и мой адрес, и адрес моего секретаря.

— Объясните, как это могло произойти.

— Не знаю.

— И не предполагаете?

— Затрудняюсь сделать какое-либо предположение.

— Из ваших показаний следует, что не имея никаких знакомых в Германии, не имея никаких связей с Германией, однако там каким-то образом у кого-то оказался ваш и даже вашего секретаря адрес, и кто-то по неизвестному для вас поводу высылал вам несколько раз деньги. И вы думаете, что эти ваши бессмысленные, лживые объяснения мы можем принять всерьез?

В конце концов следователь выяснил, что у архиепископа есть знакомые за границей (в частности, и в Германии): митрополит Евлогий (Георгиевский), архиепископ Феофан (Быстров), архиепископ Кишиневский Анастасий (Грибановский), архимандрит Тихон (Лященко), профессор богословия из Киева Прозоров.

Следователь пытался выяснить любые компрометирующие архиепископа подробности. Выясняя его прошлое, он делал особый акцент на знакомстве владыки Никодима с митрополитом Антонием (Храповицким) и митрополитом Евлогием (Георгиевским).

— Вы были в непосредственной связи с Антонием и Евлогием?

— Да, Антоний в начале революции был митрополитом Киевским, а я в Киеве был викарным епископом и находился у Антония в подчинении. У меня с ним были близкие связи, то же и с Евлогием.

— Кроме служебных связей, у вас были с ними связи по антисоветской деятельности?

— Нет.

— Почему?

— Они не привлекали меня к антисоветской деятельности.

— Почему?

— Не знаю.

— Вы что, не пользовались у них доверием?

— Нет, я пользовался у них доверием.

— Если это так, то непонятно, почему Антоний, проводивший столь большую работу по организации церковников на борьбу с Советской властью, не привлекал вас к этой борьбе, оставил вас в стороне.

— По поводу этого я затрудняюсь дать объяснение.

— В периоды, когда Киев занимали белогвардейцы, оккупанты, вы там проживали?

— Да, когда Киев находился под властью белогвардейцев и оккупантов, я оставался там.

— И в эти периоды вас Антоний не привлекал к контрреволюционной деятельности?

— Не привлекал.

— Почему?

— Не знаю.

— Странно, как вы могли тогда занимать такое исключительное положение, когда все церковники, тем более высшее, как вы, духовенство, вовлечены были в активную борьбу с Советской властью?

— Я затрудняюсь объяснить это.

— Потрудитесь объяснить.

— Я затрудняюсь подобрать могущий удовлетворить сколько-нибудь следствие ответ на этот вопрос.

— Когда Антоний и Евлогий уезжали за границу, вы где в то время были?

— Перед их выездом я был в Киеве.

— А потом?

— Я вместе с ними был вывезен из Киева за границу.

— То есть как вывезен? Ведь выше вы показали, что Антоний и Евлогий и др. выехали за границу вместе с остатками белогвардейской армии, как белоэмигранты?

— Выше я об этом показал неправду.

— Почему? Зачем?

— Просто я не обдумал, вот и показал относительно выезда Антония и Евлогия из Киева неправду. А в действительности Антония, Евлогия и меня вывезли из Киева в январе 1919 года петлюровцы в г. Бучач, находившийся тогда под властью не то галичан, не то поляков.

— Почему вас вывезли из Киева петлюровцы?

— Я, Антоний и Евлогий мешали петлюровцам в Киеве в проводимом ими объединении Приднепровской Украины и Галиции в самостоятельное государство. Я, Антоний и Евлогий стояли за единую неделимую Россию.

— Что это за «единая неделимая Россия», за которую вы стояли?

— Мы стояли за сохранение России в прежних границах.

— Ас каким политическим строем?

— Политический строй для меня лично был безразличен.

— Для вас было безразлично — Советская ли власть или власть русской или иностранной буржуазии была бы в «единой неделимой России»?

— Да, лишь бы Россия сохраняла прежнюю свою целостность.

— А какой взгляд был на это у Антония и Евлогия?

— Они тоже стояли за единую неделимую Россию, но' вместе с этим стояли против установившейся в России Советской власти. В этом у меня была разница с ними.

— Разница в том, что они стояли против Советской власти, а вы за Советскую власть?

— Нет. Я не стоял за Советскую власть. Я относился к ней безразлично: ни за, ни против Советской власти.

— Значит, по-вашему выходит, что у вас с ними были различные отношения к Советской власти: у них враждебные, а у вас безразличные.

- Да.

— И вы с этими различными отношениями к Советской власти, а это значит — с различными политическими взглядами, поехали все вместе из России, за которую вы стояли, за границу?

— Нас увезли петлюровцы.

— Выше вы показали, что вы, Антоний и Евлогий мешали петлюровцам в проводимом ими объединении Приднепровской Украины с Галицией в самостоятельное государство. Скажите, в чем это выражалось с вашей стороны?

— Я, Антоний и Евлогий открыто выступали перед верующим народом против этой политики петлюровцев.

— А что вы противопоставляли в своих выступлениях этой политике петлюровцев?

— Ничего.

— Это же неверно. Вы вместе с Антонием и Евлогием поддерживали деникинцев, стояли за деникинскую «единую и неделимую Россию».

— Да, Антоний и Евлогий поддерживали Деникина и выступали за деникинскую «единую и неделимую Россию», а я не выступал с поддержкой Деникина.

— Но вы тоже, как сами говорите, выступали за «единую неделимую Россию»?

— Да, выступал.

— За деникинскую «единую неделимую Россию»?

— Нет.

— А за какую же?

— За «единую и неделимую Россию», независимо от того, какой в ней был бы политический строй.

— Независимо от того, если бы в ней и была власть Деникина?

— Выходит, так.

— То есть как выходит? Это было в действительности так?

— Да, так. Я был не против того, чтобы в «единой неделимой России» была власть Деникина.

И так далее.

Помимо прочего, архиепископа обвинили в том, что он допускал на службу детей: его двум жезлоносцам было не более 14—15 лет.

13 декабря 1936 года начальник НКВД по Ярославской области майор Государственной безопасности Ершов составил обвинительное заключение: «Кротков, проживая в Костроме, вел среди населения контрреволюционную агитацию, выступал с контрреволюционными выпадами против новой Конституции и коммунистической партии, а также распространял контрреволюционные провокационные слухи.

Одновременно с этим Кротков, группируя вокруг себя реакционно настроенное духовенство, проводил среди них линию, враждебную существующему строю, высказываясь за необходимость проведения «твердой церковной политики» с целью оказания сопротивления соввласти. К участию в церковной службе Кротков привлекал детей, школьников, которых обрабатывал в антисоветском направлении.

На протяжении 1934—1936 гг. Кротков поддерживал связь с находящимися в ссылке контрреволюционными церковниками, как-то: бывшим Ивановским митрополитом Павлом (Тальковским), епископом Евгением (Кобрановым), архимандритом Августинем (Малашко), иеромонахом Серафимом (Вейдемиллером), иеромонахом Ионом (Капустой) и другими, которым оказывал материальную помощь.

В 1934 году Кротков имел связь с фашистской Германией и через германскую посылочную контору «Фиат и Бриллиант» получал материальную помощь (митрополит Евлогий в это время находился в Берлине; он в течение двух лет через знакомых разыскивал архиепископа Никодима и, когда нашел, то, имея материальную возможность, четыре или пять раз присылал по 400—500 рублей. Впрочем, имени своего открыто не указывал, чтобы «не повредить» старому другу. — *Авт.*)

На основании изложенного обвинения архиепископ Никодим Кротков по согласованию с прокурором направляется в особое совещание при Народном комиссариате внутренних дел Союза ССР для внесудебного разбирательства.

г. Ярославль».

27 марта 1937 года владыка Никодим (Кротков) был приговорен за «контрреволюционную деятельность» к высылке в Красноярский край сроком на пять лет без ссылки на закон. Состояние его здоровья резко ухудшилось. Еще 11 февраля 1937 года тюремный врач поставил диагноз: перерождение сердечной мышцы, нестойкая компенсация, подозрения на грудную жабу, артериосклероз, эмфизема легких, недержание мочи. В таком состоянии владыка едва ли мог быть отправлен в ссылку.

3 сентября 1937 года без возбуждения уголовного дела Управлением НКВД Ярославской области исповеднику было предъявлено новое обвинение в проведении контрреволюционной деятельности (ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР). На этот раз сотрудники НКВД Кочетов и Ильичев, не выходя за пределы прежних вопросов, допрашивали с пристрастием. Обвинительное заключение было следующим: «Формирует из духовенства контрреволюционную группу, которая распространяет антисоветскую гнусную клевету, сеет среди верующих сомнения в колхозном строительстве, ждет

капиталистической войны и готовит повстанческие организации для борьбы с советским государством».

Архиепископа Никодима оставили последние силы. Издевательства, пытки и ночные допросы сделали свое дело. В тюремной больнице Ярославля на семидесятом году жизни 21 августа 1938 года в 14 часов 30 минут владыка Никодим умер от острого катара кишечника при явлениях нарастающей сердечной слабости — паралича сердца (справка начальника тюрьмы от 21/VIII 1938 года № 6359).

21 августа, когда верующие ярославской земли праздновали обретение Чудотворного образа Толгской иконы Божией Матери, закончилась многострадальная жизнь мученика и исповедника, пронесшего с доблестью нелегкий крест архиерейского служения в наиболее страшные годы в истории Православной Церкви.

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II Никодим, архиепископ Костромской и Галичский, причислен к лику святых, и память его совершается 5 февраля в день Собора святых, в земле Костромской просиявших, и 21 августа, когда последовала его мученическая кончина.

ТРОПАРЬ, глас 4-й

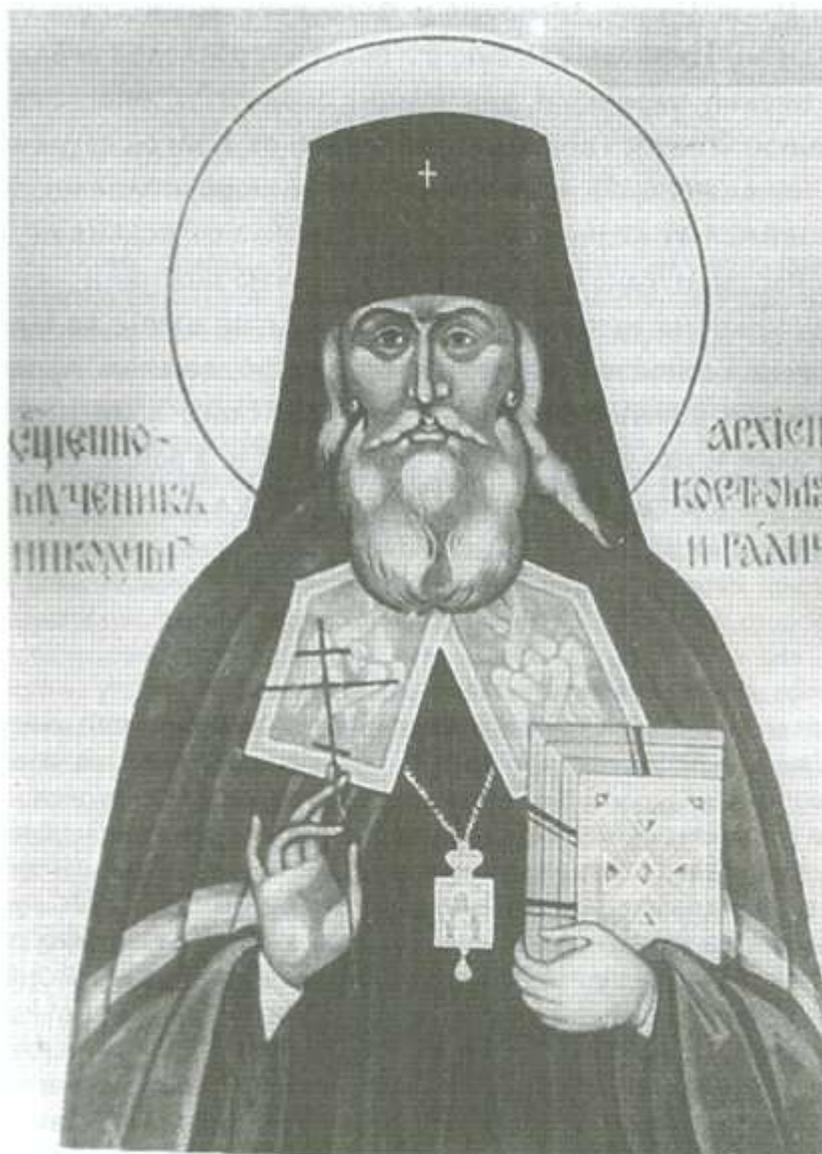
Костромскаго края украшение, новомучениче святителю Никодиме, веру православную твердо исповедуя, от безбожных неправедно осужден бысть. И заточении многая страдания претерпев, венец мученический восприял еси. ныне же предстою престолу Божию со Пречистою Богородицею и всеми святыми, усердно Христу молися даровати нам веры отеческия утверждение, мир и велию милость.

КОНДАК, глас 2-й

Мужественный Российский исповедниче, истинный подвижниче благочестия, священномучениче Никодиме, избранниче Божия Матери, днесь светло прославляется. Мы же дерзновенно ему возопим: моли Христа Бога спасти души наша.

МОЛИТВА

Святыи новомучениче, святителю Никодиме! Дивный пастырю и доблестный воин Христов! Ты всею душою от юности заповеди Божии возлюбил еси. Неленостно словесам Христовой истины внимаю, иным многим добрый наставник был еси. Темже Господь яви тя приемника апостолом Своим. И во дни гонения лютаго на веру православную яко истинный пастырь явился еси, крестный путь с паствою своею прошед ссылки, заточения и страдания смиренно претерпевый и тако венец мученический восприял еси, и обрете благодать молитися за ны. И ныне, о ходатаю наш пред престолом Царя Славы, испроси у Него веру отеческую утвердити, Церковь святую от ересей и расколов оградити, верных укрепити, заблудших обратити, многострадальное Отечество наше умирити и от врагов сохранить ненаветно. И молитвами твоими укрепляеми, да избежимся от козней лукаваго, избегнем от всякия беды и напасти, и тако на земли благочестно поживше, жизни вечныя на небеси сподобимся, идеже вкупе со Пречистою Госпожею Девоею Богородицею, сонмом преподобных и богоносных отцев Костромскаго края покровителей и всеми святыми прославим в Троице славимого Бога Отца и Сына и Святаго Духа во веки веков Аминь.

Священномученик Никодим,
архиепископ Костромской и Галичский

ПРИЛОЖЕНИЕ

Константино-Еленинская церковь

Изъятие производилось представителем КрымЦИК сотрудником наркомата РКИ Трушицыным по мандату от 9 марта 1923 года за № 144/С того же числа и месяца. Старой описи не оказалось. Предъявленная новая опись была составлена без обозначения качества предметов, и при осмотре всей церковной утвари серебряной оказалась только ложечка, которая и была оставлена, так как не было другой. При производстве дополнительного изъятия было обнаружено четыре малых ризы с икон, лампада и ложечка, каковые были изъяты, причем на вопрос комиссии, состоящей из зампреда Шведова и члена Ковалевского, об инвентарной книге, присутствовавших при первом изъятии, так и при втором священником Масловым и старостой Черняховским было объяснено, что украдены, равно как и все ценности из утвари, но акта по заявлению настоятеля о краже не составлялось. Все ценное было заменено металлической утварью из предметов, взятых со свечного завода. Ящик, в коем должны храниться эти предметы, открывался, все хранилось в беспорядке, в изломанном виде; имущество свечного завода должно было храниться в запечатанном ящике до особого распоряжения совета приходских церквей. На запрос угрозыска относительно кражи последовал ответ, что заявления о краже из Константино-Еленинской церкви не поступало. При ревизии канцелярии архиепископа найден рапорт настоятеля Маслова без даты о том, что 18 февраля сего года ограблена Константино-Еленинская церковь и унесены: малая чаша с диском и звездицею, дарохранильница, два небольших руконосных креста, маленькая тарелочка, ковшик и копье — все серебряные, и два Евангелия — с резолюцией епископа от 7.III.1922 года <...>.

Спрошенные в качестве обвиняемых:

1. Настоятель, он же председатель приходского совета Константино-Еленинской церкви, протоиерей Маслов Василий Степанович в: а) сокрытии описей церковных] ценностей, б) небрежном хранении ценностей, в) симуляции кражи ценностей и г) ведении пассивной обороны против изъятия.

2. Староста Черняховский Михаил Родионович и

3. Секретарь приходского совета церкви Ланг Мария Васильевна в; а) сокрытии описей и церковных ценностей, б) небрежном хранении цер[ковных] ценностей и в) симуляции кражи цер[ковных] ценностей. Виновными себя в предъявленных им вышеуказанных обвинениях не

признали и объяснили:

1. Обвиняемый Маслов Василий настоятельствуем с апреля 1921 года, описи при приеме должностей не принимал, церковь в одно время была полковой 33-го пехотного полка белых, при уходе которого из нее было выбрано все, что имело какую-либо цену; в его бытность в церкви, кроме сосудов для богослужения, других ценных предметов не было, и в 1921 году по требованию союза приходских церквей была составлена опись, копия которой хранится при церкви, в которой было означено все, что было до кражи. Старой описи не могло быть, так как до декабря 1922 года церковь была домовою. Кража произошла в его отсутствие, он был в командировке и узнал о ней на третий день, и подал рапорт епископу, действительность ее может подтвердить гражданин Горбатовский. Хранить вещи было негде — отсутствовали шкафы, а сделать их было не за что, брались вещи свечного завода по распоряжению Епархиального совета, и при изъятии помогал.

2. Черняховский Михаил старостой состоит с января 1921 года. Церковное имущество по описи не принимал и последней не было, так как церковь была домовою. Составлена опись в 1922 году. Имущество находилось в беспорядочном состоянии ввиду бывшей кражи в средних числах февраля 1922 года, гражданин Горбатовский подтвердит действительность ее. Когда узнал о краже и пришел на место, церковь была опечатана милицией. Имущество из свечного завода было принято без описи и впоследствии таковая не составлялась.

3. Обвиняемая Ланг Мария секретарем церковноприходского совета с 1921 года. Ни описи, ни церковного имущества не принимала, при изъятии не присутствовала и о краже узнала в тот же день, когда пришла к вечерней службе.

Допрошенный в качестве свидетеля Горбатовский Евгений Константинович — комендант здания КрымВМД — о краже в храме показал, что по приходе со службы домой в квартиру, находящуюся при Константино-Еленинской церкви, он услышал шум в последней. Сначала не обратил на это внимания, но, когда услышал падение железного запора от двери, ведущей в храм, вышел в коридор и увидел, что дверь, ведущая в храм, никогда раньше не открывавшаяся, открыта, и в ней неизвестный, который при его оклике захлопнул дверь искрылся в храме, тогда он побежал и заявил в милицию. Что пропало из храма, он не знает.

Спасская церковь

Изъятие производилось 10 марта 1922 года представителем КрымЦИК Трушицыным в присутствии настоятеля храма протоиерея Матушевского Крискента, священника Ачкасова Николая, дьякона Пустовойта Василия, церковного старосты Дремина Митрофана и членов приходского совета: Панченко Петра и Лавринского Андрея. Инвентарная книга была представлена, но опись утвари в ней оказалась без обозначения качества предметов, каковые представителем КрымЦИК выяснились при проверке наличия, причем оказалась недостача ценных предметов из 27 — 17, каковые и указаны в акте изъятия, согласно заявлению причта: «Недостающие предметы были украдены злоумышленниками в ночь с 18 на 19 февраля 1922 года», — и что об этом имеется акт. Экссессов при изъятии не было. 29 марта приходским советом храма в письменном объяснении о причинах несоответствия наличия с описью указано, что серебряные лампы и пять икон серебряных не были внесены в опись как принадлежащие прихожанам, давшим им в храм на хранение, причем из лампад три были сданы в ЦК ПОМГОЛ, а иконы не находились в храме, так как были забраны собственниками. В оправдание последнего обстоятельства к объяснению приложены расписки на пять икон с датой незадолго до изъятия. К делу же был представлен и акт от 1 февраля 1919 года за подписью председателя приходского совета, всех членов и секретаря о краже, из чего видно, что воры проникли через главные двери, открыв замок, кража главным образом произведена в алтаре, на престоле и на жертвеннике, где все оказалось в разбросанном виде и валялись окурки папирос, наименование и число ценных предметов по акту совпадает с указанным в недостаче по акту изъятия. При первом изъятии в храме было оставлено только две лампы и одна икона, когда же было произведено дополнительное изъятие зампредом комиссии Шведовым и членом Ковалевским, ввиду отсутствия инвентарной книги, сданной РКИ для проверки, тщательно обследовали храм, и было обнаружено 29 малых серебряных риз с икон, дарохранительница, две чаши, два диска, три тарелочки, одна ложка, один ковшик, накладка с Евангелия и только одна лампада. Большинство предметов оказалось со свечного завода, и при изъятии присутствовавший причт отстаивал иконы, ссылаясь на принадлежность их прихожанам, а на вопрос, не имеется ли еще ценностей, ответили, что нет. Между тем, недели через две члену комиссии Ковалевскому стало известно, что под храмом в склепе находятся вещи со свечного завода (что

подтвердилось и откуда было изъято указанное выше значительное количество ценностей, причем на одном из Евангелий не оказалось обложки). Согласно заключению секретаря комиссии по изъятию Эндека все принимаемое от прихожан на хранение в опись не вносится. О принятии выдаются квитанции, каковых у причта Спасской церкви не оказалось. Из отношения угрозыска на запрос видно, что о краже в храме было заявлено 24 мая 1922 года.

При ревизии канцелярии епископа были обнаружены два рапорта о краже в храме: первый от 5 февраля, в котором указывается, что кража имела место в ночь на это число, второй — от 3 мая. При второй краже ценностей забрано не было. Допрошенный по делу в качестве свидетеля преподаватель первой семилетней школы Семенец Андрей Иванович, подписавший акт осмотра храма, показал: что он в пятницу 4/17 февраля был в храме на вечернем богослужении, ушел вместе со священником Ачкасовым, которому сторож Пипин, заперев храм, передал ключи. Когда же он пришел к службе в субботу утром 5/18 февраля, Пипин объяснил, что в храме была кража, о чем он после достоверно узнал от священника Ачкасова и прихожан, а затем убедился сам, когда зашел в алтарь, где был полный разгром, и на престоле и около валялись окурки папирос.

Спрошенные в качестве обвиняемых:

1. Настоятель храма протоиерей Матушевский Крискент Павлович в: а) сокрытии ценностей, б) ведении пассивной обороны против изъятия и в) симуляции кражи.

2. Помощник настоятеля священник Ачкасов Николай Никифорович — в том же.

3. Дьякон Пустовойт Василий Яковлевич в: а) в соучастии в сокрытии ценностей и б) симуляции кражи.

4. Староста Мальвастро Андрей Антонович — в том же и

5. Замстаросты Дремин — в том же.

Виновными себя в предъявленных им вышеуказанных обвинениях не признали и объяснили:

1. Обвиняемый Матушевский Крискент, что представителям КрымЦИК было предложено дать из ценностей те, без коих можно обойтись при богослужении, что и было сделано, и выдано было все, что возможно из ценной утвари, оставшейся после кражи в ночь на 5/18 февраля 1921 года: часть предметов и ризы с некоторых икон не были выданы потому, что первые взяты из вещей свечного завода, а вторые, то есть иконы, принадлежали прихожанам, давшим их в храм на хранение. Сопротивления ни словом, ни делом не оказывали. При втором изъятии пришел, когда уже производился подсчет ценностей и был составлен акт. Тогда были выданы все ценности, оставшиеся от

первого изъятия, и о том, что комиссией не было осмотрено подвальное помещение, узнал после ее отъезда. Иконы, отданные в храм прихожанами или бывшими учреждениями (жандармским полицейским управлением и почтовой конторой) и, может быть, навсегда оставленные в храме, в опись не записаны как не принадлежащие к церковному имуществу. Ни сокрытия ценностей, ни обороны не было, симуляции кражи не было. Кража была в ночь с 17 на 18 февраля, о чем был составлен акт в присутствии инспектора угрозыска Яковлева в двух экземплярах, — один остался у него, о чем на нашем акте им была сделана справка.

2. Обвиняемый Ачкасов Николай: при первом изъятии было выдано все согласно предложению представителя КрымЦИК, при втором сам указывал ценности, помогал снимать ризы с икон, на вопрос о подвальном помещении сказал, что там могилы частных лиц, каковой ответ был дан не с целью сокрытия ценностей <...>.

3. Обвиняемый Пустовойт Василий при первом изъятии присутствовал потому, что изъятие производилось как раз после богослужения, при втором пришел к концу, о склепах ничего не знал.

4. Обвиняемый Мальвастро Андрей при изъятии не присутствовал, так как с января по 15 июля был в отпуске, замещал Дремин, акт о краже подписал, когда приезжал на заседание приходского совета, дней через 7 после кражи, удостоверив своей подписью список похищенного.

5. Обвиняемый Дремин Митрофан — акта в день ограбления церкви составлено не было, так как священник Матушевский спешил уехать на требы, кроме того, налицо не было описи, каковая находилась на квартире Матушевского, за невозможностью установления похищенного акт об ограблении церкви был написан через несколько дней и прочитан на общем собрании церковноприходского совета, специально для этого созванном. В день ограбления в Крымрозыск было подано заявление. Случайно в день венчания, как говорил нам Ачкасов, к нему заходил инспектор угрозыска Яковлев, которого попросили осмотреть храм и составить акт об ограблении.

Введенская церковь

(Берковского женского подворья при Бахчисарайском Успенском мужском монастыре)

Изъятие производилось представителем КрымЦИК, сотрудником Наркомата РКИ Трушицыным по мандату от 9 марта сего года за № 143/ С в присутствии настоятеля храма иеромонаха Иринарха и

иеродиакона Иоакима и во второй раз — в присутствии тех же и старосты Циркуля. Описи представлено не было, согласно заявлению причта она сдана в церковный подотдел. В первый раз были изъяты излишки, во второй изъятие произведено в силу постановления ЦК ПОМГОЛа от 16 марта; должно было быть изъято все оставленное в первый раз, но это не удалось ввиду того, что тому воспротивились настоятель иеромонах Иринарх и староста Циркуль. Оставлены были две ризы на иконах иконостаса, чаша, тарелочка и дарохранительница и, кроме того, согласно заявлению приходского совета от 31 марта 1922 года в РКИ, в ночь с 16 на 17 марта была совершена кража в церкви и были похищены серебряные предметы: дарохранительница, тарелочка, две иконы с серебряными ризами, о чем было заявлено в угрозыск 20 марта за № 2111. При третьем дополнительном изъятии, произведенном заместителем председателя комиссии Шведовым и членом Ковалевским, были обнаружены ценные предметы, не входившие ни в одну из предыдущих описей, причем некоторые из принадлежащих свечному заводу.

Спрошенные в качестве обвиняемых:

1. Настоятель, он же председатель приходского совета храма, иеромонах Иринарх (Иляков Иван Васильевич) в: а) сокрытии описи церковных ценностей, б) симуляции кражи и в) ведении пассивной обороны против изъятия.

2. Игуменья Ксения — она же Романовская Ксения Валентиновна — в симуляции кражи ценностей.

3. Казначей Егорова Александра Ивановна — в соучастии в сокрытии церковных ценностей.

4. Товарищ председателя приходского совета Ермаков Авраам Давидович в: а) сокрытии описи церковных ценностей, б) симуляции кражи и в) ведении пассивной обороны против изъятия, — виновными себя в предъявленных им вышеуказанных обвинениях не признали и объяснили:

1. Обвиняемый иеромонах Иринарх, Иляков Иван Васильевич, назначен в Введенскую церковь в декабре 1922 года. Тогда подворье принадлежало Бахчисарайскому Успенскому мужскому монастырю, теперь это подворье женское. Описи и церковного имущества не получал, кражи не симулировал, так как она имела место у игуменнии Ксении, у которой в то время, уже находились ключи, имеется оправдательный документ, изъятию противился. 2. Обвиняемая игуменья Ксения (Романовская Валентина) — кража имела место в ночь с 16 марта до принятия ею ключей и имущества церкви. 3. Обвиняемая Егорова — член приходского совета, состоит с 1920 года. Ни описи, ни имущества не принимала, подписывала одну опись для

сдачи в Ревком. 4. Обвиняемый Ермаков Авраам на должности товарища председателя Совета с декабря 1921 года. Имущество Совет принимал по новой описи, так как старой описи не оказалось, а новая должна быть у иеромонаха Иринарха. Кража действительно была, на что имеется документ. Присутствовал только на последнем изъятии, на первые не приходил, так как не знал о них. Согласно показанию допрошенного в качестве свидетеля по делу священника церкви Верютина Ильи Ивановича, опись должна быть в Бахчисарайском монастыре. При изъятии в таковом описи Введенской церкви не оказалось, как видно из показаний зампреда комиссии Шведова; к делу представлена справка о заявке в угрозыск по поводу кражи 20 марта сего года и о смерти старосты Циркуля.

Мартиниановская церковь

Изъятие производилось согласно мандату от 9 марта сего года представителем КрымЦИК сотрудником Наркомата РКИ Лазаревым 9 марта 1922 года в присутствии настоятеля храма протоиерея Кикоть, протоиерея Федорова, церковного старосты Шестерикова и представителя общины церкви. Старой описи не оказалось. По заявлению настоятеля они были сданы в КрымЦИК. По новой описи все оказалось налицо, но в одном экземпляре. Ввиду отсутствия предметов для замены все найденное было оставлено в храме. Производивший изъятие сотрудник Наркомата РКИ Лазарев не допрошен по делу за смертью. При вторичном изъятии, произведенном зампредом комиссии Шведовым и членом комиссии Ковалевским, была представлена опись; духовенство шло ей навстречу и только просило о замене изъятого. Спрошенный в качестве обвиняемого настоятель храма и председатель Совета протоиерей Кикоть Семен Евстафьевич в предъявленном ему обвинении в сокрытии ценностей и ведении активной обороны против изъятия виновным себя не признал и объяснил, что была представлена своевременно опись 1912 года, и выдал ценности без прекословий. Как видно из акта, изъятие производилось тем же представителем КрымЦИК <...> Лазаревым 9 марта 1922 года в присутствии заместителя настоятеля храма священника Шпаковского и члена приходского совета Крупко Ивана. Старой описи предъявлено не было, и священником Шпаковским было заявлено, что имеющиеся в церкви иконы и ризы только посеребрянные, но не серебряные. Производивший изъятие сотрудник Наркомата РКИ Лазарев по делу не допрошен за смертью. При дополнительном изъятии, произведенном зампредом комиссии Шведовым и членом Ковалевским в присутствии заместителя настоятеля священника Шпаковского и старосты Никитченко и замстаросты Крупко было обнаружено гораздо больше ценностей, чем

при первом изъятии. Духовенство всячески старалось противодействовать изъятию, затягивать работу, отказываясь помочь снять ризы с икон и ссылаясь на принадлежность последних прихожанам, но оправдательных документов не представило. К делу при заявлении настоятеля в Наркомат РКК было прислано две расписки приходских советов деревень Чистенькое и Збурьевки о получении для церкви означенных деревень утвари из Всехсвятской церкви и подписи приходского совета о том, что в 1915 году по распоряжению епархиальной власти из Крыма для приходской военной церкви были взяты дискос и лжица, каковые расписки и подписи подтверждаются справкой из епархиальной канцелярии.

Спрошенные в качестве обвиняемых:

1. Настоятель храма, он же председатель приходского совета священник Швец Николай Федорович в: а) сокрытии описей и ценностей и б) ведении пассивной обороны против изъятия. 2. Священник Шпаковский Степан Яковлевич в: а) сокрытии описей и ценностей, б) ведении активной обороны против изъятия. 3. Диакон Изотов Тимофей Спиридонович в: а) соучастии в сокрытии описей церковных ценностей и б) ведении пассивной обороны против изъятия. 4. Староста Крупко Иван Андреевич в соучастии в сокрытии описи и ценностей. 5. Староста Никитченко Дмитрий Иванович в: а) сокрытии описи и ценностей и б) ведении пассивной обороны <...>. Виновными себя в предъявленных выше обвинениях не признали и объяснили: 1). Обвиняемый Швец не получал предписания от властей, не представил ценности сам, а ждал комиссию для сдачи ценностей, опись не скрывал, был в деревне за 7 верст, где и живет, опись была под замком, ключ же находился у него, но его не уведомили о приходе комиссии, вследствие чего он отсутствовал при изъятии, но не потому, что вел пассивную оборону. 2). Обвиняемый Шпаковский Степан как второй священник исключительно для треб при изъятии присутствовал ввиду отсутствия настоятеля, инцидентов не было, народу тоже, за исключением сторожа и двух-трех случайных прихожан. Все время при изъятии не мог быть, отлучался на требы и к малолетним детям, оставленным без присмотра. Активной обороны не могло быть, так как советом прихода было постановлено сдать ценности. О том, что в архиве была опись, не знал. При первом изъятии заявил, что не знает, какие предметы ценные, если бы было сказано, что целью прихода было изъятие ценностей, то послал бы за настоятелем нарочного, чтобы составить более точную опись. 3). Обвиняемый Изотов Тимофей — соучастия в сокрытии ценностей и описи не принимал, не только не сопротивлялся изъятию, но даже помогал, подавал иконы с престола и прочее. 4). Обвиняемый Крупко Иван — староста с июня 1922 года, а

потому не мог быть соучастником в сокрытии ценностей. 5). Обвиняемый Никитченко Дмитрий — старостой с 1919 года, никакого вообще имущества не принимал, описи не видел, инструкции старостам не получал и не читал, не присутствовал при изъятии потому, что не знал о нем, а не потому, что вел оборону. Допрошенный по делу в качестве свидетеля сторож кладбищенской церкви АлексаноКолочков Алексей Никитич показал, что комиссия сама снимала ризы с икон, но почему, не может сказать.

Благовещенская церковь подворья Космо-Дамиановского монастыря

Изъятие производилось 10 марта 1922 года представителем КрымЦИК товарищем Попандопуло в подворье Космо-Дамиановского монастыря в присутствии иеромонахов Иннокентия и Николая, представителя общины Митькина Никиты, сестер-монашек Вирсавии, Мелитины и Евгении. Вместо старой описи была предъявлена копия новой описи. Со стороны причта было сочувственное отношение, и изъята была только часть церковных ценностей из наличности, соответствовавшей копии новой описи, причем в акте в графе «Примечание» было отмечено, что недостающие предметы — две чаши с полным прибором, два креста напрестольных — переданы в деревни Мамак и Марьино. 21 марта сего года в объединенный совет православных церквей города Симферополя было подано заявление, в котором объяснено, что на требования совета представить в двухнедельный срок инвентарную опись церковного имущества таковая не может быть представлена, так как церковь основана только в 1907 году, очень бедная, инвентарной книги не заводилось, и только в феврале месяце 1922 года по требованию советской власти была составлена опись церковного имущества и в трех экземплярах представлена в церковный подотдел Крымского Ревкома. При втором дополнительном изъятии было сделано тщательное исследование храма в присутствии старосты и секретаря совета и были обнаружены ценности, не вошедшие в акт первого изъятия, а также ценности и имущество, принадлежащие свечному заводу. Но акта о приеме на хранение не было, и нельзя было установить, все ли взятое в целости.

Согласно заключению секретаря комиссии Эндека, старая опись должна быть. Если ее не оказалось, то она должна находиться при монастыре. Из рапорта настоятеля Марии-Магдалининской церкви протоиерея Медведкова видно, что часть имущества также была передана в Благовещенскую церковь, и на вопрос о количестве принятого была представлена копия описи с указанием, что все

предметы металлические.

Опрошенные в качестве обвиняемых:

1). Настоятельница Космо-Дамиановского монастыря игуменья Варсонофия, она же Акулова Ксения Герасимовна. 2). Ризничная и зав. подворьем — Вирсавия, она же Подозникова Матрена Сидоровна. 3). Письмоводительница зав. канцелярией Евгения, она же Тищенко Параскева Яковлевна. 4). Бывшая зав. подворьем Мелитина, она же Карташева Марфа Ивановна — в сокрытии описей и церковных ценностей виновными себя не признали и объяснили: 1). Обвиняемая Варсонофия: что при Благовещенском храме описи никогда не было и все необходимое для подворья бралось из монастыря и . I по миновании относилось обратно в монастырь, где имелась инвентарная книга, в которую заносилось имущество, находящееся в том или ином подворье, и что эта книга пропала при ограблении монастыря. 2). Обвиняемая Вирсавия: что описи и утвари при Благовещенском храме не было и что опись была общая на монастырь с подворьем и хранилась при монастыре. Обвиняемые Евгения и Мелитина I показали то же самое.

Допрошенные в качестве свидетелей иеромонах Иннокентий и Николай показали, что, хотя они и присутствовали при изъятии, но как священнослужители, и что ответственность за церковное имущество несут настоятельница монастыря Варсонофия и заведующие подворьем Мелитина и Евгения, и что опись одна общая на монастырь с подворьем и должна находиться при монастыре.

Космо-Дамиановский монастырь

21 мая 1922 года изъятие производилось членами комиссии по изъятию церковных ценностей в Космо-Дамиановском монастыре в присутствии благочинной Еликониды, пономарки Магдалины и иеромонаха Тихона. По словам присутствующих, настоятельница монастыря Варсонофия уехала в Симферополь на подворье, куда ею и увезена опись, а потому таковая представлена быть не может, и изъятие производилось по наличию, причем на некоторых иконах риз не оказалось, в том числе и на большой иконе «Благовещение». Как пояснили присутствовавшие, эти иконы были доставлены в монастырь без риз. Во время прибытия комиссии в монастырь пономарка Магдалина уносила спрятанную под платком икону, на которой была серебряная риза, и гвозди, прикреплявшие ризу к иконе, были частью вынуты. И, как пояснила смущенная Магдалина, икона переносилась для богослужения в другую церковь, а гвозди сняты потому, что риза чистилась мелом, но во все время пребывания комиссии, около трех

часов, служба не совершалась. Кроме того, монастырская обстановка произвела на комиссию удручающее впечатление. Среди старых монашек и молодого здорового иеромонаха находились почти дети — девочки лет от 12 до 16, изможденные, изнуренные, прячущиеся от мужчин. Монастырские кельи часто посещают неизвестные личности, спускающиеся с гор для того, чтобы покушать и даже иной раз переночевать, что создает впечатление, что это не монастырь, а притон для бандитов, подворье в Симферополе — связующее звено бело-зеленых. Согласно заключению секретаря комиссии Эндека, в монастыре должна быть опись всех подворий, а копия описи — при каждом подворье.

После изъятия ценностей настоятельница монастыря Варсонофия прислала на имя зампреда ЦК ПОМГОЛа по изъятию ценностей объяснение, в котором говорится: а) что опись церковного имущества унесена бандитами при ограблении монастыря 8 сентября 1921 года, о чем своевременно доносилось властям г. Алушты и епархиальной власти в Симферополе; б) что новая опись составлена не вскорости потому, что после ограбления монастыря бандиты еще посещали монастырь, и хотя в меньших количествах, но ограбили его. Не указав, что именно было унесено бандитами при повторных налетах и что имеется вчерне новая опись, к составлению которой приступили в конце февраля 1922 года, но еще не закончена к июню, и в) перечисляется количество и качество предметов, унесенных бандитами вместе с описью церковных ценностей; причем перечисленные в объяснении предметы не соответствуют рапорту на имя епархиальной власти от 10 сентября 1921 года, в коем указано гораздо меньшее количество церковных ценностей, чем в объяснении <...>.

В предъявленном им обвинении <...> себя виновными не признали и объяснили: 1). Обвиняемая Варсонофия: что при ограблении монастыря была взята и опись, которая хранилась в ризничном ящике в алтаре и после ограбления монастыря 8 сентября 1921 года новая опись не составлялась. В рапорте на имя архиепископа Никодима не были перечислены все церковные ценности, взятые грабителями, только лишь потому, что грабители сказали: «Если только вы донесете об ограблении, камня на камне не останется». Не правда, что иконы были без риз. Все иконы были с ризами, кроме «Благовещения», которую прислали без ризы. 2). Обвиняемая Еликонида: что <...> при ограблении монастыря были и посторонние лица в числе 5—7 душ, из коих один мужчина, не считая двух объездчиков, которых привели бандиты, и одного из них — Гарбузова — убили, а другой, оставшийся в живых, Стеймах,

свидетелем быть не может, потому что все они были заперты грабителями на кухне, и что опись взята в город Симферополь игуменьей Варсонофией, могла сказать молодая монашка Ариадна, которая не понимает, что такое опись, решив, раз игуменья в городе, значит, и опись в подворье. Малолетние девочки находятся в монастыре одни потому, что их бросили родители, а другие просто полечиться, и никто из неизвестных кельи монастыря не посещает и не ночует, а если кто и ночует, то для таких имеется гостиница. 3). Обвиняемая Магдалина: что опись при ограблении монастыря 8 сентября 1921 года была взята бандитами. Икону в день святого Николая приблизительно с 12 до 2 часов дня как особо чтимую переносила в другой храм дня служения. После ограбления монастыря 8 сентября 1921 года были еще налеты на монастырь, но что было забрано грабителями, не помнит. На вопрос, составлялась ли после ограбления новая опись, отвечает: да, составлялась, но не помнит, когда, и не знает, где она хранится <...>. Впоследствии отказывается от своих показаний и заявляет, что она ничего не знает. На вопрос, почему она сказала членам комиссии по изъятию церковных ценностей, что опись монастырская хранится в Симферополе в подворье, Магдалина ответила, что она не говорила, а впоследствии заявила, что она не помнит. Риза на иконе была прикреплена, и никто гвоздей не вынимал, и кроме иконы «Благовещение», на которой не было ризы, все иконы были с ризами. 4). Обвиняемая Наталья: что опись хранилась в ризнице в ящике, и после ограбления была составлена опись (акт) похищенного, которая хранится в монастыре в ризнице, и о том, составлялась ли другая, новая инвентарная книга монастыря, должна знать Евгения; опись же церковных ценностей подворья хранится в подворье, а может быть, и в монастыре, но в ризнице монастыря ее не было. Налеты на монастырь после 8 сентября 1921 года были, но не на церковь <...>.

Преображенская церковь

Когда сотрудник Наркомата РКИ в качестве представителя КрымЦИК Попандопуло предъявил священнику Молчанову мандат от 9 марта 1922 года за № 144/С на право изъятия им ценностей и попросил представить старую опись, настоятель заявил, что без собрания верующих ничего сделать не может, и просил прийти в 8—9 часов вечера. В назначенное время в храме оказалась масса народу, перед которым на возвышении стоял настоятель. Священник Молчанов, представив сотрудника прихожанам, заявил, что после краткой молитвы можно будет приступить к изъятию. Прихожане

смотрели на сотрудника весьма недружелюбно, и, когда после молитвы священник спросил их, что они могут дать, ответом был полный отказ с заявлением, что они сами голодают и т. д. Обсуждение длилось около получаса, и, когда один из присутствующих вступил в защиту голодающих, сотрудник предложил священнику предъявить старую опись, на что получил ответ, что старой описи нет, а есть новая, а на вопрос сотрудника к прихожанам, дадут ли они что-либо, священник вспомнил, что в архиве есть старые ризы с икон, каковые и можно выдать без ущерба. Присутствовавший староста Салтиссек все время шнырял около прихожан и шептал им что-то на ухо. Был составлен акт, подписанный настоятелем, старостой и дьяконом Злюченко, председателем приходского совета и двумя представителями мирян. Изъято было пять риз с икон из 17 и пять светильников из семи. Утварь оказалась не ценной. Заявлено в акте о двукратном ограблении церкви, когда и была унесена ценная утварь; опись составлена в декабре 1921 года, и о выдаче указанного был составлен протокол общего собрания прихожан. К делу приобщено отношение приходского совета настоятеля Молчанова в Президиум союза правления церквей г. Симферополя от 23 марта сего года за № 32 с приложением акта приходского совета от 21 марта сего года о том, что старая опись и летопись пропали при выселении причта из квартиры и что ценная утварь была унесена во время имевших место в храме краж в сентябре 1921 года и феврале 1922 года, о чем сообщалось в угрозыск.

При втором дополнительном изъятии, давшем, кроме 23 риз с икон разных размеров, 6 лампад и обложки с Евангелия, произведенном заместителем председателя комиссии Шведовым и членом комиссии Ковалевским. Когда комиссия решила снять ризы с икон главного алтаря, священники всячески препятствовали этому, выражая негодование, называя это кощунством, заявляя, что к таким мерам власть никогда не прибегала, и выражали сомнения в цели изъятия. Так как все это действовало возбуждающе на все увеличивающуюся толпу народа, комиссия была вынуждена предупредить священника, что он будет взят заложником, если не уймется, после чего он успокоился, а толпа стала расходиться. Когда потребовались мешки, то дали только по настоянию комиссии. При ревизии канцелярии епископа был обнаружен рапорт священника Молчанова о краже ценной утвари и других вещей в храме 16 сентября 1921 года. На запрос в угрозыск получена справка, что об ограблении Преображенской церкви было заявлено 4 марта 1923 года.

Спрошенные в качестве обвиняемых:

1) настоятель храма, он же председатель приходского совета

священник Молчанов Константин Васильевич в: а) сокрытии описи и церковных ценностей, б) агитации против изъятия церковных ценностей, в) сопротивлении изъятию церковных ценностей, г) ведении активных мероприятий против изъятия, д) подстрекательстве прихожан против изъятия церковных ценностей. 2) дьякон, он же секретарь приходского совета Зинченко Иван Макарович в: а) соучастии в сокрытии церковных ценностей, б) ведении пассивной обороны против изъятия. 3) сторож Зискин Антон Аверьянович, 4) сторож Качанов Дмитрий Зиновьевич — в том же <...>.

Трехсвятительская церковь

Изъятие производилось по мандату от 9 марта за № 144/С представителем КрымЦИК сотрудником Наркомата РКИ Попандопуло 10 марта в присутствии настоятеля храма священника Маркова и представителя прихожан Монастырлы Харлампия Афанасьевича, Углицкого А.Н., Герасимовой А.А. Была предъявлена опись 80-х годов, по которой налицо не оказалось много ценной утвари и предметов. По заявлению настоятеля, часть предметов была украдена 13 декабря 1921 года и в ночь на 9 марта 1923 года часть конфискована Особым Отделом 4-й Армии при размещении военного госпиталя в помещении санатория, в котором находилась церковь.

Оправдательных документов предъявлено не было. Отношение к изъятию было сочувственное, и священник Марков отказался от серебряной утвари, заявляя, что он может служить при металлической. При втором, дополнительном изъятии зампредом комиссии Шведовым и членом комиссии Ковалевским присутствовал один настоятель священник Марков. Было взято все оставленное при первом изъятии, все находилось на квартире настоятеля, объяснившего это опасением кражи, так как таковая имела место недавно, и в церкви был действительно беспорядок. Согласно заключению комиссии по делу изъятия Эндека, церковь эта старая, в ней должны быть ценности, но охранялась она слабо и потому бывали кражи. Согласно справкам угрозыска о краже в Трехсвятительской церкви в ночь на 9 марта было заявлено и возбуждено дело у нарушителя 2-го участка.

Спрошенные в качестве обвиняемых:

1) настоятель храма, он же председатель приходского совета священник Марков Дмитрий Константинович, 2) староста Монастырлы Харлампий Афанасьевич, 3) помощник старосты Герасимова Анна Александровна в: а) сокрытии церковных ценностей и небрежном хранении их — виновными себя в вышеуказанных преступлениях не

признали и объяснили: 1) обвиняемый Марков Дмитрий при изъятии заявил ввиду отсутствия ценностей, что часть была конфискована Особым Отделом 4-й Армии до его вступления в должность в январе 1921 года, а затем остальные унесены при кражах: в декабре 1921 года и в марте 1922-го, и о последней краже представил акт в угрозыск. Ввиду того, что при первой краже не заявил в милицию, признавая, что действительно допустил оплошность, готов, если трибунал согласится и помогут прихожане, внести стоимость украденного <...>.

Допрошенный по делу в качестве свидетеля механик — шофер Крымского военкомата Лабейт Оскар Августович показал, что он был членом группы содействия в РКИ при госпитале и участвовал при осмотре помещения семинарии, где была обнаружена комната, замкнутая за церковной печатью. В ней оказалось церковное имущество. Тогда было сообщено в Особый Отдел 4-й Армии, и церковное имущество было передано в Центральное управление курортами Крыма. Последний на таковое ответил, что документов на поступление к ним ценностей в политчасти не имеется. При ревизии канцелярии епископа обнаружен рапорт священника Маркова по краже в декабре 1921 года.

Николаевская церковь (бывшая Военно-Гарнизонная, ул. Розы Люксембург)

Командированному для изъятия представителю КрымЦИК сотруднику Наркомата РКИ Алексееву в первый день не удалось собрать лиц, ведающих церковным имуществом. На следующий день, 10 марта, был приглашен настоятель Апександро-Невской церкви протоиерей Игнатенко, оказавшийся временно прикомандированным исполнять обязанности священника при Николаевской церкви. Изъятие было произведено в присутствии председателя приходского совета Волкова, старосты Корчагина и прихожан З.Н.Капаева и Ховращенко и А.Ф.Александрова (настоятель церкви священник Бычковский так и не явился). Старой описи не оказалось. Была представлена новая опись, в которой качество предметов было не обозначено. Ценности выдавались по решению собравшихся прихожан, большей частью женщин, за спинами которых прятались представители храма. Подтверждая решения прихожан, заметно было стремление дать как можно меньше. Приходилось торговаться, например, несмотря на то, что для замены серебряной чаши была металлическая позолоченная, серебряную пришлось оставить, равно как и другие ценные предметы церковной утвари. При производстве второго дополнительного

изъятия, произведенного заместителем председателя комиссии Шведовым и членом комиссии Ковалевским, настоятель Бычковский отсутствовал и в этот раз. Присутствовали протоиерей Игнатенко и староста Корчагин. Выяснилось, что наличие даже не совпадало с недавно составленной старостой описью, а в пономарке было найдено 23 иконы, с 19-ти ризы уже были сняты неизвестно кем и незадолго до изъятия. А кроме того, оказалось, что староста припрятал два серебряных венца и дарохранительницу. Венцы были запряты за иконой «Моление о чаше», а дарохранительница — в алтаре на Горнем месте, о чем и был составлен протокол и сообщено в ГПУ, и церковь была опечатана. При обыске у старосты обнаружено письмо на имя Корчагина священника Троицкого, из которого видно, что он выехал из города Симферополя в Москву в 20-х числах февраля

1922 года. Кроме того, что настоятелем церкви Николаевской был Баженов Сергей, что ключи от ризницы находятся «на окне, где книги», и там же в ризнице хранится опись имущества, и что недостающие ценности, в том числе иконы и серебряный крест, взяты Баженовым, на что имеются расписки, а список украденных из церкви вещей находится у епископа. Список других вещей передан Корчагину. В сторожке остались таз и кувшин, а другой кувшин взят каким-то «Борисом Ивановичем». О том, что он оставил все в порядке, просит сообщить в совет. Согласно заключению секретаря комиссии Эндека, в том храме хранились ценности другой полковой церкви и военнокладбищенской. Должно быть много серебряных вещей, серебряных напрестольных крестов и Евангелий. При белых храм охранялся караулом, так что кражи в то время не могло быть.

При ревизии канцелярии епископа обнаружено два рапорта: 1) настоятеля храма Бычковского и бывшего настоятеля Троицкого о кражах 6 июля и 10 марта сего года. О кражах в угрозыск заявлений не поступало, хотя в рапортах указано, что таковое было сделано.

Допрошенные в качестве обвиняемых <...> виновными себя не признали и объяснили: 1). Обвиняемый Бычковский Анатолий Константинович назначен заместителем священника Троицкого 7 марта, состоял таковым до 8 апреля 1922 года. Ни старой описи, ни церковного имущества не принимал, не считал себя настоятелем. Принял по описи, составленной при изъятии, и руководствовался ею. Кражи произошли между 19 и 22 марта, так как ценности похищены не были, то не может быть обвинен в симуляции. Активной обороны не вел. 2). Обвиняемый Игнатенко Димитрий [Феофанович] во время первого изъятия присутствовал совершенно случайно, будучи приглашен с улицы старостой. Сняв с алтаря и ризницы ценные предметы, показал их комиссии и ушел, отказавшись от дальнейшего

участия в деле изъятия и подписи акта как лицо постороннее. В эту церковь с ведома епископа был приглашен старостой для богослужения и треб, и никаких других обязанностей ни тогда, ни теперь по церкви не имел. Как настоятель другой, Александро-Невской церкви и как временно прикомандированный к первой до возвращения из Москвы священника Троицкого <...>, был приглашен на второе дополнительное изъятие и подписал акты. Сам же заявил комиссии, что в пономарке имеются иконы в большом шкафу, чем скорее способствовал делу изъятия. О спрятанных церковным старостой вещах не знал. Присутствовал при третьем изъятии потому, что после второго изъятия ключи комиссией были переданы ему <...>.

Скорбященская церковь

Все ценности, находившиеся в означенной церкви, были сданы согласно постановлению членов общины церкви от 15.XI.1922 г. до прихода комиссии по изъятию.

Церковь Рождества Богородицы (при больнице Таранова-Белозерова)

Изъятие производилось 11 марта 1922 года представителем КрымЦИК сотрудником Наркомата РКИ Алексеевым на основании мандата от 9/1II с.г. за № 144/С в присутствии настоятеля протоиерея Мезенцева, товарища председателя приходского совета Якимова и члена Мазанько. Старой описи не оказалось, была предъявлена опись, составленная 28 сентября 1921 года, по каковой и производилось изъятие. Настоятель, пригласивший для неизвестной цели на изъятие сиделок и сотрудников больницы, без прихожан не решался выдать ценности, в силу чего и заявил, что часть вещей украдена 21 февраля сего года, чаша и дискос необходимы для богослужения, что часть икон принадлежит прихожанам; изъято было незначительное количество ценностей. 12 же марта состоялось собрание прихожан в числе 54 человек, на коем было постановлено выдать лом серебра в незначительном количестве и 8 риз с икон, сосуды же, необходимые для богослужения, икона Тихвинской Божией Матери, киот с 7-ю небольшими иконами и иконы прихожан признаны не подлежащими изъятию. Первая как пожертвованная при учреждении больницы, вторая — устроителя богадельни при больнице и третьи — как сданные на хранение прихожанами и им принадлежащие. Согласно этому постановлению, не было 13 марта тем же представителем КрымЦИК произведено изъятие. Во время производства дополнительного изъятия комиссия в лице зампреда Шведова и члена Ковалевского встретила протоиерея Мезенцева и решила сейчас же пойти для вторичного обследования его храма, но настоятель заявил,

что идет на кладбище и дополнительное изъятие было установлено произвести в 10 часов утра следующего дня. Когда комиссия около 7 часов вечера возвращалась с работы и опять проходила мимо больничной церкви, подойдя к ней, нашла застекленную дверь и церковь запертой, а деревянную — открытой. В храме был свет, и на стук показался настоятель Мезенцев, сказав «сейчас», ушел внутрь храма, хотя ключ был в дверях. Когда один из членов комиссии подошел к другой, застекленной двери, ведущей в коридор больницы, в нее кто-то заглянул изнутри храма и спрятался. По возвращении его к первой двери последняя уже оказалась открытой, и другой член комиссии, Ковалевский, вошел в храм, где были священник, его сын лет 13, пономарь и уборщица. Около свечного ящика валялась кружка, ящики, на кассе — бумага, свертки, и священник объяснял это подготовлением для облегчения работы комиссии, каковая немедленно приступила к изъятию по временной описи, за отсутствием инвентарной книги, причем священник всячески противился изъятию, делая заключения, что они будут бесконечны, а когда комиссия предложила ему помогать изъятию, он, называя таковое кощунством и поношением, отказался, и только после заявления, что он будет взят заложником в случае дальнейшего противодействия, вынужденный, стал помогать. Когда понадобились инструменты и по настоятельному требованию комиссии пономарь пошел за ними, а уборщица вошла одновременно в дверь, ведущую в коридор больницы, не прошло и двух минут, как раздался набатный звон. Священник заявил, что он не знает, что это, и в то же время в храм стали заходить возмущенные граждане, а на вопрос, кто ударил в набат, вошедшая женщина заявила, что она, так как ей сказали, что церковь грабят, а кто сказал, не указала, заявив, что это для комиссии безразлично. Узнав, что в храме комиссия по изъятию, граждане разошлись. Ударившая в набат была задержана, и оказалась заведующей хозяйственной частью больницы. При проверке свертков в кассе в них оказались деньги из кружек с надписью «в пользу голодающих», в которых еще оставались медные деньги. Надписи «в пользу голодающих» были надломлены и наполовину сняты. Была обнаружена кладовая при коридоре больницы, в которой были свежие следы снятых икон и иконы, с которых были сняты ризы. Согласно заключению секретаря комиссии по изъятию Эндека, Мезенцев служит в храме лет 20. Должен был следить и знать обо всем, как и за описями. Храм должен быть богат.

Спрошенные в качестве обвиняемых:

<...>1). Обвиняемый протоиерей Мезенцев Николай: ризы с икон и сосуды не были выданы при первоначальном изъятии согласно

постановлению прихожан от 12 марта, вынесенному после литургии. Никаких сотрудников в храм при изъятии не приглашал. Опись до 1917 года представить не мог потому, что таковая находилась у старосты — строителя больницы Панченко, а по его смерти в 1919 году

— у его сына, который в 1920 году при вступлении красных войск в Крым уехал неожиданно за границу, а имущество его было реквизировано, и опись пропала. На предложение встретившихся членов комиссии Шведова и Ковалевского сейчас же произвести изъятие ответил, что должен идти на кладбище и условился приступить к изъятию в 10 часов утра следующего дня, а когда сообщил об этом псаломщику, то решили оба, как служащие в учреждениях, приготовить все ценности с вечера, чем и занялись, а когда пришла комиссия, то пошел взять ключи, чтобы впустить ее членов. В это время в церкви производилась уборка. Свертки бумаги были вынуты из ящиков, чтобы достать находившиеся под ними иконы. Кружки были на замках. Там было около 12 рублей медью, собранных еще с 1914 года в пользу голодающих. Деньги не были сданы в ПОМГОЛ, так как говорили, что медь не принимают. Набатного звона даже не слышал, а Прокофьева сказала, что звонила, так как сообщили, что церковь грабят. Входили в церковь служащие больницы. Преппирательств не было, не называл изъятие кошунством, не говорил, что изъятия будут бесконечны. Просил, чтобы не снимали ризы с икон — дар строителя больницы Панченко, так как в скором времени должно было быть 100-летие больницы, а икона была единственной памятью. Также и с другой иконой как данной на хранение, на что представил расписку, но комиссия не обратила на нее внимания. Ризы с икон в кладовой были сняты во время первого изъятия, оставленные иконы и поломанные лампадки давно были снесены туда уборщицей, и она уже забыла о них. Сын Сергей, служивший по мобилизации у добровольцев, расстрелян в Севастополе в 1920 году.

2). Обвиняемый Базеев Михаил Ефимович, псаломщик: при первом изъятии он не был, но священником было заявлено собранию верующих, что 12 марта состоится изъятие, и прихожане после литургии вынесли постановление: просить комиссию оставить дары строителя больницы и другие предметы. Когда возвращались с кладбища, священник сообщил, что на следующий день в 10 часов утра состоится второе изъятие, и сожалел, что не будет никого из членов приходского совета, и просил его прийти, но он отказался как состоявший тогда на службе в учреждении. Тогда Мезенцев предложил прийти сейчас же в церковь и приготовить ценности, где в это время шла уборка. Какие ценности имелись, обвиняемый не знает,

так как к этому делу он как псаломщик и регент не причастен. Ему священник предложил заняться разборкой шкафчиков с нотами, книгами и металлическими подсвечниками, а сам стал разбирать свечной столик. Но не прошло и 10 минут, как кто-то постучал. Священник узнал, кто, взял ключ и открыл дверь.

Допрошенная в качестве свидетеля Мазенко Анна Ивановна показала, что с улицы вошли человек 10—12 и возмущались изъятием, но священник сказал, чтобы не мешали, и возмущавшиеся ушли, а затем и остальные. Прокофьева, когда у нее спросили про звон, сказала, что звонила на чай <...>.

Николаевская церковь (Екатерининская улица)

Изъятие производилось представителем КрымЦИК сотрудником Наркомата РКИ Бондаренко 9 марта 1922 года в присутствии настоятеля церкви протоиерея Бессонова, членов приходского совета Ермакова Тихона Кузьмича, Комбурля Александра Петровича, Кудрякова Тихона Сергеевича, причем, согласно данным инвентарной книги, оказалась недостача: крестов — 3, сосудов — 2, дарохранительниц — 2, которые согласно заявлению причта были похищены, в подтверждение чего был представлен акт, подписанный настоятелем, старостой и двумя прихожанами с заявлением, что о краже было сообщено в угрозыск, что подтвердилось сообщением угрозыска на запрос, но ввиду незначительного количества изъятых в этой церкви ценностей первый раз, 12 марта 1922 года было произведено дополнительное изъятие и найдено значительное количество церковных ценностей, в числе коих оказались и два напрестольных креста; и неделю спустя настоятель Бессонов явился в комиссию и заявил, что у него на складе имеется церковное имущество закрытых трех церквей: тюремной, Адлербергской и Фабра, и при осмотре того же числа, то есть 19 мая, из этого имущества было изъято значительное количество ценностей. На вопрос, почему он, настоятель, не заявил об этом при дополнительном изъятии, то есть 12 мая, протоиерей Бессонов ответил, что у него не был подготовлен материал, списки и расписки о передаче части этого имущества другим церквям, обещал их подготовить. К делу представлены заявления церквей из округа о предоставлении им необходимых богослужебных предметов из поименованных выше закрытых церквей с резолюциями епископа о выдаче после опубликования декрета об отделении церкви от государства, но с неудовлетворительными документами в получении хранимого, причем все имущество закрытых церквей было принято настоятелем Николаевской церкви, но сдано на хранение

приходскому совету.

Спрошенные в качестве обвиняемых <...>:

1) .Обвиняемый Бессонов Николай Иванович: представителю КрымЦИК была представлена подробная опись 1912 года, но изъятию по его заявлению подлежат предметы, без которых можно обойтись при богослужении, и, несмотря на это, полный евхаристический прибор, который ни в одной церкви Симферополя в первое изъятие изъят не был, был сдан. Производивший изъятие в Архиерейской церкви поставил в пример Николаевскую. Сдана была риза с иконы особо чтимой Иверской Божией Матери, по указанию обвиняемого снятая членом совета Яковлевым. Выдано было единственное кадило, которое нечем было заменить. С 24 апреля в храме было прочитано послание Патриарха Тихона о содействии изъятию, и в этот же день состоялось заседание приходского совета, на котором постановлено было выдать, если потребуется, ценности. Был устроен сбор, давший пять миллионов рублей, и, кроме того, как благочинный Симферопольского округа, организовал сбор по другим принтам, давшим пятнадцать миллионов рублей в пользу голодающих. Все деньги сданы по квитанции представителям комиссии ПОМГОЛа второго изъятия, хоть и не нужно было, так как у нее была опись, указывавшая на бывшую в 1921 году кражу как на причину недостающих ценностей по описи. Акт тоже был у комиссии. Ухищрений никаких не проявлял, и не было смысла, так как все было на виду. Не клялся, что ценностей больше нет, просто сказал, что нет, и сказал правду, так как действительно в церкви их не было, что же касается имущества ликвидированных церквей, то оно дома в особом помещении, и я считал это особым делом, где так оно и значилось у члена комиссии Шведова. Имущество этих домовых церквей при приходе советских войск <...> было брошено на произвол судьбы,, и он, Бессонов, как благочинный сохранил его. На своих плечах переносил, составил описи и хранил. Не заявил еще и потому, что нужно было привести в порядок документы, касающиеся этого имущества, сам заявил о нем, и имущество было сдано 19 мая, причем сдана большая ценная риза с иконы приходского совета, ранее нигде не записанная, если бы было желание укрывать, то возможно было бы, но этого не сделано. 3 июня сдана была еще одна серебряная риза. 21 декабря 1921 года было служение в церкви, и, так как должна быть вечерняя служба, то ключи оставил у сторожа Алехина, но часа в 4 он пришел и заявил, что он пошел убрать церковь и заметил беспорядок в ней, вещи разбросаны по полу, когда пришли в церковь, там была картина разрушения: двери, запиравшиеся изнутри, выходявшие во двор, оказались открытыми. Послал за старостой, она заявила в

ОРТЧК, сказали, не их дело, заявление в милицию и розыски оказались бесплодными. Агент не явился, и только на второй день привели все в порядок. Воры вошли через парадную дверь, и двое мальчиков, проходивших мимо храма около 5 часов, видели, как какой-то мужчина вынес узел из храма.

Вторая кража была 5 мая, и взяты были преимущественно металлические вещи и серебряный напрестольный крест <...>.

Четырехсвятительская церковь (крестовая при архиерейском доме)

Изъятие производилось представителем КрымЦИК сотрудником Наркомата РКИ Бондаренко по мандату от 9 марта 1922 года за № 144/С в присутствии настоятеля иеромонаха Герасима, секретаря приходского совета Салькова и членов Тигрова и Чеха по представленной описи, но из числящихся по таковой ценных предметов налицо оказалась только одна чаша с полным прибором, оставленная в храме. Все остальное по заявлению присутствующих представителей храма было похищено в ночь на 23 ноября 1921 года. При дополнительном изъятии, произведенном зампредом комиссии Шведовым и членом Ковалевским, кроме оставленной в первое изъятие чаши с прибором, были обнаружены две пары серебряных обложек с Евангелия. Экссессов при изъятии не было.

Согласно заключению секретаря комиссии Эндека, старая опись при церкви должна быть. На запрос во второй рейд Симферопольской гормилицией, куда по заявлению присутствующих при изъятии было подано заявление о краже в храме в ночь на 23 ноября 1921 года, отвечено, что заявления не поступало. При произведенном в ризнице храма обыске были обнаружены только аннулированные денежные знаки бывших правительств. По выяснении, что при церкви, кроме указанных в описи ценностей, должны быть еще большая серебряная риза с иконы Божией Матери «Троеручица», серебряный кувшин с блюдом для омовения и посох с серебряными украшениями, и что об этих ценностях должен знать бывший эконоом и настоятель церкви. Настоятель Инкерманского монастыря в Севастополе архимандрит Венедикт следователем был вызван к допросу и представил сообщение епископа Никодима от 9 августа с/г за № 967 о том, что всем, проживающим в архиерейском доме, предъявлено обвинение в сокрытии кувшина, блюда и ризы с иконы Божией Матери «Троеручица», что кувшина и блюда он ни разу не видел и просит сообщить, где они находятся, и адресованное в Таврический Епархиальный Совет за № 182 от 28 октября 1921 года сношение,

отпечатанное на пишущей машинке с подписью: «Епископ Севастопольский Вениамин» в той же должности с довоенной печатью и орлом, сообщение о том, что риза с иконы Божией Матери «Троеручица»,

кувшин и блюдо, находившиеся в его пользовании с прошлого года, забраны им за границу для богослужения. Вызванный для сравнения подписи на этом документе с подписью «еп. Вениамин» под резолюцией его от 9 июня 1919 года на воззвании Патриарха эксперт из Наркомпроса Рожков П. пришел к определенному заключению, что подписи эти сделаны не одним и тем же лицом.

Означенное выше воззвание — единственный документ с подписью Вениамина — было обнаружено при епископской канцелярии, где был приведен и доклад эконома иеромонаха Герасима (без даты) о краже посредством взлома внешней церковной двери со двора храма с перечислением похищенных священных предметов с резолюцией епископа «Канцелярии для сведения» от 26 ноября 1922 года.

Допрошенная по делу в качестве свидетельницы бывшая сотрудница Ревтрибунала Васильева Ольга Алексеевна показала, что в начале декабря 1921 года при отправке архивных дел понадобилась свеча, и она вызвалась пойти в архиерейский дом попросить у иеромонаха Иринарха таковую, где нашла что-то делавших при помощи молотка у входной двери церкви со двора. Она узнала, что у них ночью были воры и сломали дверь и унесли две чаши, репиды, дикирии, трикирии и другие мелкие вещи.

Свидетель иеромонах Харитон, он же Кравец Харитон Тимофеевич, показал, что в первых числах декабря 1921 года он по распоряжению епископа с очередным сторожем храма в 6 часов утра обнаружил, что дверь со двора приоткрыта и заперта на один извод, ключа в дверях не было. Дал знать эконому Владимиру, заместителю, эконома отцу Герасиму и все трое — епископу. От этой двери было два ключа: один находился у монаха Владимира, другой — у иеромонаха Герасима. Изнутри дверь запиралась деревянным стержнем и снаружи не могла быть открыта. Когда производили осмотр, то владыка будто был доволен кражей. В храме были следующие ценные предметы: ризы иконы «Троеручица», кадила, дикирии и трикирии, три креста, один золотой, два серебряных, десять лампад, из коих часть была серебряных, одна лампада у иконы «Троеручица», три чаши с приборами и две репиды и дарохранильница, кувшин, поднос и посох, две дюжины чайных ложек, две дюжины столовых, две дюжины вилок и две дюжины ножей — все серебряное. И о всех предметах знает епископ Никодим, настоятель, а также эконом Герасим, монах

Владимир, иеромонах Феодосий и иеромонах Варсонофий, бывший эконоом Венедикт, Сальков и иеромонах Иов. Свидетель видел, как уезжал епископ Вениамин, ничего он с собой не брал, да и времени на то не было, так как спешил спасти самого себя от вступивших в Крым красных. Беженцы, к которым принадлежат епископ Никодим и иеромонах Герасим, явившись в Симферополь, делали и брали, что хотели, завоевав себе положение при Врангеле, даже забрали себе жен духовенства. При сдаче имущества церкви и дома Вениамина иеромонаху Герасиму, кроме последнего, присутствовали монах Владимир, секретарь приходских советов Тигров. Свидетель, будучи священнослужителем около 10 лет, был отстранен епископом Никодимом за то, что обвинял его, Никодима, в том, что он заматал кружку.

Свидетель иеромонах Иов, он же Волощук Иларион Гаврилович, показал, что кража могла быть тогда, если бы был сломан деревянный стержень, закрывавший вход изнутри церкви.

Допрошенные в качестве обвиняемых:

1) архиепископ Никодим, он же Кротков Николай Васильевич, в хищении церковных ценностей и симуляции кражи таковых, 2) секретарь церковноприходских советов Сальков Евгений Васильевич в сокрытии описи, хищении ценностей и симуляции кражи таковых, 3) староста монах Владимир, он же Акиншин Василий Васильевич <...>

4) псаломщик церкви иеромонах Варсонофий, он же Татиевский Венедикт Дорофеевич, 5) настоятель Инкерманского монастыря архимандрит Венедикт, он же Чеботарев Владимир Максимович — в подделке документа в целях сокрытия церковных ценностей, 6) настоятель Ново-Георгиевского монастыря архимандрит Дамаскин, он же Цедрик Дмитрий Дмитриевич — в подделке документа с целью сокрытия ценностей — виновными себя в предъявленных обвинениях не признали и объяснили:

1). Обвиняемый Кротков не знает и не помнит, какие были ценности в храме, какие были украдены, кто принимал, кто сдавал. Настоятелем храма состоит иеромонах Герасим, обвинение монаха Харитона считает сведением личных счетов.

2). Обвиняемый Каежко — к архиерейской церкви прикомандирован временно, хотя и числится настоятелем, имущества и описей не принимал, опись до его вступления пропала в квартире бывшего настоятеля Венедикта Чеботарева.

3). Обвиняемый Сальков — секретарем совета с 1919 года. Все документы церковные находились у бывшего настоятеля архимандрита Венедикта, в том числе и опись, пропавшая по выселении его из квартиры. О краже сам ходил заявить в милицию, где дали агента,

производившего дознание. О столовом серебре слышал, но где оно — не знает.

4). Обвиняемый Акиншин — староста 40 лет. Никакого отношения к церковному имуществу не имел. Столовое серебро хранится у него, об этом никто не знал, а если узнали бы, то растащили, так как со времен революции кто что хотел, то и делал.

5). Обвиняемый иеромонах Варсонофий, он же Татиевский, в архиерейском доме служит с 1916 года, никаких ценностей не видел и ничего не знает. Стержень, которым запиралась входная дверь и храм со двора, был деревянным, и под напором открывающего дверь при краже стержень не сломался, а выскочил из скоб.

6). Обвиняемый архимандрит Венедикт Чеботарев — экономом и настоятелем церкви был до августа месяца 1921 года. Кувшин, блюдо и ризу с иконы «Троеручица» забрал епископ Вениамин. Представленную при этом расписку Вениамин взял с собой, а не сдал при сдаче имущества храма новому настоятелю Герасиму, потому что не знал, что это нужно было сделать. Все имущество сдал по описи. О расписке Вениамина знает его личный секретарь Тигров. Столовое серебро должно храниться у иеромонаха Герасима.

Обвиняемый Чеботарев в присутствии благочинного города Симферополя Бессонова сознался в том, что расписка Вениамина подложна, что его, Чеботарева, впутали в это дело, но затем при допросе и на очной ставке с Бессоновым отказался от этих слов.

7). Обвиняемый архимандрит Дамаскин Цедрик — он передал Венедикту письмо епископа Никодима относительно кувшина, блюда и ризы, содержание коего полностью узнал при прочтении его Венедиктом. Последний ответил епископу письмом и советовался с ним, Цедриком, насчет редакции этого письма.

Допрошенный в качестве свидетеля бывший секретарь епископа Вениамина Тигров Владимир Иванович показал, что пишущей машинки в то время, когда помечена расписка Вениамина, то есть в октябре 1920 года, у них не было, он расписки Вениамина на кувшин, блюдо и ризу не печатал. Никогда Вениамин не подписывался так, как в расписке, да и подпись не похожа на его.

(Изъятия продолжались и в последующие годы. — *Авт.*).

Херсонесский монастырь

Настоятель о. Вениамин, настоятель Херсонесской общины архимандрит Дионисий (Чудновец).

16 ноября 1922 года был заключен договор с общиной верующих. Но товарищ Богданов (завотуправ) на основании того, что монастырь

и его имущество имеют историческую, художественную и прочую ценность, и на основании декретов отделения церкви от государства и постановлений НКВД — монастырь должен быть ликвидирован «в целях более рационального использования находящихся зданий в районе городища, который с каждым днем разрушается... Недопустимо, что по городищу ходят посторонние, то есть верующие, а в соборе совершается даже богослужение. Апрель, 1924 год».

Из отзыва о ходе работы церковного стола Севастопольского горрайисполкома за октябрь 1924 года. Запрос в ГПУ Крыма 25.XI.1924 года.

4) . В ликвидированном Херсонесском монастыре есть два ковчега с мощами «святого Владимира и мучеников». Верующие просят их им выдать. Сообщите, как поступить. Может быть, создать комиссию и приступить к вскрытию мощей в присутствии самих верующих, дабы разоблачить обман.

Руководитель церковного стола *Канавин*

17/X. 1924 года

В ЦАУ

Секретно

Крымнарпрос просит ЦАУ назначить комиссию для передачи соборов в бывшем Херсонском монастыре, равно дать распоряжение с выселении из монастыря всех монахов и посторонних Охрису лиц. Основание: постановление КрымСНК от 27/VIII с.г. №63 и Президиума КрымЦИК № 28 от 2.X.1924 года.

Наркомпрос

Ногаев

Зав. КрымОхрис

Полканов

Секретарь НКП

Сальков

24.X.1924 года Севастопольскому исполкому

Срочно

О выселении монахов

Во исполнение постановления СНК Крыма от 26/IV. 1923 года (протокол № 43 и 18) ЦАУ Крыма сообщает, что Вам надлежит выслать из бывшего Херсонесского монастыря всех проживающих в нем монахов и посторонних Охрису лиц.

По исполнению сообщить.

Нач. Центр. Адм. Упр. Крыма

Лаубе

Нач. Административного отдела

Крымский

Инструктор церковного стола

Тавровский

X

Херсонесский монастырь. Фото начала XX века

24 октября 1924 года

Совершенно секретно

Нач. ЦАУ тов. Лаубе Препровождая отношение ТЕУ за № 532, просим оказать содействие в отпуске указанных вещей ТЕУ, так как без этих вещей обновленцы обойтись не могут.

Зам. председателя ГПУ Крыма

Торопкин

В Центральное Административное Управление Крыма

Начальник 1 отделения

Рождественский

Тавр. Епархиальное Управление 16.X. 1924 г.

№ 532

Ввиду закрытия церквей в бывших монастырях Херсонесском и Георгиевском, ТЕУ просит ЦАУ сделать распоряжение о передаче ТЕУ имеющегося в означенных церквях архиерейского облачения и предметов, употребляемых при архиерейской службе, а именно: ризы, митры, мантии, репиды, дикирии, орлецы, книгу «Чиновник», архиерейские ковры, дорожки, кресла. Предметы эти крайне необходимы для Симферопольского кафедрального собора.

Председатель ТЕУ *подпись*

(Соответственно Лаубе, Крымский, Тавровский принимают решение о выдаче означенных вещей обновленцам. Православные обращаются к ним же с просьбой оставить им храм Семи Священномучеников, не представляющий ни исторической, ни художественной ценности. — *Авт.*)

13.XII.1924 г.

В ЦАУ

Секретно

В ответ на ваш запрос от 25/XI сего года за № 4229/С сообщаем, что малый храм, так называемый Семи Священномучеников,

5.XI. 1925 г.

Крымскому Центральному Исполнительному Комитету по запросам о хранении вскрытых мощей
Центральное Административное Управление Крыма сообщает, что в бывшем Херсонесском монастыре близ города Севастополя находятся вскрытые мощи.

В настоящее время в связи с окончательной ликвидацией этого монастыря стал вопрос о дальнейшей судьбе вскрытых мощей.

Передавать их верующим, как и всякое чисто культовое имущество не имеет никакого смысла, так как это даст возможность служителям культа на деле побудить верующих к отрицательному отношению к власти и будет служить поводом к разжиганию религиозного фанатизма. Места хранения мощей в Крыму нет, а потому Центральное Административное Управление Крыма просит выяснить во ВЦИК и сообщить, не имеется ли в центре специального места их хранения, и в утвердительном случае сообщить, каким образом их туда доставить.

Нач. Центр Административного Управления Крыма *Лаубе*
Начальник Административного отдела *Кигатов*
Руководитель Стола религиозных культов *Тавровский*

(Монастырь окончательно передан музею 25 ноября 1925 года.
— Авт.).

9.XII.1925 г.
Севастопольского Исполкома

Председателю

Совершенно секретно
С запросом о проверке наличия мощей в бывшем Херсонесском монастыре.

По имеющимся в ЦАУ Крыма непроверенным сведениям, в бывшем Херсонесском монастыре к моменту вскрытия мощей было больше мощей, чем имеется в настоящее время.

Ввиду изложенного ЦАУ Крыма просит Севастопольский РИК совместно с местным отделом ГПУ проверить изложенное выше и о результатах поставить в известность ЦАУ Крыма.

Начальник ЦАУ *Лаубе*
Начальник Адм. отдела ЦАУ *Кигатов*

Рук. Стола Религ. культов *Тавровский*

31 .XII.1925 г. ЦАУ Крыма

Секретно

Секретариат Президиума КрымЦИК согласно отношению ЦИК № 123 а/кс от 22. XII. 1925 года сообщает, что вскрытые мощи в бывшем Херсонесском монастыре должны быть оставлены в нем же, ввиду того, что Херсонесский монастырь перешел в ведение Главнауки как музей.

Секретарь КрымЦИК

Япиев

Зав. секр. частью

Сергеев

1.11.1926 г. В административный Отдел ЦАУ Крыма СовРИК сообщает, что по описи собора бывшего Херсонесского монастыря числится мощей: 1). Палец Владимира, 2). Доска с разными частями (в количестве 94 частиц) и 3). Маленький металлический крест, в котором хранится частица неизвестного святого. Секретарь РИК Зав. частью

Мичулин

Тэц

Выписка из протокола № 10 заседания Центральной Церковной (культовой) Комиссии при Президиуме КрымЦИК г. Симферополь. Слушали:

4)Ходатайство верующих о передаче им 4). 10 декабря 1926 вскрытых мощей из бывшего Херсонесского года постановили: монастыря — ныне музей для посещения — ходатайство в одну из церквей г. Севастополя верующихотклонить, (заявление верующих № 15970 и заключение Севастопольского

РИК

В.Ибраимов

Тавровский

от 23. IX. 1926 № 13/356/с) Председатель

Рук. ст. религиозных культов

Источники

Владикавказские епархиальные ведомости. — 1902. № 19. С. 243.

Кишиневские епархиальные ведомости. — 1907. № 46. С. 1601 — 1604, 1605—1609.

Кишиневские епархиальные ведомости. — 1908. № 11. С. 431 — 432; № 12. С. 473—474; № 22—23. С. 888; № 46. С. 1665—1667; № 50. С. 240—241.

Кишиневские епархиальные ведомости. — 1909. № 9. С. 378—381.

Кишиневские епархиальные ведомости. — 1911. № 18. С. 351; №

21. С. 836—837; № 25. С. 964—965; № 40. С. 418—419; № 50—51. С. 1685—1688, 1692—1696.

Киевские епархиальные ведомости. — 1916. № 21. С. 183; № 26. С. 357; № 45—46. С. 974—975.

Киевские епархиальные ведомости. — 1917. № 10. С. 111; № 44—45. С. 50.

Митрополит Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни. — М., 1994. 620 с.

Революция на Украине; По мемуарам белых / Сост. С.А.Алексеев,— М.; Л., 1930. С.48—49.

Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти 1917—1943. Сб.: В 2 ч. / Сост. М.Е. Губонин. — М., 1994. 1064 с.

Протопресвитер Михаил Польский. Новые мученики Российские: В 2 ч. — Джорданвилль, 1949—1957. Ч. 1 и 2.

Протопресвитер Василий Зеньковский. Пять месяцев у власти (15 мая—19 октября 1918 г.): Воспоминания.— М., 1995. 240 с.

ЦА ФСБ РФ. — Арх. № Р-31086, л. 11—17, 32—33. Арх. № Р-30340, л. 25—27, 29—76.

Архив УФСБ РФ по Костромской обл. —Арх. № 11-43-С, т. 1— 2, л. 4—12, 15.

Архив СБУ по Крыму. — Дело по обвинению Эндеки Е.П. № Р-4808, Р-06383, 014914, 07739, 03455.

ГААРК. — Ф. 1, оп. 1, д. 232, л. 152—160. Д. 269, л. 69—79, 209—211.